

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Разбойники Сахары
Пантеры Алжира
Грабители Эр-Рифа

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Эмилио Сальгари

**Разбойники Сахары. Пантеры
Алжира. Грабители Эр-Рифа**

«Азбука-Аттикус»

1903, 1911

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э.

Разбойники Сахары. Пантеры Алжира. Грабители Эр-Рифа
/ Э. Сальгари — «Азбука-Аттикус», 1903, 1911 — (Мир
приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-23879-4

Эмилио Сальгари (1862–1911) – прославленный писатель, которого современники называли «итальянским Жюлем Верном», создавший около двухсот романов и рассказов. Кажется, нет такого континента, по которому не ходили бы персонажи его произведений, нет таких морей и океанов, по которым не плавали бы его благородные корсары и флибустьеры. В настоящее издание вошли три романа из так называемого Африканского цикла, причем два из них – «Разбойники Сахары» и «Грабители Эр-Рифа» – выходят на русском языке впервые. В этих романах захватывающие приключения в лучших традициях Эмилио Сальгари происходят в Северной Африке, в краях безжалостных разбойников, религиозных фанатиков и экзотических красавиц. Произведения сопровождаются иллюстрациями знаменитых итальянских художников Дженнаро Д’Амато и Альберто делла Валле.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-23879-4

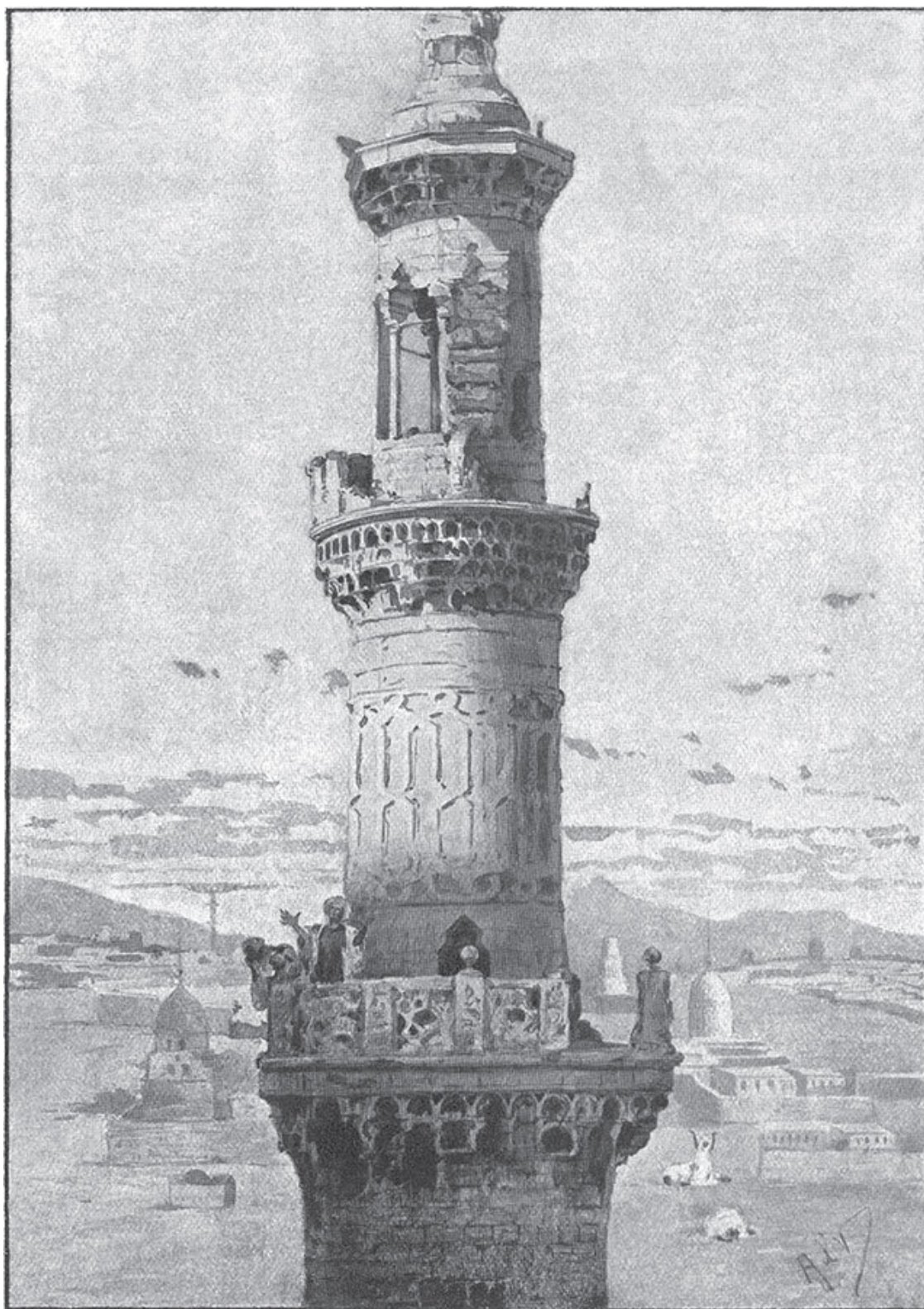
© Сальгари Э., 1903, 1911
© Азбука-Аттикус, 1903, 1911

Содержание

Разбойники Сахары	8
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	24
Глава V	29
Глава VI	35
Глава VII	38
Глава VIII	43
Глава IX	47
Глава X	50
Глава XI	56
Глава XII	60
Глава XIII	67
Глава XIV	71
Глава XV	76
Глава XVI	79
Глава XVII	83
Глава XVIII	88
Глава XIX	94
Глава XX	101
Глава XXI	105
Глава XXII	110
Глава XXIII	114
Глава XXIV	118
Глава XXV	124
Глава XXVI	128
Глава XXVII	134
Глава XXVIII	139
Глава XXIX	144
Глава XXX	147
Глава XXXI	153
Глава XXXII	156
Глава XXXIII	164
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Эмилио Сальгари
Разбойники Сахары. Пантеры
Алжира. Грабители Эр-Рифа

Иллюстрации Альберто делла Валле («Разбойники Сахары», «Грабители Эр-Рифа») и Дженнаро Д'Амато («Пантеры Алжира»)

В оформлении обложки использован фрагмент картины Феликса Эмманюэля Анри Филиппото «Защита Мазаграна», 1840.

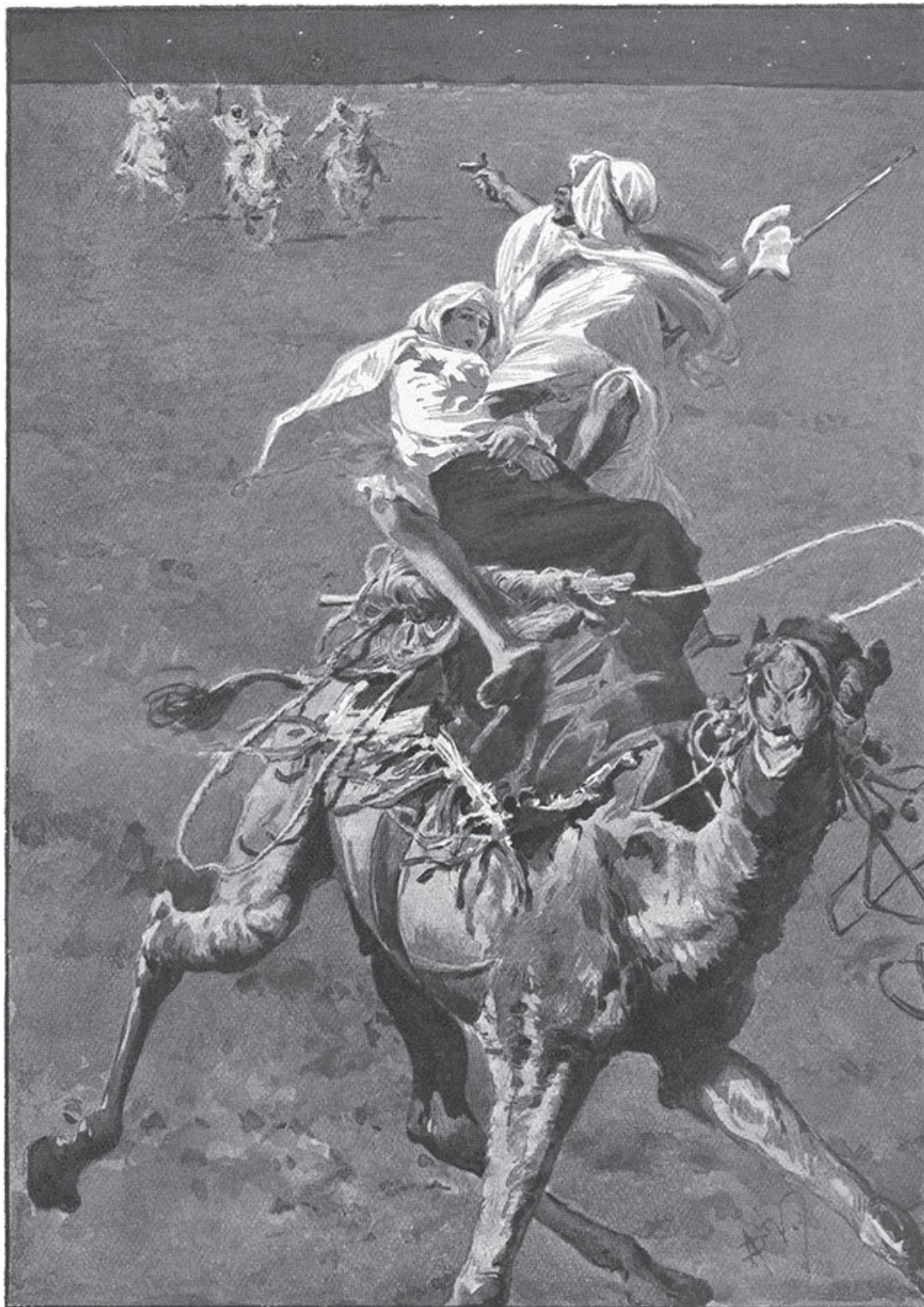
© С. В. Резник, перевод, 2021

© И. В. Соболева, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Разбойники Сахары

Глава I

Марокканские фанатики

Рамадан, мусульманский пост, длящийся тридцать дней, а не сорок, как у христиан, заканчивался. Жители Тафилалета ожидали пушечного выстрела, который должен был возвестить о начале ночного пира. Народ загодя высыпал на улицы и площади города, затерянного у южных рубежей марокканской империи, на берегу бескрайнего песчаного моря Сахары, чтобы поглазеть на святых и фанатиков. Ни один религиозный праздник не обходится здесь без отвратительных кровавых сцен. Будь то Мухаррам, приходящийся на начало года, Рамадан, большой или малый Байрам, разнообразные секты пускаются во все тяжкие, чтобы заработать райское блаженство.

Изменились Турция и Египет. Угас дикий религиозный пыл Триполитании¹ и Алжира. Лишь в Марокко и Саудовской Аравии, колыбели ислама, он сохраняется таким, каким был пятьсот или тысячу лет назад. Охваченные восторгом, граничащим с безумием, фанатики бегают по улицам со стилетами, кинжалами и ятаганами, нанося себе жуткие раны, брызгая кровью в лица своих приверженцев и взывая к Магомету. Нередко в неистовстве своем бросаются они со стен бастиона и разбиваются о камни оборонительного рва.

В Тафилалете, как и в прочих городах Марокко, хватало своих фанатиков и святых, ждавших конца Рамадана, дабы выказать религиозную страсть и заслужить право на магометанский рай. О начале представления объявляют крики и оглушительный рокот барабанов: фанатики покинули мечеть и готовы отправиться в кровавый марафон по улицам города.

Немногочисленные европейцы, живущие тут и ведущие торговлю с караванами, разбегаются кто куда, евреи запираются в домах и дрожат от ужаса над сундуками, полными золота. Все они в опасности. Однако если европеец – просто «неверный», то еврей – пес, которого любой фанатик имеет право безнаказанно оскорбить, а то и убить. Первых трогать побаиваются, вторых – ни капли. Ведь у евреев нет консулов, готовых встать на защиту.

Вот в конце улицы на белом коне появляется муккадим – вождь хамдуков, секты, каждый праздник собирающей богатую и кровавую жатву. В широком белом уазроце² и огромной чалме, он размахивает над головой зеленым с серебряным полумесяцем знаменем пророка.

Вождя сопровождают два десятка вопящих и кружащихся, точно турецкие дервиши, заклинателей змей, так называемые айсау: почти голые, всей одежды – чалма и набедренная повязка. Одни бьют в бубны, другие пронзительно свистят на флейтах, третьи вращают в воздухе смертельно ядовитых змей, во все горло выкрикивая имя своего святого покровителя.

Айсау не боятся змеиных укусов. Они невосприимчивы к яду, поскольку их защищает святой. Они дразнят змей, злят их, кусают за хвосты и, в конце концов, заживо пожирают рептилий, словно это – простые угри. Пожирают, но... не умирают. Почему? Необъяснимая загадка. От укуса этих змей гибнет и курица, и собака, и баран, и не принадлежащий к секте айсау человек.

Вот появляются фанатики вместе со святыми. Их около пяти десятков, и все охвачены бурным религиозным экстазом. Это члены ордена хамдуков, самого рьяного из всех, какие только есть в Марокко. Лица перекошены, глаза мечут молнии, изо рта идет пена, тела – в крови. Воют, будто дикие звери, скачут, словно ступают по горячим углям, извиваются, как одержимые.

Их подзуживают крики верующих, визгливые мелодии флейт и оглушительный грохот барабанов. Некоторые режут себе грудь короткими клинками, чьи рукояти увенчаны медными

¹ Триполитания – историческая область в Ливии. – Здесь и далее примеч. ред., кроме указанных особо.

² Уазроц – вид мужской туники.

шарами, цепочками и отполированными пластинками. Другие, даже не морщась, прокалывают себе щеки и языки стилетами. Третьи глотают скорпионов и усеянные иглами побеги опунции.

Из всех глоток непрерывно вырывается: «Аллах... алла... алла...» Это уже не крик, это рев, какой издают львы или леопарды.

Фанатики срываются на бег, обгоняют своего вождя. За ними бросаются адепты и айсауа. Начинается безумная, безудержная гонка, которая, без сомнения, закончится трагедией, ведь несчастные, охваченные галлюцинациями, достигли предела исступления. Горе неверному, что окажется у них на пути! А если не подвернется ни европейца, ни еврея, сгодятся собаки, овцы и ослы.

Люди набрасываются на невезучих животных, зубами и когтями вырывают куски плоти и глотают ее, еще трепещущую и истекающую кровью. Вот испуганный пес, убегающий, метнувшись им под ноги. Его тут же ловят и съедают живьем. Бедного ослика, привязанного на углу улицы, загрызают до смерти. Та же судьба постигает двух баранов.

Зверски вопя и продолжая звать к Аллаху, фанатики приближаются к городским стенам. Базарная площадь остается позади. И тут на глаза им попадает человек. Раздается жуткий рев:

– Смерть кафиру!³

Бедняга во всем черном, а цвет этот ненавистен марокканцам, предпочитающим белый или яркие краски. Безумцы сразу соображают, что перед ними – неверный, хуже того – еврей, которого можно убить безнаказанно. Человек, поняв, что замечен и не успеет укрыться в доме, бросается в арку дверного проема...

Юноше лет двадцать пять. Строен и красив, что редкость среди марокканских евреев, по большей части безобразных. Впрочем, их женщины по-прежнему сохраняют чистоту древнего семитского типа.

Видя несущихся к нему фанатиков, юноша выхватил из-за пояса пистолет, инкрустированный серебром и перламутром, в другую руку взял кинжал и решительно крикнул:

– Кто до меня дотронется, тут же умрет!

Фанатики в недоумении остановились. Чтобы им угрожал еврей? Неслыханно!

Марокканскому еврею не подобает защищаться. Ему надлежит покорно, как барану, умереть от руки первого же мусульманина, встреченного на религиозном празднике. К тому же у евреев не хватает духу обороняться. Да и что толку? Попытайся еврей поднять руку на мусульманина, будет тотчас же приговорен имперским правосудием к сожжению на костре.

Фанатики колебались недолго. Крики «Смерть кафиру!» возобновились. Сзади, готовая присоединиться к хамдукам, напирала толпа, подгоняя их воплями:

– Смерть неверному! Смерть еврею! Аллах и Магомет вас наградят!

Израильянин, уже наверняка зная, что дело его гиблое, все же не потерял присутствия духа. Ствол пистолета был упрямо направлен на нападавших. Видимо, юноша собрался выпустить обе пули в безумцев, а потом взяться за кинжал. На побледневшем лице яростно сверкали черные глаза, красотой не уступающие очам самых прекрасных евреек.

– Назад! – отчаянно выкрикнул он.

Под ободряющее улюлюканье толпы фанатики начали, дико визжа, размахивать кинжалами и короткими ятаганами. Безумцы уже готовы были кинуться на юношу и разорвать его в клочья, когда дорогу им преградили двое незнакомцев:

– Стойте!

Оба они были в белых костюмах, какие европейцы носят в Марокко и прочих жарких странах. Первый мужчина выглядел лет на тридцать: высокий, стройный, черноусый брюнет с живыми глазами.

³ Кафир – иноверец, человек, не исповедующий мусульманскую веру.

Второй – лет на пять-шесть старше, настоящий геркулес гренадерского роста и с толстенными ручищами: такой в одиночку способен противостоять целому отряду. Кожа смуглая, как у мулата, волосы цвета воронова крыла и огромные усищи, придававшие их обладателю несколько бандитский вид. Черты лица – грубоватые, нос – прямой, губы красные, точно вишни. На голове вместо пробкового шлема – странный черный берет, обвязанный алым платком. Веяло от этого великана такой мощью, что худосочные марокканцы смотрелись на его фоне довольно жалко.

Фанатики вновь притормозили. Речь уже шла не о еврейской собаке, перед ними стояли европейцы. Может, англичане, а может, французы или итальянцы. Короче говоря, те, кто мог обратиться за помощью к наместнику султана. Происшествие могло закончиться появлением у стен Танжера линкоров, что вряд ли понравится правителю.

– Прочь! – зловеще зашипел кто-то из фанатиков. – Еврей – наш!

Брюнет молча выхватил из кармана револьвер, направил его на марокканца и спросил у товарища:

– Ты готов, Рокко?

– Сделать из этих кретинов отбивные? Всегда готов! – ответил великан. – Я, маркиз, голыми руками с ними справлюсь.

Иступление толпы достигло предела. Так наводнение грозит прорвать плотину.

– Смерть неверным! – раздались вопли.

– Смерть! Смерть! – завопили в ответ фанатики и, намереваясь разделаться с евреем и европейцами, бросились вперед, размахивая ятаганами и кинжалами, с которых капала их собственная кровь.

– Назад, негодяи! – крикнул брюнет, заслоняя собой юношу. – Вы не прикоснетесь к этому человеку.

– Смерть европейским собакам! – заорали фанатики.

– Ах так? По-хорошему, значит, не хотите? – разгневался маркиз. – Тогда получайте!

Выстрел из револьвера поразил первого марокканца, и он замертво рухнул на землю. В тот же миг на толпу с кулаками кинулся «геркулес» и двумя ударами свалил еще парочку буянов.

– Bravo, Рокко! – похвалил брюнет. – От тебя пользы побольше, чем от моего револьвера.

Наткнувшись на неожиданное сопротивление, фанатики застыли и со страхом уставились на гиганта, похоже отлично умевшего драться и собиравшегося вновь пустить в ход свои кулачищи.

Юноша-еврей пододвинулся поближе к европейцам и на безупречном итальянском произнес:

– Господа, благодарю за помощь, но, если вам дорога жизнь, бегите.

– Я бы с радостью, – ответил брюнет, – было бы куда. У нас нет дома. Не правда ли, Рокко?

– Нету, хозяин. Не нашли пока.

– Тогда позвольте пригласить вас к себе, – сказал юноша.

– И далеко ваш дом?

– Здесь, в гетто.

– Тогда ведите.

Выстрел из револьвера поразил первого марокканца, и он замертво рухнул на землю.

– Да поскорее, – прибавил Рокко. – Люди продолжают вооружаться, и скоро нам мало не покажется.

Действительно, кое-кто, наведавшись в соседние дома, выходил оттуда с карабинами, саблями, ятаганами, а то и просто с мясницкими ножами.

– Дело принимает серьезный оборот, – согласился маркиз. – Отходим!

Они бросились бежать по рыночной площади. Впереди – еврей, быстрый, точно олень. Вслед беглецам загрохотали выстрелы. По счастью, меткость стрелков оставляла желать лучшего.

Опомнившись, фанатики и их поклонники кинулись вдогонку, вопя:

– Смерть кафирам! Месть! Месть!

Все трое бежали без усталости, показав, что у них стальные икры. Однако положение становилось все более угрожающим, и маркиз начал сомневаться, что удастся уйти невредимыми.

Толпа росла. Из узких проулков выбегали мавры, арабы, негры... И были они отнюдь не безоружными. Новость, что иностранцы злодейски убили трех дервишей, молниеносно распространилась по городу, и весь Тафиалет собрался воздать по заслугам ненавистным кафирам.

– Не думал я, что вызову такую бурю, – прокричал на бегу маркиз. – Если вдруг не появится гвардия наместника, моя миссия на этом завершится.

Беглецы миновали площадь и хотели свернуть на одну из улиц, но проход оказался перекрыт отрядом мавров, вооруженных саблями и карабинами. Они сразу бросились наперерез беглецам, намереваясь зажать их меж двух огней. И им это вполне удалось.

– Рокко! – Маркиз остановился. – Мы проиграли.

– Путь перекрыт, – мрачно сказал еврей. – Вы погибнете, и все из-за меня.

– Ну пока-то мы живы, – возразил великан. – У меня пять пуль, у маркиза – шесть. Давайте где-нибудь забаррикадируемся.

– Где? – спросил маркиз.

– Да хоть вон в той кофейне.

– Начнется осада.

– Попробуем продержаться до прибытия стражи. Наместник три раза подумает, прежде чем бросит нас на произвол судьбы. Мы – европейцы, представители двух стран, которые могут создать кучу неприятностей марокканскому императору. Но не будем терять времени! Они готовятся стрелять.

Прогремели выстрелы. Пуля пробила берет Рокко.

В конце площади стояло небольшое квадратное строение с террасой. В чисто побеленных стенах – ни одного окна. Перед входом – плетеные корзины, служившие сиденьями посетителям кофейни.

Все трое кинулись туда, столкнувшись в дверях с хозяином-арабом. Старик нехотя выглянул наружу, привлеченный криками и выстрелами.

– С дороги! – рявкнул маркиз. – Это – тебе!

Швырнув арабу пригоршню золотых монет, он оттолкнул его и вбежал внутрь. Рокко и еврей – за ним. Снаружи подбегала толпа:

– Смерть! Смерть кафирам!

Глава II

Трое против тысячи

Кофейня, занятая беглецами без разрешения хозяина, состояла из двух тесных комнат, забитых мешками с кофе, стульями, корзинами, глиняными и медными кувшинчиками и чашками, в основном – оббитыми и потрескавшимися.

Кроме того, имелись массивный прилавок, койка и железная жаровня, на которой закипал котел с кофе. Маркиз осмотрелся:

– Рокко, сможешь забаррикадировать дверь?

– Пожалуй, стойки хватит. Она тяжелая, из доброй ореховой древесины, в которой крепко застрянут пули.

Сказав это, великан легко оторвал прибитую к полу стойку и подтащил к выходу. Проход оказался прикрыт до половины. Еврейский юноша взялся за кровать, маркиз торопливо подтаскивал мешки с кофе.

– Дело сделано, – заключил Рокко.

– Впрочем, – отозвался маркиз. – Вот они, эти проклятые фанатики. Ни дать ни взять стая бешеных шакалов.

Снаружи доносились жуткие вопли. Фанатики и их последователи, натолкнувшись на баррикаду, вконец взбеленились.

– Пристрелим их! – завизжал кто-то.

– Утомонись, дружище, – невозмутимо посоветовал маркиз. – Мы не фазаны, чтобы спокойно подставляться под выстрелы. У нас тоже есть пули, и уж мы найдем им применение.

– А заодно этому кипятку, – добавил Рокко. – Можно подняться на террасу и вылить его им на голову.

– Сейчас так и сделаю, – вызвался юноша.

– Послушайте, не показывайтесь им на глаза. Сдается мне, вас они ненавидят больше, чем нас.

– Это потому, что я еврей.

– И много у вас врагов в Тафилалете?

– Ни одного, господин. Я прибыл сюда всего два дня назад и...

Выстрел не дал ему закончить фразу. Один марокканец сумел незаметно подобраться к двери, прокравшись вдоль стены, и выстрелил в щель между мешками. Свистнула пуля, едва не задев маркиза и еврейского юношу.

Рокко схватил со стойки револьвер и пальнул вслед убегающему марокканцу. Тот завопил, однако не упал и тут же затерялся в толпе. Горожане сгрудились на площади шагах в пятидесяти от кофейни и не переставая выкрикивали страшные угрозы.

– Промазал? – поинтересовался маркиз.

– Не совсем. Я его ранил, – ответил Рокко. – У нас на Сардинии стрелять умеют.

– У нас на Корсике тоже, – засмеялся маркиз.

– Да, не поспоришь. Ловко вы отправили пряником к Магомету того фанатика, всадив ему тридцать граммов свинца в тыкву.

– И вы еще можете шутить? – воскликнул юноша, пораженный невероятным хладнокровием своих спасителей.

– Что тут такого? Мы с Рокко развлекаемся вовсю, – ответил маркиз.

– Не думайте, что марокканцы оставят нас в покое.

– Не оставят, говорите? Ну это мы еще поглядим.

– Они перережут нас как цыплят.

– Вы их боитесь?

– Нет, господин маркиз, не боюсь. Клянусь в этом. Однако мне жаль вас и... свою сестру, – вздохнул юноша.

– А, так у вас есть сестра? Где же она?

– В доме одного моего единоверца.

– То есть в безопасности?

– Надеюсь.

– В таком случае выше нос, дружище. Вы еще с ней увидите. Гвардейцы наместника не позволят толпе растерзать двух европейцев.

– Европейцев, вероятно, да. Что до меня... Я-то – еврей. Меня наместник с чистой совестью бросит толпе.

– Скажите-ка, вы марокканский подданный?

– Да, я из Танжера.

– В Тафилалете вас кто-нибудь знает?

– Нет, господин маркиз.

– Тогда мы объявим, что вы находитесь под покровительством Франции и Италии. Посмотрим, осмелятся ли они вас тронуть. Ага! Кажется, началось. Рокко, надо кое-что сделать.

– Хозяин, – сказал Рокко, – снаружи прячутся четверо или пятеро бандитов. Сейчас примутся палить.

– По-моему, кофейник давно вскипел. Почему бы не угостить этих месье чашечкой мокко?

– Одной чашечкой? Мы же не жадные, господин маркиз.

– А вдруг они обожгутся?

– Тем хуже для них.

Маркиз и юноша встали у стены, чтобы не попасть под выстрел в упор, а сардинец взял тряпку, снял с жаровни огромный, чуть ли не десятилитровый, котелок с кофе и по лесенке поднялся на террасу. Прячась за парапетом, он поднял котелок и опрокинул его содержимое вниз, крикнув:

– Берегите голову, ребята! Горячо!

Из-за двери раздались кошмарные, душераздирающие вопли. Несколько человек бросились через площадь, держась за голову и визжа, точно дикие звери.

– Славный полив! – воскликнул великан.

Толпа отреагировала бешеной пальбой из ружей. Сардинец, однако, предвидя такую реакцию, уже присел за парапетом, по которому застучали пули, разбрасывая во все стороны каменное крошево.

– А стреляют неплохо, подлецы, хотя вряд ли у них имеется добрый английский порох, – проворчал себе в усы Рокко. – Спустишь-ка, поставлю опять котелок на огонь.

И сбежал по ступеням. Вслед грянул новый залп, пули градом забарабанили по стенам.

– Кажется, теперь они больше злы на тебя, мой дорогой Рокко, чем на этого месье, – заметил маркиз. – Кстати, вооружены они неважно. Карабины у них, может, и есть, но, по-моему, от них больше шума, чем вреда.

– Что слышно? – поинтересовался Рокко у еврея, наблюдавшего за площадью.

– Удрали, только пятки засверкали.

– Еще бы! Столько кофе разом выпить!

– Тем не менее остальные готовятся стрелять, – добавил юноша.

– Ничего, нам есть что им предложить, господин...

– Бен Нартико, – представился молодой еврей.

– Судя по имени, вы наполовину то ли араб, то ли испанец?

– Можно и так сказать, месье...

– Маркиз де Сартен.

– Вы корсиканец?

– Да, господин Нартико. Мы с моим верным Рокко оба островитяне. Он с Сардинии. Смотрите, они приближаются! Проклятье! Погодите, сейчас я вас...

С этими словами маркиз выстрелил из револьвера. Молодой еврей поддержал его огнем из пистолета.

– Отлично стреляет израильтянин, – пробасил Рокко, увидев, как один из нападавших крутанулся вокруг своей оси и рухнул на землю.

Толпа ответила столь мощным залпом, что трое осажденных вынуждены были присесть. Марокканцы, похоже, решили взяться за дело всерьез. Пули засвистели, глухо застучали по стенам и деревянной стойке, выбивая куски штукатурки и щепки.

Нападающие, сбившись в кучу, подбирались к кофейне, подбадривая себя криками. Решили, наверное, во что бы то ни стало добраться до трех кафиров, посмеявшихся бросить вызов целому городу.

– Господин де Сартен, – произнес юноша, – настал наш последний час.

– У меня еще три патрона, – хладнокровно ответил маркиз.

– Я пока вообще ни одного из своих не потратил, – прибавил Рокко.

– Итого – минус восемь негодяев.

– А мои кулаки, хозяин? О них вы позабыли?

– Но их же там тысяча! – вскричал еврей. – У вас найдутся кинжалы?

– Найдутся. И мы ими воспользуемся, будьте покойны.

– Следовательно, у нас вполне хватит... Что это еще за шум? Не стук ли копыт?

В самом деле, сквозь многоголосый гомон донеслось ржание лошадей и по мостовой загрохотали подковы. Послышались повелительные крики:

– С дороги! С дороги!

– Похоже, помощь подоспела, – сообщил Рокко, выглянув наружу. – Толпа расступается перед всадниками.

– Выходит, здешний душка-наместник решил наконец вмешаться? – предположил маркиз. – Еще чуть-чуть, и уже ничто не спасло бы наши шкуры, а заодно – и шкуры его подданных. Представляю, что сейчас здесь начнется.

– Ничего, что нельзя будет решить золотом, – сказал Бен Нартико. – Если позволите, я вручу им его от вашего имени.

– От таких щедрых предложений грех отказываться. Сейчас у меня в кармане ни луидора, но потом я верну вам долг.

– Господин маркиз! – воскликнул Бен Нартико. – Это я у вас в неоплатном долгу!

– А он совершенно не похож на других евреев, – пробормотал себе под нос Рокко. – Неплохой, должно быть, парнишка.

Между тем всадники, разогнав собравшихся древками копий, остановились перед кофейней. Их было около трех десятков, все высокие, статные и черные, как вакса. Лучшие, самые надежные марокканские войска комплектуются из негров, которых в цепях приводят из африканских джунглей. Они не колеблясь пускают в ход оружие против местных жителей: мавров, арабов и евреев.

На стражниках были просторные голубые или красные кафтаны, белые накидки и остроконечные фески. На ногах – желтые кожаные бабуши с очень длинными двузубыми шпорами.

Лошади под тяжелыми седлами были коренасты, яркоглазы, с немного сплюсненными лбами. Красивые, поджарые, быстрые как ветер и выносливые животные.

Во главе отряда гарцевал очень смуглый, чернобородый вельможа весьма важного вида. Наряд его составляли белая чалма, короткие штаны, желтые сапоги и невероятной красоты голубой узор из невесомого шелка, расшитого золотом.

Маркиз мигом узнал всадника:

– Наместник! Какой любезный месье, прибыл самолично!

– Любезный или перепуганный? – усмехнулся Рокко. – Держу пари, он, словно наяву, увидел французские и итальянские броненосцы, бороздящие песчаные волны Сахары.

– Точно! – захохотал маркиз. – Приплывшие разнести в пыль его город.

Сардинец мигом раскидал баррикаду. Наместник приблизился. Увидев маркиза, выходящего с револьвером, он нахмурился и заставил коня попятиться.

– Не бойтесь, ваше превосходительство, – успокоительно произнес корсиканец.

– Что вы тут натворили, если против вас ополчился весь город? – спросил с сильным акцентом наместник. – Неужто забыли, что вы не просто чужестранцы, но христиане?

– Вините во всем ваших подданных, ваше превосходительство. – Маркиз сделал вид, будто возмущен до глубины души. – Иностранцам запрещено ходить по улицам Тафилалета? Во Франции или в Италии может спокойно прогуливаться любой иностранец. Даже марокканец, если вам угодно.

– Вы убили троих горожан.

– Не мог же я позволить им прикончить моего слугу!

– Мне доложили, что речь не о слуге, а о грязном еврее.

– Тот, кого вы столь презрительно поименовали грязным евреем, и есть мой слуга, ваше превосходительство.

– Вы держите в слугах еврея? – изумленно вскричал наместник. – Почему же нам об этом не доложили? Я бы заставил своих людей его уважать. Султан не желает ссориться с европейскими державами.

– Доложить? Не знал, что это необходимо.

– Поэтому и угодили в переплет, последствия которого трудно предвидеть. Жители города в гневе и требуют справедливости. Хотите добрый совет? Отдайте им этого еврея на растерзание.

– Не в моих правилах позволять убивать своих слуг, даже не попытавшись их защитить. Делать нечего, придется сразиться с вашими горожанами.

– Одному против тысяч?! Вас мигом убьют!

– За меня отомстит Франция, а за моего товарища – Италия.

Услышав такие речи, наместник помрачнел еще больше:

– Только этого не хватало! Мне не нужны дипломатические осложнения, которые могут закончиться войной. Война нам сейчас не по средствам... Не желаете выдать еврея, так хотя бы уезжайте отсюда поскорее. Я не смогу долго вас прикрывать.

– Хорошо. Дайте мне время собрать караван, и я уеду.

– Будьте осторожны. Великая пустыня опасна, кто-нибудь может вас там выследить.

– Ничего, отобьюсь.

– Следуйте за мной. Я отправлю вас из города нынче же вечером.

– Мы направляемся во дворец?

– Это сейчас единственное место, где вам не угрожает гибель. Встаньте все в середину моего отряда.

– Точно арестанты?..

– Доставьте толпе эту маленькую радость. Поверьте, в итоге не прогадаете.

– Да будет так, – кивнул маркиз. – Рокко, Бен, пошли. Но будьте начеку. Верить тут никому нельзя.

– А моя сестра?

– Дьявол! Совсем из головы вон. Ничего, найдем способ дать ей знать, что с вами все в порядке. Пока же удовлетворитесь тем, что живы.

Глава III

Наместник тафиалета

Пока наместник беседовал с маркизом, толпа понемногу стягивалась к площади, побуждаемая безумцами, призывающими на головы кафиров гнев Аллаха и Магомета. Здесь собрались представители всех племен и сект, какие только есть в Марокко.

Мавры в пышных нарядах и огромных чалмах из разноцветного муслина, в красных, голубых или полосатых кафтанах, в белых шерстяных уазроцах, украшенных кисточками, или в полосатых шелковых плащах, легких, почти прозрачных.

Другие местные аристократы, арабы, щеголяли в бурнусах и шерстяных башлыках. Вооружены они были длинными старинными мушкетами, инкрустированными серебром и перламутром.

Были среди собравшихся и жители пустыни: худые как щепки, импульсивные, с желтоватой пергаментной кожей и в плащах сомнительной белизны. Были негры из Центральной Африки: высокие, мускулистые, черные, будто гуталин, с курчавыми волосами и огромными, словно фарфоровыми глазами.

Были тут заклинатели змей, святые, дервиши, нищие, работорговцы, бедуины. У каждого имелось какое-нибудь оружие, и все горели желанием растерзать кафиров, посмеявших нарушить ход религиозной церемонии, из-за чего фанатики так и не попали в магометанский рай.

Больше всего, конечно, они злились на несчастного еврейского юношу, из-за которого начался этот тарарам. О погибших уже благополучно забыли. Человеческая жизнь в Африке стоит дешево. Собравшихся огорчало одно: товарищей на их глазах убили неверные.

Увидев, что осажденные покидают кофейню, толпа заревела:

– Справедливости! Справедливости!.. Казнить их! Отрубить им головы!..

Наместник выдвинул вперед два десятка солдат, приказав им держать копыя наготове. Толпа поспешила расступиться перед вооруженными всадниками.

– Господин, – обратился наместник к маркизу, шагавшему рядом, – прошу вас, если вам дорога жизнь, не совершайте необдуманных действий.

– Не волнуйтесь, мы будем пайньками, – ответил де Сартен. – Напротив, разрешаю вам объявить, что на рассвете наши головы будут вывешены на крюках бастионов. Завтра этих подлецов ждет сильное разочарование, зато сегодня они удовлетворятся обещанием и возблагодарят султана и вас за справедливый суд.

– Э-э-э, синьор маркиз, не слишком ли много вы им обещаете? – хохотнул Рокко, в то время как наместник кисло скривился.

– Ничего! Завтра мы будем далеко в пустыне. Ищи нас там свищи.

Визги и вопли толпы слились в невнятный гул. Мавры, арабы и негры размахивали саблями и ятаганами, потрясали карабинами, однако, едва стражники наместника взяли копыя наперевес, забияки поспешили сдать назад и пропустили процессию.

Горожане хорошо знали, что наместник – не тот человек, которого можно взять на испуг. Могло выйти, что завтра уже их головы окажутся вывешенными на крючьях. Суд в Марокко скор на руку, особенно если дело касается тех, кто восстает против властей.

Всадники, ни на секунду не поднимая копий и жестоко распахивая кричащую, но нерешительную толпу, пересекли площадь. Вскоре отряд достиг широкой эспланады, ведущей к великолепному, утопающему в садах зданию с террасами, галереями и беломраморными портиками.

Миновав разводной мост, вступили в просторный квадратный двор с мозаичным полом и стрельчатыми аркадами с изящными зубчатыми сводами. По периметру выстроились мраморные колонны с каннелюрами. Фонтан, с дельфином в центре, испускающий струю воды,

поддерживал благодатную прохладу. И везде были разложены знаменитые цветастые рабатские ковры.

Маркиз приблизился к спешившемуся наместнику и незаметно передал ему тяжелый кожаный кошель, полученный от еврея:

– Разделите это между вашими солдатами, ваше превосходительство.

– Да-да, не беспокойтесь, – ответил марокканец, спрятав кошелёк прежде, чем его увидели стражники.

– Благодарю за помощь, ваше превосходительство.

– Я всего лишь исполнял долг, хотя, признаюсь, ваша эскапада может доставить мне серьезные неприятности.

Передав коня слуге, наместник провел маркиза с его товарищами в зал, то и дело бросая неприязненные взгляды на еврея. Еврей в его дворце? Это уж слишком. Не оскверняет ли он своим присутствием резиденцию наместников Тафилалета?

Как и во всех домах богатых арабов и мавров, мозаичные полы во дворце наместника были устланы роскошными коврами. Было тут множество зеркал, ваз с цветами, шелковых диванчиков и столиков с серебряными и медными подсвечниками, в которых горели красные, желтые и зеленые свечи.

В углу дымилась красивая чеканная курильница, где тлел порошок алоэ, распространяя тонкий аромат. Наместник распорядился подать напитки, мороженое и маджум – мягкую фиолетовую пасту из меда, масла, специй и листочков кифа⁴. В небольших дозах маджум вызывает легкое опьянение, но, если им злоупотребить, одурманивает и вызывает болезнь. Сам наместник к еде не прикоснулся, ведь пост еще не закончился.

– Вы останетесь во дворце до тех пор, пока не будет собран ваш караван, – сказал он маркизу. – Я уже приказал снарядить для вас людей и верблюдов.

– Только не жадничайте, ваше превосходительство. Мне требуются сильные животные и надежные люди.

– Сколько хотите верблюдов?

– С полдюжины. И два коня.

– Двух человек вам хватит?

– Да, если они крепки телом и духом.

– Не сомневайтесь. Именно такими они и будут. Более того, я пошлю с вашим караваном человека, который сможет защитить вас от пустынных племен намного лучше оружия.

– Что же это за человек такой?

– Тот, на чьих руках благословение крови.

– Боюсь, ваше превосходительство, я вас не вполне понимаю. – Маркиз удивленно посмотрел на наместника.

– Он способен излечить любую болезнь, никто не посмеет тронуть человека, обладающего подобным даром.

– От кого же он получил сей дар?

– От самого Аллаха.

– Теперь понятно, – ответил маркиз, с трудом сдерживая улыбку.

– А вот я – ничего не понял, – пробормотал Рокко.

– Я прикажу подать вам ужин сюда или, если захотите, во дворик. – Наместник поднялся. – Пожелаете отдохнуть – в вашем распоряжении все мои диваны.

– Благодарю, ваше превосходительство.

Маркиз проводил наместника до двери, потом вернулся к Рокко:

– Ты ведь уложил перед уходом наш багаж?

⁴ *Киф* – так в Северной Африке называют гашиш.

– Да, хозяин. Осталось лишь погрузить на верблюдов.
– Господа, куда вы направляетесь? – спросил Бен.
– В пустыню. Хотите с нами? Сдается мне, климат Тафилалета для вас вреден.
– Я тоже собрал небольшой караван, чтобы ехать в пустыню.
– Вы? И что же вас гонит в раскаленные пески?
– У меня дело в Тимбукту.
– В Тимбукту?! Разве вы не знаете, что этот город опасен и для европейцев, и для евреев?
– Прекрасно знаю, маркиз. Однако мне нужно добраться до Царицы Песков⁵.
– Но зачем?
– Об этом я поведаю позже. Было бы неосмотрительно беседовать на такие темы здесь, где у стен могут быть уши. Как только доберемся до адуара⁶ моего друга Гасана, сможем поговорить спокойно.

- Кто этот Гасан?
- Мой единоведец. Его табор стоит на самой границе пустыни.
- Далеко отсюда?
- Часов десять ходу.
- Вам уже случалось пересекать Сахару?
- Да, маркиз.
- В таком случае вы можете быть мне полезны, – сказал де Сартен.
- Готов на все, чтобы отблагодарить вас за спасение моей жизни.
- Не стоит.
- Нет, стоит, маркиз.

Корсиканец помолчал, пристально глядя на юношу. Казалось, ему очень хочется о чем-то с ним посоветоваться. Наконец он пожал плечами и произнес:

- Да, поговорим обо всем позже.
- В чем дело? – поинтересовался Рокко.
- Бен прав. Здесь неподходящее место для доверительных бесед. А! Вот и наш ужин. Как раз вовремя. Согласен, Рокко?

– Еще бы! От всех этих воплей и выстрелов у меня разыгрался волчий аппетит.

В зал как раз вошли четверо негров, в красных, расшитых золотом шароварах и куртках с серебряными арабесками, и внесли богато накрытый стол.

Столовые приборы и блюда были из серебра, бокалы – из розового хрусталя, также инкрустированного серебром.

– Наместник обращается с нами будто с принцами крови, – заметил маркиз, повеселевший от аппетитных запахов, которые распространяли внушительные фарфоровые миски. – Внакладе он, конечно, не останется и заставит нас дорого заплатить за караван. Впрочем, нам ли жаловаться?

В последний день Рамадана повара его превосходительства, похоже, совершили настоящие чудеса. Ужин был превосходным, а по марокканским меркам так и вообще настоящим пиром.

Даже бравый Рокко, с сомнением относившийся к африканской кухне, с интересом прихлебывал к кускусу. Это национальное марокканское блюдо готовят из крупы, бобов, рубленого мяса, лука, кабачков и приправляют сладкой подливой с ямайским перцем.

Были поданы огромные куски разнообразно приготовленной баранины. А еще – курятина, рыба, пахучие жирные соусы, пироги с финиками, сладости, мороженое и фрукты, доставленные из оазисов пустыни.

⁵ Царицей Песков называли город Тимбукту.

⁶ Адуар – табор, поселок бедуинов.

Вина не было, поскольку оно запрещено для последователей Магомета. Зато апельсиновые и смородиновые шербеты имелись в изобилии. Шербет, конечно, далеко не то же самое, что бутылка выдержанного бордо или доброго кампидано, горячо любимого Рокко, но пришлось удовлетвориться шербетами.

Не успели маркиз с товарищами отужинать и раскурить поданные слугой трубки, как им доложили, что караван готов и ждет их у развалин древней мечети за городом.

– Наместнику не терпится отослать нас в пустыню, – хмыкнул маркиз. – Уж не боится ли он бунта?

– Боится не боится, но, если он будет продолжать нас защищать, неприятностей ему не миновать, – ответил Бен Нартико.

– И чтобы избавиться от доуки, он отправляет нас на съедение туарегам. Впрочем, мы в долгу перед наместником. Кто знает, чем бы без его помощи закончилась эта история? Месье Нартико, где мы можем отыскать вашу сестру?

– Я уже поручил дворцовому слуге переправить ее в адуар моего друга. К этому часу они должны были покинуть Тафилалет.

– А вы, смотрю, времени зря не теряли.

– Как и я, господин маркиз, – сказал Рокко. – Отправил негров за нашими вещами. Думаю, их уже навьючили на верблюдов.

– Значит, мы с легким сердцем можем покинуть дворец.

Во дворе товарищей ждали двенадцать всадников, которые должны были эскортировать их за городские стены и в случае чего защитить от горожан. Наместник вышел попрощаться с маркизом.

– Доброго вам пути, господин, – сказал он корсиканцу. – Надеюсь, вы поведаете французскому консулу, что встретили у меня хороший прием?

– Не сомневайтесь, ваше превосходительство, – ответил де Сартен. – Прежде чем пуститься в дорогу, отправлю курьера с письмом в Танжер. И как только доберусь до своего багажа, пришлю вам подарок.

– Можете передать его мне с эскортом, – торопливо вставил наместник.

– Так будет хоть какой-то шанс, что он получит свой подарок, – пробурчал Рокко. – Жадные и жестокие фанатики, вот кто такие эти марокканцы.

Трое товарищей вскочили в седла и в сопровождении стражи покинули дворец. Эскорт держал копыа наперевес. Оставалось стойкое подозрение, что родичи убитых так просто от мести не откажутся.

К счастью, наместник выбрал удобный момент, чтобы избавиться от опасных гостей. Прогремел пушечный выстрел, возвещая, что до окончания поста осталось четверть часа, и все тафилалетцы уже сидели перед обильно накрытыми столами, готовясь отпраздновать завершение Рамадана.

– На улицах никого, – сказал Рокко, сжимая револьвер. – Одни бродячие собаки. Неужто горожане слепо поверили обещаниям наместника?

– Это вряд ли, – ответил маркиз.

– Я тоже так думаю, – согласился юноша.

–Господин, вон там ждет тебя твой караван.

Они скакали по опустевшим улицам. Из каждого двора доносились громкие возгласы, пение и музыка, террасы освещались множеством разноцветных ламп. Никто не выглядывал в окна и двери, слышав частый стук копыт, не выходил на балконы и веранды. Люди веселились и воздавали должное кушаньям и напиткам, потому что конец Рамадана для магометан

все равно что Пасха – для христиан: отличный повод собраться всей семьей за праздничным столом.

Минут через двадцать показали городские стены и полуобвалившиеся зубчатые бастии. Солдаты назвали дозорным пароль, и отряд без происшествий покинул Тафилалет.

В безоблачном небе висела только что взошедшая луна, и равнина впереди была освещена, как днем. Нигде ни верхового, ни пешего. Места казались пустынными, однако это еще не была настоящая пустыня: тут и там вырисовывались четкие контуры алоэ и огромных опунций, акаций или великолепных пальм с листьями, напоминающими веера.

В стороне, в низине, можно было разглядеть несколько поставленных в круг палаток – адуар. В полном безветрии далеко разносились сладкие звуки теорб⁷ и монотонный перезвон бубнов.

Арабы пустыни тоже справляли Рамадан.

Еще с полчаса отряд скакал по почти бесплодным песчаным пустошам, где лишь изредка попадались участки, поросшие жесткой травой. Наконец командир поравнялся с маркизом и показал на небольшую мечеть, тонкий минарет которой белел на фоне неба:

– Господин, вон там ждет тебя твой караван.

– Прекрасно. – Маркиз перевел дух. – Полагаю, теперь мы в безопасности. Рокко, если полковник все еще жив и находится в пустыне, мы его найдем, верно?

– Конечно, хозяин.

– О каком полковнике вы толкуете, господин де Сартен? – поинтересовался Бен, услышавший их разговор.

– О полковнике Флаттерсе, – тихо произнес маркиз. – Мы отправляемся на его поиски.

И, не говоря больше ни слова, пришпорил коня, направляя его к мечети.

⁷ Теорба – струнный щипковый инструмент.

Глава IV

Караван

Маркиз Гюстав де Сартен был прирожденным авантюристом. Впрочем, таковы все корсиканцы.

Неугомонный и пылкий юноша быстро понял, что родной остров слишком мал, тогда как окружающий мир – огромен и полон возможностей. Гюстав был крепок телом, до безрассудства смел и, что немаловажно, богат. Еще мальчиком он совершил кругосветное путешествие, гонимый ненасытным желанием пережить увлекательные приключения, непременно рискованные.

К пятнадцати годам Гюстав два раза пересек Атлантический океан, надеясь отыскать героев, о которых читал в книгах Фенимора Купера и Гюстава Эмара. К восемнадцати побывал в Индии и Китае. К двадцати четырем стал лейтенантом взвода спаги⁸ и воевал на границе Алжира против берберов-кабилов.

Он как раз собирался подать в отставку и отправиться в Австралию, ибо уже и Алжир прискучил неугомонному корсиканцу, когда непредвиденное событие заставило его перемнить намерения.

Случившееся точно громом поразило ученый мир, а также французских военных. На экспедицию полковника Флаттерса, отправленную в 1881 году в пустыню с целью разведки будущей трассы Великой Транссахарской железной дороги, напали разбойники.

Партия, состоявшая из самого полковника, капитана Массона, инженеров, проводников и охраны, была предана алжирскими наемниками и частью захвачена в плен, частью убита туарегами. Ужасную новость принесли проводники, которых нашли умирающими от голода и жажды на границе пустыни, куда они сумели добраться за несколько недель жуткого бегства от дикарей, висевших у них на хвосте.

Сначала все посчитали, что Флаттерс погиб в сражении. Однако поползли слухи, сначала робкие, затем все более настойчивые, что туареги пощадили полковника и увели его в Тимбукту, город, прозванный Царицей Песков.

Была ли в тех слухах хоть крупинка истины? Неизвестно. Однако надежда на то, что полковник выжил, затеплилась во множестве сердец, в том числе в сердце маркиза де Сартена.

Ему выпал шанс отправиться в Сахару, побывать в загадочной Царице Песков и выяснить судьбу главы экспедиции. Упускать такое приключение было нельзя. Маркиза ждали слава и опасности, которым он мог бросить вызов.

Алжирская граница пустыни была закрыта для европейцев. Ее зорко охраняли туареги, готовые растерзать первый же спасательный караван, попытавшийся углубиться в раскаленные пески. Однако со стороны Марокко граница была открыта.

Маркиз де Сартен не желал терять ни минуты. Надо спасти полковника!

Он тут же взялся за дело. Выхлопотав внеочередной отпуск на пятнадцать месяцев и получив рекомендательные письма от столичного наместника, он отправился в путь. Не понаслышке знакомый с нравами арабов и мавров, этих гонителей христиан, маркиз благоразумно не распространялся о цели своей экспедиции. Ему не хотелось, чтобы марокканцы, добрые приятели туарегов, вставляли палки в колеса, поэтому он обставил предстоящий поход как простую прогулку по оазисам великой пустыни, и ничего более.

И вот, в один прекрасный день, де Сартен высадился в Танжере с Рокко, своим верным слугой и другом, следовавшим за маркизом по всему свету. Испросив покровительства французского посла, он немедленно отправился в Тафилалет, самый южный город Марокко.

⁸ *Спаги* – вид легкой кавалерии во французских колониальных войсках в XIX–XX вв.; формировались в Северной Африке.

Благодаря рекомендательным письмам наместник хорошо принял маркиза и пообещал помощь в снаряжении каравана, надеясь, разумеется, изрядно пополнить собственный карман. Остальное вам известно.

В караване, собранном наместником Тафилалета, было семь верблюдов, два коня, осел и три человека.

Одним из сопровождающих был тот самый, благословенный Создателем мавр: человек выше среднего роста, смуглый, с черными жгучими глазами. Двое других – бедуины: невысокие, худые и гораздо смуглее мавра. Люди, прямо скажем, сомнительной верности. Им ничего не стоит прирезать гостя, разделившего с ними хлеб-соль. Однако в пустыне от одного бедуина пользы больше, чем от всех марокканцев, алжирцев и триполитанцев, вместе взятых.

Мавр-чудотворец, перекинувшись несколькими словами с командиром эскорта, подошел к маркизу и сказал:

– Ас-саляму алейкум. Мое имя Эль-Хагар.

– Ты тот человек, которого наместник дал мне в провожатые?

– Да.

– Пустыню знаешь?

– Я пересекал ее более десяти раз.

– Если будешь служить мне верой и правдой, я тебя щедро вознагражу. Попытаешься предать – пеняй на себя.

– Отвечаю своей головой, господин. Я поклялся на Коране перед самым наместником.

– Хорошо ли ты знаком с этими бедуинами?

– Они часто путешествуют со мной, и мне еще ни разу не пришлось пожалеть об этом.

– Но будут ли они верны и мне?

– Это бедуины, господин.

– Хочешь сказать, доверять им не стоит?

Эль-Хагар промолчал.

– Мы за ними присмотрим, – сказал Бен Нартико, внимательно слушавший разговор.

– Мой багаж уже погрузили? – спросил маркиз. – За доставкой должен был проследить слуга наместника.

– Все погрузили, господин маркиз, – ответил Рокко, успевший осмотреть верблюдов. – Ничего не пропало.

– Что ж, тогда пора отпускать эскорт.

Де Сартен приказал открыть сундук, достал оттуда кожаный футляр и позвякивающий мешочек, передал их командиру эскорта, сказав:

– Футляр передай наместнику. В кошеле – оплата за караван. Там куда больше оговоренного.

Эскорт удалился быстрым галопом. Маркиз повернулся к юноше:

– Ну? Едем в адуар вашего друга? Полагаю, ваша сестрица уже там.

– Да, господин маркиз. В адуаре мы сможем отдохнуть, прежде чем углубиться в пустыню, а заодно получим разные полезные сведения.

Бедуины гортанными возгласами заставили верблюдов подняться, и караван по безмолвной равнине двинулся на юг.

Двугорбые верблюды, которых наместник приобрел для маркиза, известны под названием «гамалей». Они не такие умные, как одногорбые скаковые мехари, зато выносливее и лучше переносят жару и жажду.

Впрочем, как бы кто ни расхваливал их качества, животные эти непослушны и на редкость упрямы. Если они отдыхают или перегружены, вы не заставите их подняться ни лаской, ни палками. Пользу верблюдов нельзя переоценить, в этом сомнений нет, однако же верно и то, что погонщикам требуется бесконечное терпение.

За гамалеями нужен глаз да глаз. Пока их не свяжут в караван, они упорно пытаются разбрестись. Если на пути попадется дерево, начнут тереться о него, чтобы избавиться от груза, который едва-едва терпят. Прибавьте ко всему этому бесчисленных насекомых, живущих в густой шерсти, да вонь, и вы поймете, что многое в так называемых кораблях пустыни сильно приукрашено. Особенно это касается их терпения и покорности.

Однако нас по-прежнему будет восхищать выносливость верблюдов и способность по несколько недель обходиться без капли воды, несмотря на царящую в Сахаре жару. И все только благодаря четырнадцати ячеям в рубце их желудка, которые позволяют им запасать жидкость.

В еде они тоже весьма умеренны. Немного фиников, горсть ячменя, пучок горькой травы, которой брезгуют даже козы, – и верблюд сыт. Более того, свежей и сочной травой он может подавиться.

– Что скажете об этих животных? – спросил де Сартен у юноши.

– Что их отобрали с тщанием и знанием дела, господин маркиз. Наместник вас не обманул.

– А каково ваше мнение о людях?

– Маврам верить можно. Они не такие фанатики, как арабы, и достаточно честны. Что до бедуинов... Хм... За ними лучше действительно смотреть в оба. Эти не погнушаются убить христианина на пороге своего шатра после того, как лицемерно разделили с ним еду. Жестокость у бедуинов в крови. Они не щадят ни друзей, ни благодетелей. Убивают из жажды убийства и всегда во славу Аллаха. Короче говоря, злобные свирепые предатели, вот кто такие бедуины Сахары.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался Рокко.

– По-моему, я сказал достаточно, чтобы вы оба были настороже.

– Мои руки всегда настороже. Чуть что – придушу мерзавцев, – буркнул великан. – Надо же, каких каналий подсунил нам в спутники наместник!

– Тем не менее никто, кроме них, не сможет провести нас через пустыню, – возразил Бен Нартико.

Пока они так беседовали, караван неторопливо двигался к югу. Сколько ни кричали бедуины, ленивые верблюды и не подумали ускорить шаг. Напротив, они то и дело пытались остановиться. Похоже, им не нравилась затея идти куда-то глухой ночью.

Чем дальше, тем бесплоднее делалась земля. Алоэ и опунции попадались все реже. Лишь иногда путешественники замечали пышные кроны пальм, чахлые акации, а то и крошечное поле проса или ячменя, огороженное тростниковым плетнем или колючим кустарником. Нигде ни хижины, ни шатра, разве что кое-где белели куббы. Кубба – это часовня, устроенная у могилы святого. Однако местные святые по большей части – безумцы. Марокканцам человек, утративший рассудок и совершающий странные поступки, непременно представляется святым, осененным рукой Аллаха.

Уже занимался рассвет, когда путешественники заметили на окруженной пальмами поляне два ряда темных шатров.

– Адуар моего друга Гасана, – сообщил Бен Нартико маркизу. – Поскачем вперед, господа, а караван нас догонит.

Громко залаяла собака, нарушив окружающую тишину.

– Ага, нас заметили! – воскликнул юноша. – Значит, Гасан нас встретит.

Трое товарищей пришпорили коней и быстро достигли шатров. У входа в лагерь их поджидал благообразный старец с длинной белой бородой, впрочем, невзирая на годы, еще крепкий и сильный. На нем был грубошерстный плащ. Старик шагнул навстречу и произнес:

– Шалом алейхем.

– Мой старый добрый Гасан! – воскликнул Бен Нартико, целуя ему руку. – Позволь представить тебе моих друзей.

– *Мой старый добрый Гасан!* – воскликнул Бен Нартико, целуя ему руку.

– Добро пожаловать в мой адуар, – ответил патриарх. – Мои шатры, мои негры, мои верблюды и мои бараны в вашем распоряжении.

– Но где же моя сестра? – с тревогой спросил юноша.

– Приехала три часа назад и сейчас отдыхает в шатре, который я ей выделил.

– Спасибо, друг.

Глава V

Зверская расправа с экспедицией Флаттерса

Чаще всего марокканские и алжирские адуары встречаются на границе пустыни. Поселки эти представляют собой скопища шатров, материалом для которых служит натянутая на веревки и шесты грубая ткань, сотканная из волокон карликовых пальм, сплетенных вместе с козьей и верблюжьей шерстью.

Длина шатров достигает десяти метров, высота – не более двух. Внутри они разделены на «комнаты» камышовыми или тростниковыми перегородками. Женщины живут отдельно.

Обстановка крайне непритязательна: два-три ковра, несколько сундуков, каменные жернова для зерна да глиняные горшки. Чтобы не закоптить шатер, очаг устраивают снаружи. Рядом с адуаром разбивают небольшой огорожок. За ним тщательно ухаживают, притом что полив в тех засушливых землях требует массы сил.

Живут в таких адуарах обычно пастухи. Нередко рядом с поселком можно увидеть стада в сотни голов верблюдов, баранов и коз. Пастухи в основном – арабы, потомки славных воинов, подчинивших себе всю Северную Африку, вторгшихся в Испанию и угрожавших Франции, которая лишь чудом спаслась от их нашествия благодаря Карлу Мартеллу⁹.

Вернувшись в Африку, арабы праздно зажили в адуарах, держась подальше от городов, чтобы уклониться от султанских податей. В любой миг пастухи могут превратиться в жестоких воинов, о чем прекрасно осведомлены имперские войска. Именно солдатам приходится вести с ними кровавые схватки при попытках собрать земельный налог.

Гасан, друг Бена Нартико, не был арабом, однако, подобно прочим евреям, живущим на юге Марокко, усвоил арабские обычаи и нравы. Он был пастух и торговец, хорошо известный караванщикам Сахары. Иными словами, человек, который мог оказаться весьма полезен маркизу де Сартену в его рискованном предприятии.

Разбуженные лаем собак, рабы-суданцы Гасана засуетились вокруг прибывших. Отдав слугам кое-какие распоряжения, старик повел маркиза и Бена в свой просторный шатер. Пол в нем был застлан рабатскими коврами, по которым были разбросаны расшитые золотом подушки. Гостям предложили свежее козье молоко.

– Как здесь спокойно... – Маркиз вытянулся на ковре, подложив под голову подушку.

– Увы, не всегда, господин, – вздохнул старик. – Под боком – пустыня. Спокойствие в любой миг могут нарушить воинственные кличи, несущие смерть.

– Вы о туарегах?

– И о них, и о шиллуках¹⁰. Поверьте, последние ничем не лучше первых. Все они наши враги.

– Вы хорошо знакомы с нравами туарегов?

– Мне доводилось иметь с ними дело. Ограбив богатый караван, они нередко являются сюда, чтобы сменять добычу на порох, оружие и одежду.

– Ага! – вскричал маркиз, многозначительно поглядев на входящего Рокко.

– Господин, что вы хотели сказать своим возгласом? – полюбопытствовал старый еврей.

– Вы что-нибудь слышали о полковнике Флаттерсе?

– Главе французской экспедиции?

– Да.

– Том самом, что был убит туарегами?

⁹ Карл Мартелл (от *позднелат.* Martellus – молот; ок. 688–741) – майордом Франкского государства в 715–741 гг. С его именем связана победа над арабами в битве при Пуатье (732 г.).

¹⁰ Шиллуки – этническая группа в Южном Судане.

– Именно.

– О нем и о судьбе его экспедиции мне известно куда больше, чем знают в Европе. Хотите, покажу кое-какие купленные у туарегов предметы, происхождение которых крайне подозрительно? По-моему, они имеют прямое отношение к той экспедиции.

– Но это невозможно! – вскочил маркиз.

– Почему же, мой господин?

– На караван полковника напали далеко от этих мест, в Алжирской пустыне.

– И что с того? Расстояния ничего не значат для туарегов. И потом, разве мы сами не отправляем товары в Тимбукту или еще дальше?

Ответить маркиз не успел. Полог приоткрылся, и в шатер вошла девушка лет семнадцати в изысканном еврейском наряде. Она была прекрасна. Высока, стройна, но не худа, с идеально очерченным лицом, выразительными черными глазами и волосами цвета воронова крыла, оттеняющими алебастровую белизну кожи. Роскошное платье подчеркивало чарующие формы.

Красная юбка с разрезом и широкими парчовыми фалдами доходила до лодыжек. Поверх голубого корсажа со шнуровкой, также отделанного золотом, был накинута короткий зеленый жилет, расшитый серебром. Свободные короткие рукава белой сорочки, отороченные старинным кружевом, приоткрывали точеные ручки. Крошечные ножки были обуты в сафьяновые бабуши. Заплетенные в косы волосы подвязаны сфифой – лентой, украшенной жемчугом и изумрудами.

Увидев девушку, маркиз не удержался от восхищенного возгласа.

Он слышал о красоте североафриканских евреек, чудесным образом сохранившейся с незапамятных времен и столь резко контрастирующей с отталкивающей уродливостью их мужчин.

Можно сказать, что эти женщины вобрали в себя лучшие черты двух континентов: роскошь Востока соединилась в них с европейской утонченностью. Нежность черт особенно бросается в глаза, поскольку они отличаются от привычных европейских лиц: менее безукоризненны, чем греческий тип, зато изысканнее римского.

– Моя сестра Эстер, – представил девушку Бен Нартико.

Эстер.

Маркиз, похоже, был совершенно очарован. Девушка тоже не сводила с него сияющих глаз.

– Я не встречал никого красивее ни в Алжире, ни в Марокко, – проговорил корсиканец, пылко пожимая руку Эстер.

– А вот и завтрак, – сказал Гасан. – Отведайте даров пустыни.

Четверо слуг разостлали цветастую циновку, сплетенную из волокон карликовой пальмы, и расставили фарфоровые миски.

– Господин маркиз, – обратился к де Сартену старик, пока все рассаживались на подушках, – наша еда вряд ли похожа на ту, к которой вы привыкли, однако вам придется смириться. В Сахаре не найти того, что едят во Франции.

– Я ко всему привычен, – ответил корсиканец. – В Кабилии мне случалось есть весьма странные блюда, и ел я их с огромным удовольствием.

Вошел негр с целым ягненком, аппетитно зажаренным на вертеле, и положил его на плетеное блюдо. Гасан ловко разрезал ягненка со словами:

– Хвала Господу!

Каждый взял себе по куску, а остаток Гасан велел отдать караванщикам маркиза, которые уже добрались до адуара.

За первый блюдом последовало второе. Слуга принес котелок с какой-то желтоватой массой весьма подозрительного вида. Она состояла из крупного, как охотничья дробь, кускуса, приправленного пастой из толченых фиников и кураги.

Обитатели пустыни очень ценят это кушанье, однако маркиз и Рокко ели его не без содрогания. К счастью для них, Гасан почти сразу приказал подать хамис – тушеную баранину с курятиной, маслом, луком, финиками, курагой и ячменные лепешки.

Когда завтрак был закончен, принесли козий бурдюк, в котором оказалось разбавленное водой верблюжье молоко, неприятно отдающее мускусом. Патриарх первым отпил глоток и передал бурдюк дальше, проговорив:

– Ваше здоровье!

– Храни тебя Господь, – ответил Бен Нартико.

– Мой вам совет, маркиз, – продолжил старик, – если хотите уберечься от опасностей пустыни и не повторить судьбу полковника, вам следует притвориться арабом.

– То есть?

– Одеться как араб, молиться как араб и есть как араб. Европейцу в пустыне не выжить.

– Признаться, такая идея мне в голову не приходила. Вы дали нам очень ценный совет, и я немедленно им воспользуюсь. Однако... у меня нет арабской одежды.

– Об одежде не беспокойтесь, в моих сундуках ее предостаточно. Сейчас попьем кофе, и я дам вам все, что требуется.

Кофе, который варят в пустыне, по вкусу превосходит даже лучший каирский и константинопольский. Делают его довольно примитивным способом, растирая зерна камнями, однако при варке в воду добавляют щепотку амбры. Особенный интерес вызывают кофейные наборы пустынных арабов. Обычно это старый железный поднос и чашки, возраст которых нередко исчисляется несколькими столетиями. Чашки всех форм, размеров и видов: глиняные, фарфоровые, оловянные, зачастую довольно грязные и с оббитыми краями.

У Гасана кофе подали в фарфоровых чашечках. Кто знает, какими путями они попали в эту глухомань...

Когда гости допили, старик поднялся, открыл один из древних сундуков, расписанных арабесками, и достал фуражку.

– Французская фуражка! – воскликнул маркиз де Сартен.

– Прочтите, что написано на подкладке. Вам знакомо это имя?

– Массон! – Маркиз побледнел. – Он сопровождал полковника Флаттерса.

– Он был капитаном, верно?

– Да.

– И членом экспедиции, жестоко уничтоженной туарегами?

– Да, да! – повторил де Сартен, охваченный сильнейшим волнением. – Умоляю, расскажите, как к вам попала эта вещь? Как фуражка из песков Центральной Сахары могла оказаться в вашем сундуке?

– Я вам уже объяснял, что расстояния не пугают туарегов. Разбойники, ограбившие караван, скажем, в Ахаггаре, через две-три недели обнаруживаются на границах Марокко. Они подвижны, будто песок, несомый самумом. И все благодаря невероятной скорости хода их верблюдов. Сейчас я расскажу, как попала ко мне эта фуражка.

И старик начал свой рассказ:

– Пятнадцать дней тому назад ко мне явился алжирец по имени Шебби в компании четырех туарегов. Они предложили купить кое-какие предметы, якобы найденные в пустыне: французское оружие, одежда, бутылки, тюки со всякими вещами. Я приобрел все это по дешевке, в уверенности, что они ограбили обычный караван. Фуражке особого значения не придал. Лишь перепродал оружие и одежду каравану, отправляющемуся в Могадор, обратил внимание на имя, выведенное на подкладке. Мне оно показалось знакомым, ведь несколько месяцев назад весть о судьбе экспедиции Флаттерса достигла и Марокко.

– Человек, сопровождавший туарегов, действительно был алжирцем?

– Вне всяких сомнений.

– Вероятно, один из местных солдат, трусливый предатель...

– Полагаю, вы правы.

– Тогда я должен найти этого человека!

– Признайтесь, господин маркиз. – Гасан пристально взглянул на корсиканца. – Вы отправляетесь в пустыню, чтобы выяснить судьбу полковника?

Маркиз молчал.

– Можете говорить открыто, – сказал Бен Нартико. – Гасан умеет хранить тайны.

– Ну хорошо, – решился маркиз. – Да, так и есть. Есть подозрение, что туареги не убили полковника, а продали его в рабство султану Тимбукту.

– До меня тоже доходили подобные слухи, – кивнул Гасан. – Доказательств смерти Флаттерса нет, следовательно вы можете надеяться на лучшее. Говорите, вам нужен тот алжирец? Что ж, я могу указать вам путь.

– Вы знаете, где он? – вскричал маркиз.

– Да. В Берамете, откуда собирается вместе с караваном отправиться в Кабару, что на Нигере. Два дня назад я слышал это от погонщика верблюдов.

– Большой караван? – поинтересовался Бен Нартико.

– Три сотни верблюдов.

– Они еще в Берамете? – вскричал маркиз.

– Должны были тронуться в путь вчера вечером. Если поторопитесь, догоните их через неделю-другую.

– Я найду этого человека! Рокко, Бен, выступаем немедленно!

– Погодите, погодите, господин маркиз, – остановил его Гасан. – Вы с вашим товарищем говорите по-арабски?

– Еще бы!

– Молитвы магометанские знаете?

– Получше иного муллы!

– Тогда переодевайтесь в арабское платье. И помните: европейцу в Сахаре смерть, особенно теперь. Туареги убьют вас, если заподозрят в шпионаже в пользу Франции.

– Значит, мы сделаемся арабами, – решительно сказал маркиз. – Друзья, давайте готовиться.

– Я уже готова, господин маркиз, – произнесла Эстер.

Голос девушки был тих и мелодичен.

- И вы не побоитесь опасностей пустыни? – спросил удивленный корсиканец.
- Не побоюсь, – улыбнулась Эстер.
- А она не только красива, но и отважна, – пробормотал себе в усы Рокко.

Глава VI

Путь в пустыню

Час спустя караван маркиза и Бена Нартико покинул адуар и углубился в пустыню, чьи пески, несомые самумами, появлялись даже на обжитых землях. Караван состоял из одиннадцати верблюдов, груженных припасами, товарами и бурдюками с водой, двух ослов и четырех прекрасных арабских лошадей – горячих, крепких и быстрых.

Во главе каравана ехали маркиз, Рокко и Бен, одетые по-арабски: в белые уазроцы и разноцветные кафтаны с кисточками. Вместе с ними ехал мавр-чудотворец. Все четверо были вооружены винтовками, заряжающимися с казенной части, и револьверами, которые лежали в седельных кобурах.

Следом бедуин вел крупного верблюда, на горбах которого покачивался балдахин из легкой ткани. На этом верблюде ехала Эстер. Девушка удобно устроилась в уютном гнездышке на мягкой шелковой подушке, подаренной ей Гасаном. Балдахин защищал от палящих лучей солнца, хотя Эстер и приподняла переднюю занавесь, чтобы иногда обменяться словом-другим со своими товарищами и любоваться окрестностями. За ее верблюдом длинной вереницей шествовали остальные под присмотром второго бедуина на ослике.

Между тем пейзаж становился все засушливее и пустыннее. Лишь изредка можно было увидеть вдали жалкий адуар, вокруг которого щипали чахлую траву, растущую в низинах, овцы и верблюды. Это была еще не пустыня: на южных возвышенностях зеленели пышные пальмы. Однако за холмами, увлажненными водами Игидена, начинались бескрайние пески.

Бедуины криками и ударами палок нещадно подгоняли верблюдов. Пока караван довольно быстро продвигался вперед, Бен и маркиз завели любопытную беседу.

– Мой дорогой друг, – сказал де Сартен юноше, – вы так и не открыли мне цель своего путешествия. Для того чтобы отправиться в Тимбукту вместе с сестрой, у вас должна быть исключительно веская причина.

– Я еду туда, чтобы принять большое наследство, – ответил Бен Нартико.

– Наследство? В Тимбукту? – Изумлению маркиза не было предела.

– Да, маркиз. Там умер мой отец, сколотивший приличное состояние.

– Но, насколько мне известно, иноземцам, в том числе евреям, в этот город ходу нет.

– Все так, господин маркиз, все так. Мой отец проник туда, притворившись правоверным магометанином. И судя по всему, притворился удачно. Ведь он сумел прожить в городе этих фанатиков семь долгих лет. Два месяца назад его верный слуга пересек пустыню с печальной вестью о смерти моего родителя, а также рассказал о ждущем меня наследстве в несколько сот тысяч золотых монет. Деньги отец спрятал в колодце своего дома, чтобы уберечь их от жадного султана и его прислужников.

– И где сейчас этот слуга?

– Отправился вперед и будет ждать нас в оазисе Эглиф.

– А ведь ему, может быть, что-то известно о судьбе экспедиции Флаттерса...

– Не исключено. Надеюсь, так оно и есть. Впрочем, мне думается, мы скорее получим нужные сведения из других источников.

– От кого же?

– От моих единоверцев в пустыне.

– Неужели в Сахаре есть иудеи?

– И во множестве. Туареги называют их даггатунами. Они рассеяны по оазисам великой пустыни. Это потомки тех, кто, не захотев принимать магометанство, бежал в свое время от завоевавших Марокко арабов.

– Чем же они занимаются?

– В основном торговлей.

– И туареги их не трогают?

– Нет, хотя и обращаются как с низшими существами. Браки между туарегами и евреями строго запрещены. Чтобы обезопасить себя, мои несчастные сородичи находят защитников среди туарегских вождей и платят им ежегодную дань.

– Похоже, они не отличаются смелостью, эти ваши даггатуны.

– Они не рождены для войн. Увы, временами туареги не только заставляют их братья за оружие, но ставят даггатунов в авангард своих войск, первыми посылая на убой.

– Вот каналы! – воскликнул Рокко.

– Хитрые, злобные предатели и воры, – кивнул Бен Нартико. – К сожалению, нам выпадет немало случаев познакомиться с ними поближе. Не сомневайтесь, в покое они нас не оставят.

Время близилось к полудню, и караван сделал первую остановку в тени пальм, где могли укрыться и люди, и верблюды. Рощица состояла из трех десятков карликовых пальм. Их тонкие, гладкие снизу стволы ближе к верхушке покрыты остатками черешков опавших листьев. Пучок листьев остается лишь на самой верхушке, увешанной гроздьями цветов и сладких плодов, похожих на финики, только не таких вкусных и крупных.

Карликовые пальмы, растущие даже в засушливых землях, очень полезные растения. Помимо съедобных плодов, в пищу годятся молодые листья, а содержащийся в стволе крахмал может с успехом заменить муку малайзийского саго.

Маркиз помог Эстер спуститься на землю и приказал разостлать в тени пальм ковры. Стоянка должна была продлиться до пяти пополудни.

Над выжженной равниной висела душная тишина. Кончики пальмовых листьев пожухли и скрутились под палящими лучами солнца, кусты почти высохли. Не жужжали мухи, не звенели цикады. Одни только скорпионы, которыми кишит пустыня, разбегались во все стороны от каравана и прятались под камнями.

Все поужинали холодной ягнятиной и сушеными фигами, и караван за два часа до заката тронулся в путь, направляясь к лесистым холмам, где, по словам мавра, имелся родник. Несмотря на зной, сочившийся, казалось, из всех трещин прокаленной почвы, последний участок равнины преодолели без труда. Около одиннадцати вечера маркиз с товарищами подъехали к роще, где росли пальмы, дубы, акации и высокие смоковницы, ломившиеся под тяжестью спелых плодов.

– Последняя остановка, – сказал Эль-Хагар. – Завтра войдем в пустыню.

– И поедем по ней, не теряя времени, – живо отозвался маркиз. – Мы торопимся в Берамет, чтобы присоединиться к большому каравану, который тоже идет в пустыню. В компании всегда безопаснее.

– Мы сможем добраться туда не ранее послезавтра, – заметил мавр. – Переход по пескам труден даже для верблюдов.

– Подгоним их. В конце концов, они не так уж сильно нагружены.

– Хорошо, попытаемся, господин.

– Где родник, о котором ты мне рассказывал? Надо запастись водой.

– Лучше пойти туда утром, господин.

– Почему не сейчас?

– Ночью на водопой приходят хищники. В здешних местах водятся львы, гиены и леопарды.

– Ха! Меня они несколько не пугают. Я уже познакомился с алжирскими львами. Да и не верю, что их здесь много.

Тут же, словно в насмешку, послышался отдаленный раскатистый рык, еще долго отдававшийся эхом под густыми кронами деревьев.

– Вот дьявол! – воскликнул маркиз. – Царь зверей уже объявился! Твои слова получили немедленное подтверждение, мой дорогой Эль-Хагар.

– А я что говорил? – засмеялся мавр.

– Но не побеспокоит ли нас опасный сосед?

– Мы разложим по периметру стоянки костры и стреножим верблюдов.

Донельза уставшая Эстер отправилась спать в палатку, поставленную для нее братом посредине лагеря.

Лев воинственным рыком давал время от времени о себе знать, но к каравану не приближался. Не собирался ли он попытать счастья попозже? Заслышав рычание, верблюды и лошади всякий раз жались друг к другу, а ослики настороженно прядали ушами и били копытами.

– Месье лев делается назойлив, – пробормотал маркиз. – Надеюсь, он соизволит подойти на расстояние выстрела.

В этот миг раздался новый рык, куда ближе, настолько громкий, что вздрогнул даже неустрашимый де Сартен.

– Хозяин, – сказал Рокко, – по-моему, этот зверь требует ужина.

– Вот и мне сдается. Дело принимает нешуточный оборот.

Эль-Хагар, следивший с бедуинами за кострами, подошел к маркизу, сжимая в руке длинный мушкет, изогнутый приклад которого был украшен пластинками серебра и перламутра.

– Господин, – сказал мавр, – лагерь угрожает лев. Наверное, это матерый зверь, который уже пробовал человеческое мясо.

– То есть он опасен?

– Очень, господин маркиз, – кивнул встревоженный мавр. – Стоит льву пристраститься к человечине, он ни перед чем не остановится, чтобы раздобыть еще.

– Пошли, Рокко. – Де Сартен поднялся, взяв винтовку «мартини». – Если этот месье потерял терпение, я утихомирю его добрым свинцом. Свинец пойдет ему только на пользу, я совершенно уверен.

– Что вы собираетесь делать, господин? – спросил испуганный мавр.

– Пойду навстречу зверю, – безмятежно ответил маркиз.

– Нет, не отходите от костров, иначе лев на вас обязательно нападет.

– Ну а мы нападём на него. Верно, Рокко?

– Нападём и убьём.

– Я с вами, – заявил Бен Нартико. – Никто не назовет меня плохим стрелком.

– А меня хотите здесь оставить, да? – прозвенел позади звонкий голосок.

Из палатки появилась Эстер и с гордым видом встала перед товарищами, опираясь на маленький американский карабин.

– Вы готовы идти с нами, госпожа? – Маркиз глядел на нее с неподдельным восхищением.

– Почему нет? – как ни в чем не бывало ответила храбрая девушка. – Я не хуже брата умею обращаться с оружием. Скажи им, Бен.

– Если не лучше, – улыбнулся юноша.

– Лев – опасное животное, госпожа, – предупредил корсиканец.

– Охота на львов мне не в новинку. Помнишь, Бен, того льва, что напал на нас в ущельях Атласа?

– Ты застрелила его, а я – промахнулся.

– Какая невероятная смелость! – вскричал маркиз. – Европейские женщины на такое не способны.

– Маркиз, лев теряет терпение, – заметил юноша. – Слышите, как ревет?

– Хорошо, господа. Пойдемте угостим зверя ужином из свинца.

– Приправленного порохом, – добавил Рокко.

Глава VII

Охота на царя зверей

Приказав бедуинам и мавру хорошенько присматривать за животными, маркиз с товарищами покинули лагерь, углубившись в заросли низкорослых дубов, удобных для засады. Лев должен был находиться в трех-четырех сотнях шагов. Он больше не рычал. Наверное, скрытно подкрадывался к добыче.

Пройдя шагов пятьдесят, маркиз остановился у края зарослей, за которыми открывалась пустошь.

– Лев наверняка где-то там. Это самая короткая дорога к нашему лагерю.

– Нельзя, чтобы он нас учуял, – сказал Бен. – Убежит и потом постарается напасть на караван с другой стороны.

– Не учует, – успокоил Рокко, – мы же с подветренной стороны.

– Все вместе стрелять не будем, друзья, – добавил маркиз. – Такого зверя одним выстрелом не уложишь. Госпожа Эстер, Бен, первые выстрелы за вами.

– Благодарю, маркиз, – ответила девушка. – Постараюсь не промахнуться.

– Тихо! – шикнул на сестру Бен. – Слышишь, ветка хрустнула? Лев приближается.

– Значит, пора занять свои места. – Эстер опустилась на колено за стволом дуба.

– Меня изумляет ваше хладнокровие, – любезно сказал маркиз. – Надо же! Женщина не боится царя зверей!

Эстер посмотрела на него сверкающими черными глазами и улыбнулась.

– Смотрите, – прошептал Рокко.

Темная, неясная фигура обрисовалась во мраке зарослей и осторожно, то и дело останавливаясь, двинулась к пустоши.

– Лев? – шепотом спросила Эстер.

– Непонятно, – ответил маркиз, присевший возле девушки, чтобы в случае чего ее защитить. – В такой темноте ничего не разберешь. Подождем, пока приблизится.

– Я пока прицелюсь.

– И я, сестрица, – произнес Бен.

Зверь находился в ста шагах от них и приближаться не спешил. Может быть, почуял опасность и осторожничал, оказавшись на открытом месте.

– По-моему, это не лев, – сказал Бен, понаблюдав за животным. – Слишком уж он медлит.

– Да, осмотрительная зверюга, – согласился маркиз.

– Опять остановился, – проворчал Рокко.

Животное укрылось за кустом, почти лишенным листьев.

– Ах, подлец! – воскликнул маркиз. – Никак не хочет подходить.

– Сейчас он – отличная мишень, – сказала Эстер. – Я его вижу и могу попасть.

– Я тоже, – отозвался Рокко.

Девушка пристроила ствол карабина на толстую ветку акации, чтобы удобнее было целиться. Эстер сохраняла такое спокойствие, словно находилась в тире, а не перед самым свирепым хищником Африки. Ее изящные ручки не дрожали, что было просто удивительно для женщины.

– Красивая и смелая, – пробормотал восхищенный маркиз. – Если...

Сухой треск карабина не дал ему закончить фразу. Животное, прятавшееся за кустом, подпрыгнуло, перевернулось в воздухе и упало, не издав ни звука.

– Отличный выстрел! – объявил маркиз. – Мои поздравления, госпожа Эстер.

– Как видите, это было несложно, – ответила девушка.

– Но кого же мы убили? – спросил Бен. – Льва?

– Сейчас узнаем, – сказал маркиз.

Они уже собирались покинуть заросли, когда со стороны лагеря послышались жуткие крики и три выстрела.

– На наших людей напали! – крикнул де Сартен, резко останавливаясь.

По лесу, точно раскат грома, пронесся зловещий рык. Один раз услышав такой, его уже не забудешь.

– Тысяча кабилов ему в глотку! – вскричал Бен.

Они бросились через заросли, пробежали пятьдесят шагов и увидели тень, выпрыгнувшую из кустов и мгновенно исчезнувшую меж деревьев. Маркиз и Рокко вскинули карабины.

– Слишком поздно, – сказал де Сартен.

– Лев был просто огромным, он чуть-чуть меня не задел, – сказал Бен Нартико.

– Смотрите в оба! Он может вновь напасть.

Все направили винтовки туда, где исчез зверь. Там вроде бы что-то промелькнуло.

– Убежал? – предположил маркиз после минуты томительного ожидания. – Я ничего не слышу.

– Возвращаемся, – решил Бен. – Здесь слишком опасно.

Ощетинившись стволами карабинов, маленький отряд вернулся в лагерь. Мавр с бедуинами, перепуганные донельзя, размахивали горящими ветками.

– Господин, лев воспользовался вашим отсутствием и напал на осла, – доложил взволнованный Эль-Хагар. – Сломал ему хребет одним ударом.

– И унес?

– Не успел, господин. Мы начали стрелять.

– Промахнулись?

– Нападение было столь внезапным, что никто не успел толком прицелиться.

– Куда он побежал? – спросил Бен.

– Вон к тем деревьям.

– Следовательно, через нас перепрыгнул другой, – сообразил маркиз. – Получается, лев был не один.

– Конечно, – кивнул Рокко. – Тот, что перепрыгнул через Бена, был вторым.

– Дьявол! – выругался маркиз. – Дело плохо.

– Кто же тогда издох за кустом? – спросила Эстер. – Тоже лев?

– Хотелось бы мне это знать, – ответил корсиканец.

– Что будем делать? – задал мучивший всех вопрос Рокко.

– Преподадим хороший урок убийце нашего осла, – не раздумывая ответил маркиз.

– Но их двое, – напомнил Бен.

– О! У меня идея! – объявил Рокко.

– Выкладывай.

– Вам известно, что львы всегда возвращаются к добыче?

– Да. Чтобы доесть то, что осталось после гиен и шакалов.

– Ну так вот. Вытащим труп осла за пределы лагеря и будем ждать возвращения его убийцы. Он обязательно явится, я вас уверяю.

– За работу! – скомандовал маркиз.

Позвав бедуинов и мавра, он распорядился оттащить мертвого осла от лагеря, поближе к кустам. Пока те исполняли приказ, де Сартен, Бен и Рокко принесли к одному из костров охапки толстых веток, соорудив что-то вроде крепкого заслона высотой в метр.

– Здесь и спрячемся, – сказал маркиз. – Никого не заметив, львы решат, что люди уснули, и вернутся за добычей. Госпожа Эстер, вам бы лучше пока отдохнуть. Когда хищники объявятся, мы вас обязательно разбудим.

Маркиз приказал бедуинам и мавру лечь рядом с верблюдами, а сам с Беню и Рокко спрятался за изгородью. Окрестности вновь погрузились в тишину. На первый взгляд казалось, что львы, обескураженные неудачей, удалились. Однако ни маркиз, ни его друзья в это не верили.

...Североафриканские львы намного крупнее и сильнее львов Центральной Африки.

– Старый трюк, – бормотал де Сартен. – Голову дам на отсечение, они за нами наблюдают.

Кто бы что ни говорил, североафриканские львы намного крупнее и сильнее львов Центральной Африки. Они никогда не отказываются от добычи, даже если подозревают, что им могут устроить засаду. Эти звери не боятся ни арабов, ни европейцев, особенно после того, как отведают человечины, чем весьма напоминают индийских тигров. Те тоже, раз попробовав человеческого мяса, становятся особенно кровожадными и на все готовы, лишь бы добыть его вновь.

Обычно лев, питающийся животными, старается убежать от охотника. Но не дай бог, если ему удастся задрать человека! Тогда пиши пропало. Ночами он будет нападать на адуары и похищать спящих арабов и бедуинов. Не остановят его ни костры, ни колючие изгороди, ни даже высокие заборы, которые хищник с легкостью перепрыгивает.

Безумную храбрость этих животных наглядно демонстрирует следующий случай.

Дело было в угандском Цаво, где строили ветку железной дороги. Однажды утром там недосчитались двух китайцев-рабочих. Оказалось, их утащил лев, не побоявшийся пробраться в лагерь, окруженный изгородями и траншеями. Его не смутили ни огни, ни множество людей. Через несколько дней тот же зверь, которому пришлось по вкусу человечина, вернулся и сожрал индуса. От несчастного осталась только голова.

Что делать? Управляющий стройкой господин Паттерсон, обеспокоенный растущим количеством жертв, велит организовать засаду. Однако лев без труда ее обнаруживает, проникает в лагерь с противоположной стороны и задирает очередного рабочего.

Удваиваются заслоны, охрана и костры. Все без толку. Еще через два дня безжалостный людоед врывается в палатку, служащую госпиталем, смертельно ранит двух больных, убивает одного санитаря и уносит второго, чтобы спокойно поужинать им на лоне природы.

Паттерсон устраивает новую засаду, уже у госпиталя. А утром обнаруживает пропажу водоноса, от которого остаются лишь огрызок черепа и рука.

Льва, успевшего обзавестись товарищем, сумели убить лишь несколько недель спустя. К тому времени хищники умертвили пять десятков рабочих: негров, индусов и китайцев-кули.

Маркиз де Сартен ни минуты не сомневался: львы вернутся. Или за брошенной добычей, или за новой жертвой. Действительно, не прошло и часа, как Рокко заметил тень, мелькнувшую в окружавших лагерь кустах.

– Они идут, маркиз, – шепнул он.

– Я так и думал, – ответил корсиканец. – Надеюсь, оба вернулись?

– Я видел одного.

– Где же второй? Не зевайте. Нельзя допустить, чтобы зверь напал исподтишка. Первым буду стрелять я. Вы же будьте наготове.

– Вон там, маркиз... – прошептал Бен Нартико. – Глядите.

– Каков зверюга! – восхитился корсиканец. – В жизни не видел такого громадного льва. Даже в Кабилии.

Лев вышел из кустов и остановился напротив костра, хлеща себя по бокам длинным хвостом. В самом деле, зверь был великолепным представителем львиного рода: от кончика носа до кисточки на хвосте не меньше трех метров, с темной густой гривой, придававшей ему истинно царственный вид.

Сверкающие глаза не отрывались от заслона из сучьев. Лев словно бы понимал, что именно там засели его враги. Тем не менее он держался уверенно, с гордо поднятой головой. Весь напряжился, готовый в любой миг прыгнуть на противника и вступить с ним в решительную схватку.

Маркиз неслышно просунул между ветками ствол своего «мартини» и тщательно прицелился. Он уже собирался спустить курок, когда сзади раздался громоподобный рев, за которым последовали крики туземцев и лошадиное ржание.

– Лев! Лев! – вопили караванщики.

Маркиз мгновенно развернулся, сжимая карабин в руке.

Посредине лагеря стоял второй лев, легко перемахнувший через горящие костры. Зверь застыл, видимо приведенный в замешательство воплями бедуинов и мавра, а то и собственным нахальством.

– Хозяин, лучше займитесь тем, первым! – крикнул Рокко, стреляя.

Одновременно с ним выстрелил и Бен Нартико. Зверь взревел еще громче прежнего и упал, но тут же вновь поднялся, прыгнул, сбив палатку Эстер, и исчез в темноте.

Тут в баррикаду что-то сильно ударило, повалив ее на маркиза, и в лагере появился второй лев. Увидев верблюда, он набросился на него, ужасающе рыча. Бен и Рокко кинулись к упавшей палатке, под которой барахталась Эстер.

Маркиз не утратил ни грана своего хладнокровия. Быстро придя в себя, он вскочил с винтовкой в руке и вскричал:

– Три тысячи чертей!

Лев находился в каких-нибудь десяти шагах. Зверь пытался прижать верблюда к земле, а тот старался сбросить с себя страшного наездника.

– Осторожно! – крикнул Бен, перезаряжая винтовку, пока Рокко помогал Эстер выбраться из-под палатки.

Маркиз бесстрашно шел на зверя. Хищник разинул пасть, свирепо рыча. Де Сартен прицелился ему в грудь, намереваясь пробить пулей сердце. Бен Нартико и Рокко подняли винтовки, Эстер – свой карабин. Бедуины и мавр попрятались за кострами.

Лев прекратил терзать горбы верблюда, спрыгнул на землю, весь подобрался, пригнув голову и оскалив зубы.

Маркиз был уже рядом.

– Он сейчас прыгнет! – закричал Рокко. – Стреляйте, хозяин! Стреляйте!

Грянул выстрел. Лев тяжело рухнул, но сразу же вскочил и угрожающе взревел. Хищник собирался напасть на маркиза, перезарядившего оружие, когда Эстер, Бен и Рокко нажали на спусковые крючки.

Лев упал и больше уже не поднялся. Несколько раз дернулся, разрывая бок мертвого верблюда когтями, потом застыл.

– Черт возьми! Ну и крепкая же у него натура, – невозмутимо произнес маркиз. – А ведь моя пуля угодила ему прямо в сердце.

Глава VIII

Первые пески

Остаток ночи прошел спокойно, несмотря на отдаленное рычание второго льва. Впрочем, зверь рычал скорее от боли, нежели от ярости, хотя пули вряд ли привели его в благодушное настроение, наверняка причиняя немало мучений.

К шести утра караван, сократившийся на одного верблюда и одного осла, готов был покинуть стоянку и направиться к пустыне. Маркиз приказал освежать убитого льва и преподнес великолепную шкуру смелой еврейке. Та поблагодарила за подарок.

– Нам бы нужно забрать и вторую, – напомнил Бен, когда караван уже тронулся в путь.

– А ведь точно! – воскликнул маркиз. – Есть же еще зверь, убитый госпожой Эстер.

– Сейчас мы и его освежаем, – сказал Рокко.

Эстер устроилась на верблюде, и бедуины повели караван к последним холмам. Трое приятелей сели на лошадей и поскакали на место ночной охоты. Найти кусты, за которыми прятался зверь, убитый отважной девушкой, оказалось несложно. Однако труп, по-прежнему лежавший там, принадлежал отнюдь не льву.

Это была полосатая гиена, которые во множестве обитают в Марокко и припустынных районах. Грубая желтоватая шерсть этих зверей образует вдоль хребта щетинистую темную гриву. Голова крупная, морда вытянутая, тело удлиненное. Несмотря на острые зубы и крепкие когти, гиены трусливы и не осмеливаются нападать на людей, питааясь в основном падалью.

– Хороший выстрел, – похвалил маркиз, осмотрев труп. – Точно в голову.

– Снимать шкуру смысла нет, – заключил Рокко. – Ценности в ней никакой, одна вонь.

– Тогда в путь, господа, – сказал Бен. – Неразумно надолго покидать караван.

Они пришпорили лошадей и догнали верблюдов на середине холма.

Те, непривычные к ходьбе по камням, шли с большим трудом. Кроме того, им не нравилось идти в зарослях. Верблюды – дети пустыни, привычные к пескам и колючим кустарникам. В лесах они чувствуют себя неуютно, испытывая своего рода недомогание.

Караван, теряя силы, стремился к песчаному морю.

В десять утра сделали остановку около крошечного адуара, состоявшего из двух драных палаток, обнесенных изгородью, за которой блеяли три дюжины черных овец. Похоже, этот адуар был последним. Южнее овцам уже нечего было есть.

Хозяин адуара, тощий, как и все обитатели пустыни, старик-араб с длинной бородой, белеющей на фоне черного шерстяного узора, гостеприимно встретил путешественников, нараспев повторяя: «Ас-салям алейкум, ас-салям алейкум...»

Приказав мальчишке принести гхирбу – бурдюк со свежим молоком, он сказал Эль-Хагару:

– Пей первым, человек, чьи руки благословил сам Всевышний. Мне требуется твоя помощь.

– Ты меня узнал? – спросил мавр.

– Да.

– Чем же я могу тебе помочь?

– Мой сын болен.

– Я вылечу его, – невозмутимо отвечивал мавр.

– Ишь ты! – хмыкнул Рокко. – Караванщик превратился во врача.

– Он чудотворец, – возразил Бен Нартико.

– И вы в это верите? – спросил маркиз.

– Сами увидите.

Старик сходил в палатку и вернулся, неся на руках мальчика лет пяти. Безволосая голова ребенка была вся покрыта отвратительными язвами.

– Мой сын очень болен, – повторил старик. – Исцели его, и Аллах тебя вознаградит.

– За исцеление ты отдашь мне одного барана, – сказал Эль-Хагар, которого нельзя было назвать бесребреником.

Посадив малыша перед собой, он с самым серьезным видом достал из мешочка на поясе кремь и кресало и принялся выбивать искры так, чтобы они падали на изъязвленную голову. Одновременно он читал Аль-Фатиху, первую суру Корана, время от времени восклицая:

– Бисмиллях!

Затем Эль-Хагар поднял мальчика на ноги и сообщил:

– Все, ты скоро выздоровеешь. А теперь отдавайте барана.

– Да он просто наглый мошенник, – возмутился де Сартен.

– Нет, господин маркиз, – ответил Бен. – Он искренне верует.

– Что это за благословение крови на руках? – поинтересовался Рокко. – Откуда оно берется?

– Дар, имеющийся лишь у тех, кто собственноручно срубил много голов.

– У нашего Эль-Хагара, должно быть, руки по локоть в крови. – Рокко едва сдерживал хохот.

– Скажите, Бен, вы действительно верите в так называемое благословение?

– Я лично наблюдал, как люди с подобным даром излечивали детей, страдающих от язв на голове. Благодаря искрам или еще чему – не знаю. Однако дети выздоравливали, это факт.

– То есть он способен лечить одну-единственную болезнь? – уточнил маркиз.

– Да.

– Вот жалость! – воскликнул Рокко. – Иначе цены б ему в пустыне не было.

– Вижу, вы оба сомневаетесь в силе благословения. Тем не менее я своими глазами видел арабов, излечивающих простым наложением рук. Знаете, что самое странное? Им удается вылечить даже неплодоносящие деревья.

– Ну это уже слишком! – фыркнул маркиз.

– Однажды мне пришлось заплатить за подобное чудо из своего кармана, – ответил Бен.

– То есть?

– В моем саду росли абрикосы и оливы, не дающие больше плодов. Люди посоветовали обратиться к одному из таких чудотворцев. Поскольку я сомневался в действенности его метода, мне предложили провести испытание. Шесть абрикосовых деревьев были накормлены, а одно оставлено поститься.

– Накормлены? И чем же их накормили?

– Дымом от трех сожженных бараньих голов. И что бы вы думали? Шесть деревьев принесли великолепные фрукты, а седьмое даже не цвело.

– Невероятно!

– Тем не менее, господа, в пору цветения местные садоводы обрабатывают так свои деревья и не могут пожаловаться на результаты.

– Да, а что случилось с оливами? – полюбопытствовал Рокко. – На моем острове много деревьев, не приносящих плодов.

– Между оливами закопали тонкую золотую трубочку, оба отверстия которой замазали глиной пополам с яичной скорлупой. Вы сами, дорогой Рокко, можете провести подобный эксперимент. Здесь же этот метод широко известен, и им пользуются многие.

– При случае я расскажу о нем своим соотечественникам, – с сомнением протянул сардинец.

Когда все отдохнули, маркиз, желавший войти в пустыню тем же вечером, отдал приказ отправляться. Зелени становилось все меньше, все чаще попадались низины, засыпанные пес-

ком, принесенным ветрами из Сахары. Верблюды ускорили шаг. Им не терпелось почувствовать под мозолистыми ступнями песок бесплодных барханов.

Местность плавно понижалась, на растениях появились отметины, оставленные палящим зноем Сахары. Теперь это были чахлые кустики с поникшими листьями и тонкими, слабыми веточками.

И вдруг, за поворотом ущелья, маркиз со спутниками увидели волнистое море песка, раскинувшееся до огненно-алого горизонта.

– Сахара! – выдохнул Бен.

– И надвигающийся самум, – прибавил Рокко. – Видите тучу над песком?

– Ты ошибаешься, – возразил маркиз. – Когда дует самум, барханы приходят в движение.

– Тогда что это за туча? Неужели в Сахаре идут дожди? Мне говорили, что здесь никогда не выпадает ни капли.

– Опять ошибаешься, мой brave Рокко.

– Ошибаюсь? Да я сам в книжке читал!

– Значит, эта книжка лжет. Потому что дождь идет даже в Сахаре. Правда, Бен?

– Правда, маркиз. С июля по октябрь дожди случаются и здесь. Не везде, конечно, только местами. В других же районах дождя можно прождать и десять, и пятнадцать лет.

– А все ж таки я вижу облако, – упорствовал сардинец. – Да что я! Его увидел бы даже слепой.

– Не думаю, что это настоящее облако, – сказал Бен, внимательно присмотревшись.

– Пожалеем несчастного старика, живущего в том адуаре, – произнес, подойдя, Эль-Хагар.

– Почему? – спросил маркиз.

– Через два-три часа там не останется ни травинки для его овец и лес оголится. Впрочем, взамен он сможет устроить себе роскошный пир из саранчи.

– Из саранчи? – воскликнул Бен.

– Да. Это облако не что иное, как огромная стая саранчи. Яйца, отложенные в песок, вскрылись. На Марокко надвигается голодная саранча, пожирая все на своем пути.

– Разве вы, марокканцы, не умеете с ней бороться? – спросил Рокко.

– Каким образом?

– Например, разжигая костры и направляя огонь навстречу стае.

– Бесполезно, – покачал головой маркиз. – Ты и представления не имеешь о количестве насекомых, которое обрушивается на поля и деревни. Сейчас сам увидишь, как в мгновение ока от этих кустов останутся одни стволы. Не будет здесь ни травинки, ни листочка. Никакой ураган не нанес бы большего урона, чем эти насекомые.

– Саранча добирается и до Сардинии, однако мы ее останавливаем, хозяин.

– Далеко не всегда, мой друг. Европе тоже случалось подвергаться нашествиям саранчи, уничтожавшей посевы в целых странах. Такие нашествия вошли в историю. Например, в тысяча шестьсот девяностом году стаи саранчи вторглись в Литву и Польшу. Насекомых было столько, что ветви деревьев под их тяжестью склонялись до самой земли, а слой саранчи на полях достигал метра.

– Вот радость-то была тамошним земледельцам!

– Погибло все, вплоть до корней. Саранча забивалась в дома, и люди вынуждены были бежать.

– Какой ужас! – воскликнул Бен.

– В тысяча шестьсот тринадцатом году саранча объявилась во Франции, уничтожив урожай в нескольких провинциях. Чтобы избавиться от этих маленьких захватчиков, пришлось потратить гору денег. Марсель чуть не обанкротился, нанимая людей, которые сбрасывали

саранчу в море. В середине восемнадцатого века такая же беда постигла Трансильванию. Насекомых было так много, что для их уничтожения отправили полторы тысячи солдат.

– А вот и передовые отряды крылатого легиона, – произнес Бен. – Углубимся в пустыню прежде, чем они свалятся нам на голову. Саранча не садится там, где нет зелени.

Верблюды миновали последние ущелья и, помедлив немного, бодро зашагали по песку. Саранча летала в полусотне метров над землей. Насекомые затмевали небо, их полет сопровождался слитным треском крыльев, немного похожим на гул водопада.

– Сколько же их! – воскликнул Рокко, с удивлением рассматривая бесконечную пелену, несущуюся над караваном. – Неужели ничего нельзя сделать? Быть такого не может.

– Думаешь, перебив их, избежишь беды? – сказал де Сартен. – Да, поля, наверное, будут спасены, но сколько людей погибнет! Если огромные массы этих насекомых начнут разлагаться под палящим солнцем, вспыхнет эпидемия чумы или холеры.

– Маркиз прав, – кивнул Бен.

– Много веков назад ураган принес из пустыни и сбросил в Средиземное море тьму саранчи. Это случилось как раз в Северной Африке. Волны вынесли дохлых насекомых на берег, и воздух сделался настолько ядовитым, что разразилась чума. Летописи говорят, погибло восемьсот тысяч человек, включая тридцать тысяч солдат из гарнизона Нумидии¹¹.

– Тогда пусть лучше жрут посевы, – буркнул Рокко.

– А нам следует поторапливаться. Иначе бераметский караван уйдет далеко вперед, и мы его не догоним. Господа, поприветствуем ее величество Сахару!

И вот люди и верблюды углубились в раскаленные пески пустыни, в то время как армия саранчи над их головами продвигалась на север. Насекомых становилось все больше. Они подняли настоящий ветер и неслись вперед под неумолчный трескучий гул.

¹¹ *Нумидия* – в древности область в Северной Африке, ныне – восточная часть Алжира.

Глава IX

Сахара

Как всем известно, Сахара – не только самая большая песчаная пустыня на земном шаре, но и самая жаркая. Таких высоких температур, как на ее бескрайних равнинах, нет нигде в мире.

Сахара расположена между 16° и 30° северной широты и между 27° восточной долготы и 19–22° западной, то есть длина ее – около четырех с половиной тысяч километров, ширина примерно тысяча, а площадь – четыре с лишним миллиона квадратных километров. Впрочем, с последним можно и поспорить.

Дело в том, что не вся Сахара бесплодное, раскаленное море песка, где никогда не идут дожди, как привыкли верить люди. Не сухой океан, который невозможно пересечь. Наряду с равнинами и низменностями, там есть и плато, и скалы, и даже грандиозные горные хребты, где вода – что многим читателям покажется неправдоподобным – по ночам превращается в лед. Ведь горы эти чрезвычайно высоки, особенно горы Ахаггар, достигающие двух с половиной тысяч метров.

Хотите удивиться еще больше? В Сахаре текут реки! Да, они пересыхают, однако несколько недель в году в них весело журчит вода. Такие непостоянные реки называются уэдами. Их устья теряются в песках, почти не орошаемых дождями.

Надо сказать, что в Сахаре действительно есть места, где дождя не видят по пятнадцать, а то и по двадцать лет, и дневная температура превышает пятьдесят градусов. В оазисах, напротив, температура зимой может опускаться до семи градусов, так же как и на Имошаге¹², на Тассильском плато или на плато Эджеле, Муйдир, в горах Адраара, Мохтар, в провинции Варан и в оазисах плоскогорья Аир, самая высокая точка которого – гора Тиндже¹³, возвышающаяся на 1330 метров над уровнем моря.

Таким образом, знаменитые песчаные барханы покрывают отнюдь не всю Сахару, как принято думать, а лишь низины, тянущиеся к югу и юго-востоку от Марокко и Триполитании, доходя почти до левого берега Нила.

Это и есть настоящая пустыня: раскаленная, безводная, бесплодная, где выживает лишь верблюжья колючка, именуемая *айгуль*, да отдельные виды молочаев. Там дует горячий самум. Он высушивает до капли все соки растений, испаряет воду из бурдюков и поднимает огромные тучи песка, способные похоронить под собой целые караваны.

Однако и в этих местах, если постараться, можно найти воду практически везде. В последние годы европейцы пробурили в северных оазисах немало артезианских скважин, воды которых хватает даже для полива окружающих садов.

Гораздо опаснее песка и ветров обитатели пустыни. Все они, от тиббу¹⁴ до туарегов, живут исключительно грабежом караванов, пересекающих Сахару. Это смелые и свирепые люди, дикие фанатики, похваляющиеся убийствами христиан.

Караван маркиза де Сартена бесстрашно вступил в пустыню.

Впереди на осле ехал мавр, исполняя функции проводника. Для ориентации ему не требовался компас: жителям Сахары достаточно солнца и Полярной звезды. За мавром вышагивал верблюд с паланкином, около которого ехали маркиз, Рокко и Бен. Следом за первым двигались остальные верблюды, связанные цепочкой.

¹² Имошаг в действительности не гора, а самоназвание туарегов.

¹³ Тиндже (Tinge) – сложно сказать, какая именно гора имеется в виду.

¹⁴ Тиббу (тубу) – народ, живущий в Центральной Сахаре.

Перед глазами путешественников до самого объятого огненным закатом горизонта простиралась пустынная равнина. Впрочем, равнина отнюдь не была ровной, она представляла собой череду высоких и низких песчаных гряд. Там и сям торчала *hedysarum alhagi* – верблюжья колючка – худосочные растения, в полфута высотой, с разветвленными корнями, маленькими темными листочками и длинными колючками. До этих растений чрезвычайно лакомы верблюды. Вдали, на фоне неба, темнели силуэты финиковых пальм с длинными перистыми листьями, пожелтевшими от горячего дыхания самума.

– До чего тоскливая картина! – воскликнул маркиз. – И какая тишина стоит над этими песками.

– Тем не менее караванщики любят пустыню, – ответил Бен. – Оказавшись в Марокко, они ждут не дождутся дня, когда сюда вернутся.

– Но здешнюю жизнь вряд ли можно назвать веселой.

– Наверное, маркиз. Жизнь в пустыне трудна, полна тяжких лишений и опасностей. Ежегодно здесь гибнет немало отважных путешественников, чьи кости остаются лежать под палящим солнцем. Однако другие не теряют силы духа и продолжают странствия.

– Наверное, самумы пожидают богатый урожай жертв? – поинтересовался Рокко.

– Сами поймете по скелетам, что нам встретятся. Дорога в Нигер усеяна костями людей и животных. Нередко в песках навеки исчезают целые караваны.

– Разрази меня гром! – воскликнул Рокко. – Звучит не слишком обнадеживающе.

– Это если еще не учитывать тех, кто умирает от жажды, – произнес маркиз.

– В Марокко до сих пор помнят тысяча восемьсот пятый год, когда пересохли все колодцы.

– И много тогда караванов погибло? – спросил Рокко.

– Две тысячи человек и тысяча восемьсот верблюдов и ослов.

– Неужто все они погибли от жажды?

– Их трупы нашли рядом с сухими колодцами.

– Вот так гекатомбы... – протянул маркиз.

– Надеюсь, нам подобная судьба не грозит, – сказал Рокко.

Пока они беседовали, караван медленно продвигался с бархана на бархан. Жара сделалась невыносимой, свет, отражаясь от граней песчинок, резал глаза. Верблюды и кони поднимали пыль, от которой у людей начинался сильный кашель.

Временами казалось, что земля так пышет жаром, словно они ехали не по песку, а по озеру лавы, извергнутой невидимыми вулканами. От тишины, не нарушаемой ни щебетом птиц, ни гулом насекомых, корсиканцу и сардинцу, непривычным к таким местам, сделалось не по себе. Душу разбирала такая тоска...

Маркиз начал было мурлыкать под нос какую-то корсиканскую песенку, но вскоре умолк: пыль сушила губы. Да и голос, теряясь в пустоте, не веселил, а только усиливал грусть. Из-за отсутствия эха казалось, он мгновенно гложет, словно жара поглощала звуки так же, как влагу.

В полдень, после четырех часов пути, караван остановился в крошечном оазисе с несколькими кустами саксаула¹⁵ и десятком финиковых пальм, чуть ли не сгибавшихся под тяжестью гроздьев спелых плодов.

Пустыню по праву можно назвать родиной фиников. В оазисах они растут сами по себе, стойко сопротивляясь натиску песка, долгим засухам и палящему зною. Без верблюда обитателю пустыни пришлось бы плохо. Без финиковой пальмы – совсем худо. Поэтому понятно почтение, которым пользуется здесь это растение. Из него туареги и тиббу получают практически все, что требуется для жизни.

¹⁵ В оригинале *lichen esculentus* – лишайник, в настоящее время известный под названием *lecanora esculenta*, то есть лишайниковая манна.

Нежные молодые листья легко усваиваются и идут в салаты. Старые надрезают и извлекают освежающий млечный сок, так называемое финиковое молоко. Он очень вкусен, однако быстро прокисает, и пить его надо сразу же. Сухие листья размягчают, отбивают и плетут циновки, корзины, головные уборы и крепчайшие веревки. Свежие цветы финика – прекрасная, здоровая пища, а из очищенных от цветов гроздей получают удобные мётлы.

Из плодов, содержащих, как известно, большое количество сахара и крахмала, туареги делают свой основной продукт питания: сытную муку, хранящуюся долгие годы. Помимо муки, из фиников готовят вкусный сироп, «финиковый мед», который используется для заправки кушаний из риса и проса. Из заквашенных фруктов выходит отличное вино, а из вина – уксус и дистиллированный спирт.

Ценится и твердая, почти не подверженная гниению древесина этих удивительных пальм. Уголь из нее лишь немногим уступает каменному.

Можно ли требовать большего от растения, которое не нуждается в уходе и выживает там, где все прочие гибнут?

Стоянка должна была продлиться до вечера. Пока маркиз, Эстер и мавр ставили палатки, а Рокко готовил еду, Бен с бедуинами отправились рвать финики. Вскоре их корзины были полны отборных продолговатых плодов: мясистых, с блестящей кожицей желто-красного или желто-коричневого цвета.

– Замечательный урожай, – похвалил Бен. – Можно сделать мед.

– И кто же этим займется? – спросил де Сартен.

– Я, господин маркиз, – отозвалась Эстер, отправляя очередной плод в свой маленький ротик с алыми, как кораллы, губками.

– Готов помочь, хотя подмастерье из меня, наверное, выйдет весьма неумелый, – сказал маркиз.

– Хотите помочь? Ловлю вас на слове, – засмеялась Эстер и тут же покраснела. – Ничего сложного в этой работе нет.

– А я наежусь бурдюк финикового молока, – сказал Бен. – Пальма, правда, потом погибнет. Ну да ничего. Их здесь много. Одной больше, одной меньше.

– Почему погибнет? – поинтересовался маркиз.

– Засохнет. Вот почему туареги выбирают для сбора молока лишние или неплодоносящие растения.

Прихватив бурдюк, юноша влез на верхушку пальмы, срезал венчающие ее листья и сделал сначала глубокий круговой надрез, потом другой, вертикальный. Через несколько минут потек молочно-белый сок.

Пока Бен наполнял бурдюк, маркиз, Эстер и Рокко занялись изготовлением меда. Это действительно оказалось несложно, требовались лишь сила и глиняный дуршлаг. Надо было протереть через него плоды так, чтобы отделить мякоть от шкурок и косточек. В итоге у них получилось четыре больших кувшина отменного финикового меда, которым можно было разнообразить рацион.

Выпив молока и с аппетитом позавтракав, путешественники устроились в палатках или просто улеглись в тени пальм и задремали. Верблюды, будто саламандры, предпочли спать под палящим солнцем, совершенно им, по-видимому, не мешавшим.

Глава X

Леопарды Сахары

На закате, когда солнце почти утонуло в огненном океане, караван тронулся в путь.

Дневное светило быстро опускалось к горизонту, окрашивая в оранжевый цвет безбрежную песчаную равнину. На востоке всходила красноватая, будто раскаленный медный диск, луна. Верблюды, хорошо отдохнув, шли быстрее обычного, несмотря на жару, которая долго держится над барханами даже после захода солнца.

Над пустыней висел зной, дышать было тяжело. Зато исчезли отблески солнечных лучей, причинявшие сильную боль глазам, особенно непривычным к пустыне, так что маркиз и Рокко испытали немалое облегчение. Их веки еще саднило после утреннего перехода.

Смеркалось. Тени быстро удлинялись. Казалось, они наползают с востока, накрывая Сахару вуалью, становившейся все темнее и темнее. Запад еще пламенел, словно там извергали багровую лаву вулканы.

Закаты в Сахаре не имеют себе равных. Благодаря невыносимой тишине, царящей на ее просторах, они полны поэтического очарования и меланхолии.

В лесах, горах, глубоких ущельях и на равнинах всегда есть какие-то звуки: монотонный стрекот сверчков, гудение ночных насекомых, шелест листьев на ветру, журчание реки или рокот далекого водопада.

В пустыне нет ничего. Там правит смерть.

Лишь изредка ночную тишину нарушает плач шакала, рыщущего по барханам в поисках падали. Однако плач этот только навеивает еще большую тоску.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. По безоблачному небосводу неторопливо взбиралась луна. В ее неверном свете тени верблюдов сделались преувеличенно длинными.

– Уж не занесло ли нас ненароком в царство мертвых? – пробормотал маркиз. – Так и мерещится, что за нами по пятам следуют легионы призраков. И все же какая романтика! Я и представить себе не мог, что ночи в пустыне столь прекрасны. Душу охватывает грусть, что правда, то правда, но это невероятное спокойствие, эта безмятежность!.. Что скажешь, Рокко?

– Что вопреки так, точно меня посадили в печь, – буркнул сардинец, не разделявший восторгов своего хозяина. – На редкость жарко, маркиз, даже вы не сможете этого отрицать. Так и пышет. Уж не таятся ли тут под землей вулканы?

– В Сахаре, мой бравый Рокко, нет ни одного вулкана.

– Скажите, хозяин, она всегда такой была, эта Сахара?

– С незапамятных времен.

– А нельзя ли ее как-нибудь изменить?

– Французы в Алжире уже начали возделывать здешние земли, создавать новые оазисы, где благоденствуют финиковые пальмы и молочаи.

– Неужели? – воскликнул Бен. – Хотите сказать, им удалось превратить бесплодные пески в сады?

– Да. Через несколько лет легенда о том, что Сахара – это засушливое и необитаемое место, будет развеяна. До сих пор считалось, что под песками нет пресных источников. Однако выяснилось, что вода есть почти везде. Сами подумайте, как могли бы расти в оазисах пальмы, если бы их корни не достигали водоносного слоя?

– Истинная правда, маркиз. Давно замечено, что в тех оазисах, где пересыхали колодцы, все растения умирали.

– Знаете, наш генерал Дево, убежденный, что в воде тут недостатка нет, решил провести эксперимент. Результат превзошел всякие ожидания. Предположив, что под Сахарой находится огромное озеро, зажатое между двумя водонепроницаемыми слоями, Дево пору-

чил инженеру Юсу пробурить артезианскую скважину в Джелиде. Бурение закончили в июне тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. Генерал оказался прав. Скважина дает четыре тысячи литров воды в минуту, что позволило создать один из самых больших оазисов. За первой скважиной последовали новые. А сколько их еще будет пробурено! Песок рано или поздно победят. Уже сейчас на юге Алжира, там, где прежде была голая пустыня, можно увидеть величественные финиковые плантации, каждый год приносящие богатейшие урожаи.

– Замечательно! – воскликнул Бен.

– И это только начало. Через сотню-другую лет, благодаря энергии и изобретательности европейцев, большая часть Сахары превратится в сад.

– А еще я слышал о грандиозном замысле, реализация которого позволит преобразовать часть пустыни в море.

– Да, Бен, и не удивлюсь, если в один прекрасный день этот план воплотят в жизнь. Фердинанд де Лессепс, построивший изумительный Суэцкий канал, проанализировал сей проект и пришел к заключению, что он вполне осуществим. Предполагается с помощью канала длиной сто шестьдесят километров, прокопанного из Габеса, затопить пустынные низины площадью восемь тысяч квадратных километров. Всего-то и нужно что десять лет работы. Ну и деньги, конечно. А идея-то грандиозная!

– Но под водой окажутся многие оазисы.

– Тут вы, конечно, правы, Бен. Зато какая польза для коммерции! Средиземноморские державы смогут легко торговать с богатыми внутренними регионами Судана.

– Полагаете, план когда-нибудь воплотят в жизнь?

– Кто знает? Французское правительство заявило, что пока не намерено поддерживать проект. Однако то, что отвергнуто сегодня, завтра может быть принято.

– И тогда – прощайте, караваны! – сказал Рокко. – Прощай, романтика пустыни.

Бен собирался что-то ответить, когда над барханами неожиданно разнесся резкий крик. Жуткий предсмертный вопль человека.

– Кто-то зовет на помощь! – воскликнул де Сартен, осаживая коня и берясь за винтовку.

Все приподнялись на стременах, пытаясь разглядеть, что происходит, но барханы были чересчур высоки. Послышался новый крик, на сей раз более отчетливый.

– Помогите! Помогите! – кричал кто-то по-арабски.

– Там кого-то убивают!

Маркиз собирался дать шпоры коню, однако Бен его остановил:

– Постойте, господин маркиз. Не забывайте, мы в землях туарегов.

– Ничего, у нас отличное оружие.

С этими словами маркиз поскакал на крик. Бен и Рокко последовали за ним. Мавр с бедуинами окружили верблюда Эстер, взяв ружья на изготовку.

Миновав несколько дюн, маркиз оказался перед низиной, поросшей чахлой верблюжьей колючкой. Человек в темном бурнuse сражался не на жизнь, а на смерть с каким-то крупным зверем. Заметив всадников, животное отскочило, припав на короткие сильные лапы, и оскалило пасть, полную острых зубов. Зверь был поменьше льва, с вытянутой головой, мощной шеей и сильным телом, покрытым рыжеватой шерстью в черных пятнах.

– Леопард! – вскричал маркиз, мгновенно узнав врага.

Де Сартен спешил, опасаясь промахнуться, стреляя с коня, уже занервничавшего, и крикнул товарищам:

– Позаботьтесь о человеке! Леопардом займусь я.

Хищник, поняв, что ему не победить в схватке, начал отступать к темным скалам, торчащим из песка. Маркиз прицелился, но зверь уже исчез в расщелине.

– Ага, испугался! – воскликнул корсиканец. – Ничего, я еще с тобой поквитаюсь.

Убедившись, что зверю некуда деться из укрытия, он подошел к Бену и Рокко, помогавшим подняться на ноги несчастной жертве пустынного хищника.

Это был худой мужчина лет пятидесяти пяти, очень смуглый, с длинной седой бородой и черными глазами, горевшими яростным огнем. На голове – пропыленная белая чалма, бурнус весь в заплатах. Оружия у незнакомца не было, если не считать суковатой палки. Тем не менее он, по-видимому, сумел как-то защититься от зверя, поскольку отделался лишь царапиной на левой щеке.

– Да вознаградит вас Аллах, – сказал он Рокко, промывавшему ему рану.

– Кто вы и что делаете один в пустыне? – спросил маркиз.

– Я бедный марабут¹⁶, отставший от каравана. Вот уже пять дней бреду по пустыне.

– Идти можете?

– Я умираю от голода, добрый господин, и еле держусь на ногах.

– Тогда садитесь на моего коня, – предложил Бен. – Но прежде скажите, откуда вы были?

– Из сердца Сахары, где находятся оазисы Арган и Бир-эль-Дехеб.

Бен и де Сартен обменялись быстрыми взглядами, говорившими: «Этот человек может обладать ценными сведениями».

– Рокко, – сказал маркиз, – отведи этого несчастного к Эль-Хагару и скажи, чтобы разбивали лагерь. Мы же попытаемся достать леопарда.

– Да не связывайтесь вы со зверем, хозяин.

– Нет, мой дорогой Рокко, мне нужна его великолепная шкура.

Здоровяк-сардинец подхватил на руки тощего паломника, взвалил на своего коня и скрылся за барханом.

– На что вы намекали своим взглядом, Бен? – спросил маркиз, когда они остались вдвоем.

– Если этот марабут в самом деле прибыл из Центральной Сахары, он может знать о судьбе экспедиции Флаттерса куда больше, чем мы себе представляем.

– Я и сам подумал о том же, но...

– Что вас смущает?

– Можно ли ему доверять? Марабуты – известные фанатики.

– Он не успеет нас предать, потому что наверняка торопится в Марокко. Я заметил, что сума у него набита битком. Похоже, туареги не поскупились на милостыню. Мы подарим ему верблюда и отправим в Тафилалет.

– Хорошо. Тогда – на охоту. Вы же не против?

– Полагаю, много времени это не займет.

– Главное, чтобы хищник не решил отсидеться в логове.

– Мы выкурим его, маркиз. Здесь нет недостатка в сушняке, который можно зажечь.

Стреножив лошадей, они двинулись к скалам, не снимая пальцев со спусковых крючков. И сразу же увидели в глубине расщелины два зеленоватых огонька и услышали рычание.

– Ждет, – прошептал де Сартен.

– Осторожней, маркиз. Если это самка с детенышами, она будет защищаться до последнего.

– Глаза потухли. Интересно, какова глубина этой щели?

– Сейчас попробую выстрелить. Вы же, маркиз, будьте готовы подарить зверю *coup de grâce*¹⁷.

– Я готов, – ответил корсиканец, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– И я, – произнес голос у них за спиной.

¹⁶ Марабут – мусульманский паломник.

¹⁷ Удар милосердия, последний удар (фр.).

– Господи, Рокко, это ты!

– Неужто вы думали, будто я брошу вас на произвол судьбы? Марабута я сдал с рук на руки синьорине Эстер, ему я больше не нужен.

– Внимание! – сказал Бен.

Он подобрался на пять шагов к расщелине и выстрелил. Из темноты послышался рык, но зверь и не подумал выходить.

– Наверное, расщелина шире, чем кажется, – предположил маркиз.

– Или там имеется изгиб, и моя пуля угодила в стену, – ответил Бен.

– Давайте окурим логово дымом, – сказал Рокко. – Начнет задыхаться – выскочит как миленький.

Маркиз остался сторожить расщелину. Бен и Рокко насобирали верблюжьей колючки и сложили ее перед отверстием. Леопард, словно угадав их намерения, вновь зарычал. Тон его голоса изменился, сделавшись более низким и угрожающим. Стало ясно: зверь вот-вот нападет.

– Наши приготовления ему не по вкусу, – заключил маркиз.

Рокко чиркнул спичкой, с безрассудной храбростью подошел к расщелине и поджег собранные ветки. Он уже собирался отойти, когда наружу выскочил зверь и, перемахнув через огонь, метнулся к нему. Нападение оказалось столь неожиданным, что гигант отшатнулся и упал, не удержавшись на ногах.

– Беги! – закричал маркиз.

Увы, совет запоздал. Леопард с яростью набросился на Рокко, намереваясь разорвать его в клочья мощными когтями. По счастью, сардинец обладал поистине геркулесовой силой. Поняв, что отступать некуда, он обхватил леопарда мощными ручищами и сдавил так, что зверь взвыл.

Никакой гризли не смог бы сотворить подобного с пумой. А Рокко все сжимал и сжимал свои железные объятия. Позвоночник и ребра хищника подверглись суровому испытанию.

Маркиз и Бен кинулись было на помощь, но не решились стрелять из опасения случайно задеть друга: человек и зверь сцепились клубком.

– В сторону, Рокко! – кричал маркиз. – Отпусти его!

Однако сардинец не сдавался. Не желая попасть под стальные когти хищника, он удвоил усилия. Его могучие мускулы напряглись, и кости зверя затрещали.

– Ничего, хозяин! – просипел Рокко. – Справлюсь...

Леопард, чувствуя, что задыхается, отчаянно бился, рычал и пытался вцепиться клыками в горло врага. Из пасти у него пошла кровавая пена, хвост судорожно задергался. Зловеще мерцающие глаза вылезли из орбит.

Вдруг хищник издал хриплый рык и обмяк. Руки сардинца стиснули его еще крепче. Наконец Рокко отшвырнул бестию и крикнул:

– Так тебе! Хозяин, подарите же ему удар милосердия.

Поняв, что отступить некуда, сардинец обхватил леопарда мощными ручищами и сдавил так, что зверь взвыл.

Две пули пробили череп леопарда, успокоив его навсегда.

– Тысяча чертей! – воскликнул маркиз, еще не пришедший в себя. – Рокко, ты нечеловечески силен!

– Всего-то две крепкие руки, – засмеялся тот.

- Которыми возгордилась бы даже горилла.
- Повстречаем гориллу – вызову ее на дуэль.
- Ну и человечище! Один двадцати стоит! – восхитился Бен. – Если туареги решатся на нас напасть, не хотел бы я оказаться на их месте.

Глава XI

Признания Марабута

Вернувшись в лагерь, устроенный у подножия дюны, они обнаружили марабута, за обе щеки уплетавшего пшеничную кашу, приправленную финиковым медом, – настоящий деликатес для коренных обитателей пустыни. Бедняга, оголодавший за пять дней, ел с такой жадностью, что возникало опасение, как бы он не отправился в магометанский рай раньше времени из-за заворота кишок.

Видно было, что горемыка настрадался в пустыне. Марабуты вообще отличаются худобой из-за своих долгих постов и паломничеств, но от этого остались буквально кожа да кости.

Марабуты – самые рьяные приверженцы ислама и пользуются репутацией святых, принадлежа к секте, считающей своим долгом проповедовать учение арабского пророка. Их встречаешь на окраинах великой пустыни: в Южном Марокко, Алжире и Триполитании.

Они обитают в крошечных глинобитных храмах, увенчанных двумя-тремя куполами. Марабутов можно назвать монахами: некоторые из них благонравны и подвергают себя суровой аскезе, другие – жестоки, заносчивы и склонны к мошенничеству.

Кое-кто из них женат, но по большей части марабуты влачат одинокую жизнь. Грамотные посвящают себя изучению Корана и постам, неграмотные отдаются диким пляскам, кружась вокруг своей оси до изнеможения или обморока.

Встречаются среди них и замечательные плуты, якобы творящие чудеса, вещающие устами умерших, предсказывающие победы и поражения армиям и продающие амулеты против вражеских клинков и даже пушечных ядер. Иные похваляются врачевательским даром, однако все их лекарства – обрывки бумаги с накорябанными строчками из Корана, которые они потом бросают в чашку бульона.

Как бы то ни было, люди это суровые, а иногда даже опасные. Одно их слово – и между местными племенами может вспыхнуть война, доставив массу хлопот марокканскому султану. По счастью, хитроумные эмиры нашли способ держать их в узде, заодно изрядно пополняя казну.

Шиллуки, тамазигхты или горцы Эр-Рифа, то есть все более или менее независимые марокканские племена, испытывают непреодолимое отвращение к выплате императорских налогов и податей, в то время как император считает себя вправе их собирать.

Прежде эмиры прибегали к помощи армии, теперь же обращаются к марабутам, совмещающим функции религиозных, гражданских и военных вождей. Святые охотно идут на выгодную сделку и отправляются... просить милостыню.

Бродя по пустыням и горам, они встречаются со старейшинами непокорных племен, проникновенно беседуют с ними, проповедуют направо и налево, причем делают все это с таким жаром и красноречием, что им удается выклянчить столько дани, сколько не по силам отобрать войскам.

Набив карманы, марабуты возвращаются в Марокко. Большую часть добычи оставляют, разумеется, себе, остаток сдают султану. А тот и рад. Ведь иначе казна не получила бы даже таких крох. Взамен он не скупится на восхваления и почести этим талантливым сборщикам дани.

Оказалось, что марабут, подобранный нашими друзьями в пустыне, посещал оазисы туарегов, обещая им, что пожертвования пойдут на уничтожение неверных в Европе. Сложно сказать, что им двигало. То ли религиозное рвение, то ли желание потуже набить суму.

К несчастью, караванщики, к которым он прибил, однажды утром отправились в путь, не разбудив его. Бедолага проснулся в песках без припасов, без верблюда и едва не закончил свои дни в желудке голодного леопарда.

Досыта наевшись и отдохнув, марабут как ни в чем не бывало встал. Словно и не он пять дней бродил по Сахаре. Пора было его допросить и поспешить в Берамет, пока нужный им караван не ушел слишком далеко на юг.

Маркиз предложил туземцу трубку, набитую отличным табаком, и в лоб сказал:

– Я знаю, что вы были свидетелем расправы с французской экспедицией полковника Флаттерса.

Опешивший марабут вытащил трубку изо рта и уставился на маркиза. Немного придя в себя, он с некоторым беспокойством спросил:

– Вам-то что за дело?

Потом приподнялся и, внимательно разглядев де Сартена, воскликнул:

– А! Так вы не марокканец, вы – европейец в арабском платье. Или я не марабут!

– Вы не ошибаетесь, – спокойно подтвердил маркиз.

– Наверное, француз?

– Почти. Алжирец.

– Что вы делаете в Сахаре?

– Направляюсь в Сенегал по торговым делам.

– А мне почему-то кажется, что вы направляетесь к туарегам.

– Зачем? Чтобы повторить судьбу Флаттерса? Ведь все члены экспедиции были убиты.

– Все? Ха-ха!

– Так вам что-то известно? Неужели кто-нибудь из несчастных выжил?

Марабут молчал. Теперь он смотрел на маркиза и его спутников с тревогой, не ускользнувшей от зоркого взгляда корсиканца.

– Послушайте, – предложил де Сартен, – расскажите мне честно все, что знаете об этой трагедии, и я подарю вам верблюда и хорошую винтовку. С ними вы легко доберетесь до Марокко.

– Разве вы не возьмете меня с собой?

– К чему? Нам надо на юг, вам – на север.

– Давно ли вы покинули Алжир?

– Два месяца тому.

– Следовательно, не слыхали, что один из проводников был арестован и отравлен?

– Нет. Я уехал из Алжира, когда пришли первые вести о случившемся с экспедицией.

Смелее же! Рассказывайте! Я уже и сам догадался, что вам многое известно об этой драме.

Поколебавшись, марабут произнес дрожащим голосом:

– Надеюсь, меня не посчитают сообщником туарегов...

– На этот счет не беспокойтесь. Все знают, что марабуты – святые люди, а не разбойники.

– И если я все расскажу, вы меня отпустите? – продолжал допытываться марабут.

– Слово чести.

– У этого святоши явно рыльце в пушку, – пробормотал Рокко. – Сам же, наверное, и натравил туарегов на «неверных».

Какое-то время марабут сидел в задумчивости, точно старался получше все припомнить, затем приступил к рассказу:

– Когда напали на французов, я находился совсем рядом, в оазисе Рхат. Можно сказать, в главной крепости туарегов-азгаров. Будьте уверены, я надежный свидетель. Как вам, наверное, известно, полковник Флаттерс, капитан Массон и инженеры имели при себе охрану из алжирских егерей первого полка, среди которых были и два будущих предателя: Белькасым Бен Ахмед, известный под кличкой Башир, и Аль-Абьяд Бен Али.

– Да, мне это известно, – кивнул маркиз.

– Однако эти двое на самом деле были не алжирцами, а туарегами. Когда экспедиция достигла сердца пустыни, Башир сговорился со своим товарищем совершить предательство.

Им хотелось завладеть оружием, припасами, а также деньгами и подарками, которые, как они подозревали, имеются в багаже. Предложив полковнику проводить экспедицию к месторождению золота, предатели завели их к Бир-эль-Гараму и дезертировали, отправившись напрямик к туарегам. На следующий день тысяча двести разбойников пустыни обрушились на экспедицию, подавив ее своим числом. Сам Флаттерс, капитан Массон и несколько унтер-офицеров живыми попали в руки врагов. Еще кое-кому, под руководством сержанта, удалось вырваться из окружения. Но большинство были зарублены саблями. Кстати, перед тем туареги уже пытались уничтожить французов, продав им отравленные финики, от которых в животе начинались жуткие колики. Часть солдат после жестоких мучений погибла еще тогда, на горячем песке Сахары. Выжившие в бою бежали на север, преследуемые туарегами, не дававшими им ни минуты передышки. Несчастные, умиравшие от голода и жажды, едва не перебили друг друга, дойдя до безумия, и почти все погибли, грызя песок в последних судорогах агонии.

– А что с полковником Флаттерсом и капитаном Массоном? – спросил маркиз.

– Выжил или нет полковник, я не знаю. Слышал, будто туареги переправили его в Тимбукту. То ли для того, чтобы казнить, то ли – продать в рабство султану.

– Значит, вы не исключаете возможности, что полковник еще жив? До меня тоже доходили слухи насчет Тимбукту.

– Увы, наверняка не могу сказать.

– Поклянитесь в этом.

– Клянусь Кораном.

– А капитан Массон?

– Я своими глазами видел его голову, насаженную на пику. И его, и сержанта.

– Мерзавцы! – вскричал Рокко.

– Вы говорили, один из предателей арестован? – напомнил маркиз.

– Да. Башир. Он имел наглость заявиться в Бискру, надеясь убедить наместника отправить спасательную экспедицию, чтобы и ее заманить в засаду туарегов. Кто-то из выживших его узнал. Башира арестовали, напоили допьяна и подвергли допросу.

– И он во всем сознался?

– Да. Прибавив, что полковника Флаттерса тоже убили. Якобы за отказ написать письмо с просьбой выслать спасательную партию.

– Полагаете, Башир сказал правду?

– Сомневаюсь, господин.

– Башир еще жив?

– Насколько мне известно, восьмого августа он был отравлен в тюрьме Бискры трактирщиком, поставляющим еду заключенным. Трактирщика, судя по всему, подкупили туареги. Они испугались, что Башир под угрозой смерти или соблазнившись щедрой наградой согласится стать проводником для отряда, отправленного отомстить за полковника.

– А приятель Башира? Этот Аль-Абьяд Бен Али? Вы знаете, где его найти? – поинтересовался Бен.

– Говорят, он нанялся погонщиком верблюдов в караван, что сейчас идет в Тимбукту.

– Похоже, тот самый, о котором нам рассказал старый Гасан, – заметил Бен по-французски.

– Да, – согласился маркиз в глубокой задумчивости. – Наверное, он и скрывается под именем Шебби. Ничего, мы их догоним.

Де Сартен приказал развьючить одного верблюда и передать его марабуту, которому Рокко уже вручил винтовку и патроны.

– Это вам, – сказал маркиз. – Доброго пути.

– Благодарю за щедрость и за то, что спасли мне жизнь. Да пребудет с вами милость Аллаха, – ответил марабут, садясь в седло. – Будьте осторожны. Туареги зорко следят, чтобы нога европейца не ступала в пустыню. Опасаются мести французов.

С этими словами он поднял верблюда и тронулся с места.

– Хозяин, что вы думаете об этом святоше? – спросил Рокко, глядя вслед марабуту, уже почти скрывшемуся за дюной.

– Что он явно был свидетелем расправы с экспедицией.

– И наверняка подзуживал туарегов напасть на неверных, – прибавил Бен. – Эти марабуты – опасные хитрецы.

Полчаса спустя караван возобновил путь к песчаным равнинам юга.

Глава XII

Вендетта в пустыне

Переходы по безводному морю, как поэтически именуют арабы необъятные, безжизненные равнины Сахары, становились все утомительнее и тоскливее. Один песчаный бархан сменял другой, и казалось, нет конца этим недвижным волнам. Взгляду не на чем было остановиться, и сердце охватывала беспредельная печаль.

Лишь изредка у подножия скал, островками торчавших из песка, можно было найти хилые, высохшие под палящим солнцем кустики, на которые набрасывались верблюды, жадно вырывая их друг у друга.

Это была настоящая пустыня. Ни деревца, радующего взор, ни колодца, чтобы смочить пересохшие губы, ни единой живой души. Все звери и птицы, обитающие в Сахаре, будь то хищники, газели или страусы, стараются держаться поближе к оазисам.

Над этим морем песка и пламени висел зной, превращающий кожу в пожелтевший пергамент и алчно поглощающий влагу из тел и тощих бурдюков. А еще был свет. Временами складывалось впечатление, что глаза больше не выдержат яростных бликов, тысячами игл впи- вающихся под ставшие прозрачными веки.

Горизонт полыхал. Наверху – ослепительное солнце, внизу – раскаленный, блестящий до рези в глазах песок.

Караван упорно продвигался к Берамету. Надо было пополнить стремительно сокращавшиеся запасы воды и нагнать Аль-Абьяда. Тем не менее вскоре пришлось отказаться от дневных переходов, хотя маркиз и Рокко, непривычные к такому климату, страдали даже лежа в палатках, превращавшихся под лучами солнца в настоящие печи.

В дорогу пускались незадолго до заката и шли до самого рассвета. Жара не спадала и ночью. Пески продолжали дышать зноем даже перед утренней зарей, воздух был тих и недви- жим.

На девятый день путешественники с облегчением увидели высокий тонкий минарет Берамета, с которого муэдзин, обернувшись лицом к Мекке, как раз затянул утреннюю молитву:

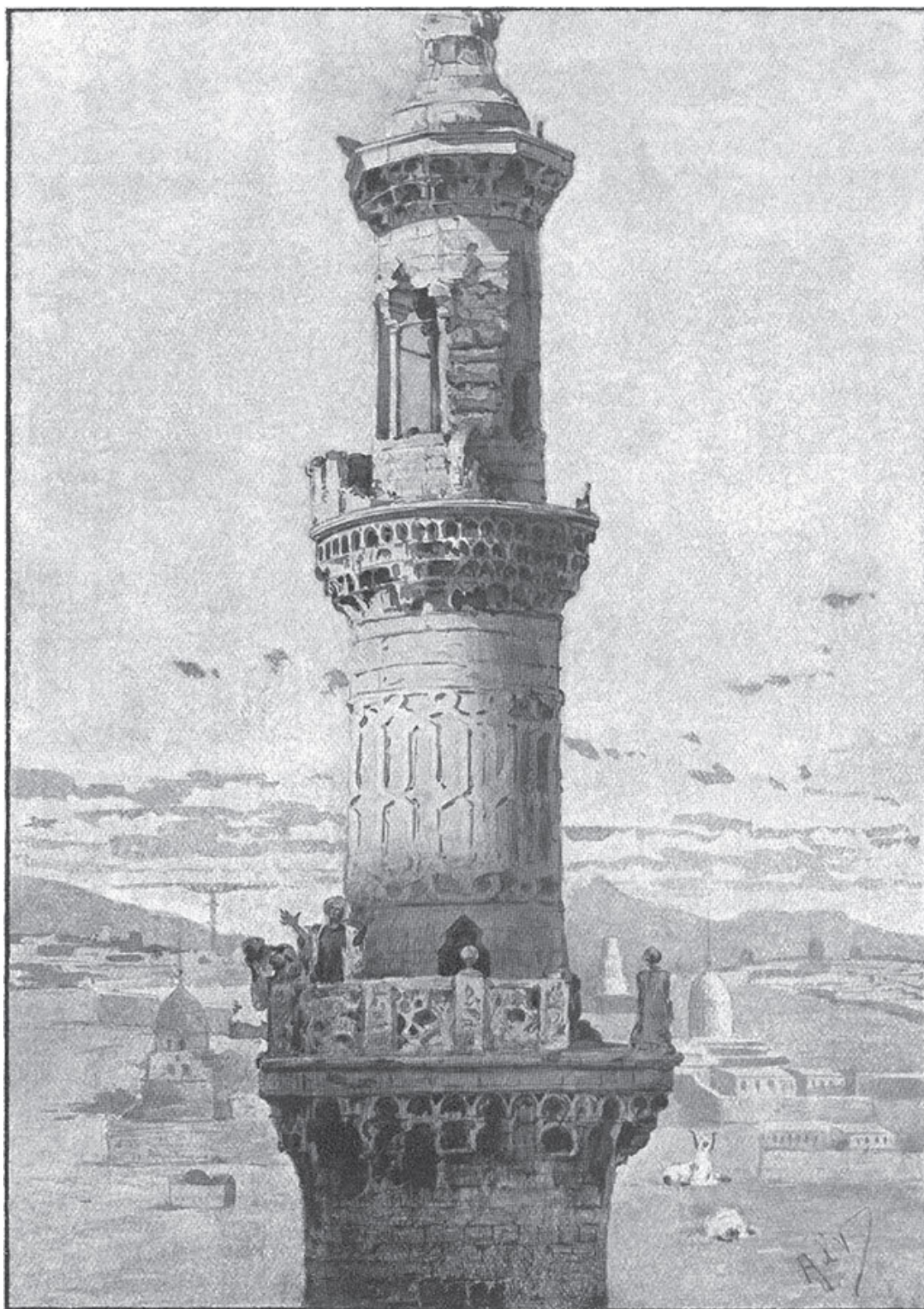
– Ашхаду анна мухаммадар-расуулюл-лаах... Я свидетельствую, что Мухаммед – послан- ник Аллаха...

Караван остановился. Все, в том числе и Эстер, тоже притворявшаяся магометанкой, разостлали коврики и опустились на колени. Помолившись, они омыли лица песком, как пред- писывает делать Коран в отсутствие воды, и вступили в небольшой оазис, надеясь обнаружить там желанный караван.

Берамет – крошечный перевалочный пункт в нескольких милях от уэда Игидена, чье русло остается сухим по многу лет. Свои скудные воды Игиден несет в соленое озеро, протя- нувшееся почти до южных границ Марокко.

Берамет состоял из небольшой мечети, двух-трех адюаров, где жили несколько семей, и был окружен тощими финиковыми пальмами, акациями и алоэ. Его жители принадлежат к амаргам¹⁸ – самому красивому и воинственному марокканскому племени. Амарги – заклятые враги арабов, на которых нападают при каждом удобном случае.

¹⁸ *Амарги* (в оригинале – *Amargui*) – сложно сказать, какое племя имелось в виду. Наиболее близким по звучанию является название амазирги (амацирги).

На девятый день путешественники с облегчением увидели высокий тонкий минарет Берамета...

Амарги не только хороши собой, но и сильны. Они отменные охотники и неутомимые бегуны. На их лицах отпечаталась странная смесь дикости и мягкости. Амарги гостеприимнее шиллуков, борющихся с другими народами Марокко за пальму первенства в высокомерии, склонности к воровству и насилию. В молодости амарги пробавляются охотой и земледелием,

к старости становятся пастухами и могут весь день проваливаться с непокрытой головой под палящим солнцем рядом со своей отарой.

Едва войдя в оазис, маркиз с товарищами с огорчением обнаружили, что каравана нет и в помине.

– Неужели мы опоздали? – с досадой спросил де Сартен.

– Караван ушел пять дней назад, – доложил Эль-Хагар, успевший переговорить со старостой.

– В каком направлении?

– К колодцам марабутов.

– Сколько дней займет дорога туда?

– Не меньше трех недель.

– Госпожа Эстер, – обратился маркиз к юной еврейке, – не желаете передохнуть день-другой?

– Нет, – отвечала храбрая сестра Бена. – Я привыкла ездить на верблюдах и совершенно не устала.

– Значит, мы покинем оазис нынче же вечером, если вы не возражаете.

– Не возражаю. Мне не хочется заставлять вас терять драгоценное время.

– Благодарю.

Путешественники поставили палатки за пределами адуаров, чтобы чувствовать себя свободнее. Бен, Эль-Хагар и бедуины отправились к колодцам напоить верблюдов и наполнить бурдюки.

Все колодцы Сахары похожи друг на друга как две капли воды: их роют люди, принадлежащие к особой гильдии гхатассинов, причем роют самыми примитивными методами, поскольку век сахарских колодцев недолог: копают яму, потом понемногу расширяют ее, укрепляя стены стволами пальм, чтобы не обвалились. Конструкция, прямо скажем, ненадежная, и со временем песок засыпает поры, откуда сочится влага.

Однако колодцы Берамета были в превосходном состоянии и давали достаточно воды. Причем великолепной, что весьма редко в пустыне, где вода обычно солоновата.

Верблюдов вдоволь напоили, потом, вставив им в ноздри что-то вроде воронок, принялись насильно вливать в них воду. Операция неприятная для этих двугорбых бедолаг, но совершенно необходимая для пополнения их внутренних запасов.

Сразу после заката караван, увеличившийся на двух беговых мехари, купленных маркизом, и основательно запасаясь водой и провизией, покинул Берамет и направился на юг. Пустыня, казалось, стала еще суше. Не попадалось больше ни скал, ни чахлой растительности, ни мелких зверьков. Только песчаные барханы, за которыми вырастали все новые и новые.

– По-моему, местность постепенно понижается, – заметил де Сартен, ехавший стремя в стремя с Беном.

– Наверное, мы едем по дну древнего океана, – ответил еврей.

– Вы тоже считаете, что в незапамятные времена Сахара была покрыта водой?

– Так многие говорят, маркиз.

– А вот ученые в этом сомневаются, мой дорогой Бен. Сахара находится на высоте примерно четырехсот метров над уровнем моря. Вода никак не могла стоять на такой высоте, даже если бы пустыня сообщалась с океаном.

– Но здесь же есть и низменности.

– Есть, не спорю. Однако их немного.

– Какое же объяснение предлагают ученые люди?

– Они утверждают, что Сахара, подобно пустыням Туркестана и Гоби, стала таковой вовсе не из-за понижения уровня воды. Напротив, она возникла вследствие подъема геологи-

ческих пластов в доисторические времена. Песок же образовался в результате эрозии скал под действием воды и ветра.

– Может, они и правы, маркиз. В Сахаре много скальных пород, притом довольно мягких. О, кстати!

– В чем дело?

– Видите во-он ту скалу впереди?

– Вижу.

– Это Красавица Афза.

– И что?

– Историю о ней знают в Сахаре все, от мала до велика.

– Мне она незнакома.

– Это повесть о страшной мести.

– Расскажите?

– Извольте, расскажу на стоянке, маркиз.

Пустыня по-прежнему сохраняла тоскливую однообразность. И жара никуда не делась. Воздух был неподвижен, а если изредка и налетал порыв ветра, он обжигал так, что перехватывало дыхание. Переход продлился до рассвета. Де Сартен стремился во что бы то ни стало догнать караван.

Едва занялась заря, путешественники поставили палатки и спрятались в них, чтобы поесть и отдохнуть. Пока Рокко готовил сытный завтрак, состоявший из бобового супа и оладий, Эстер сварила восхитительный мокко и подала его вместе с отличным коньяком, фляжку которого маркиз никогда не забывал прихватить в дорогу.

– Что же, друг мой Бен, вот и стоянка. Жду обещанной истории, – напомнил де Сартен.

– Давайте ее расскажу вам я, маркиз, – предложила Эстер.

– В таком случае я удвою внимание. Афза была женщиной, я правильно догадался?

– Первой красавицей Сахары.

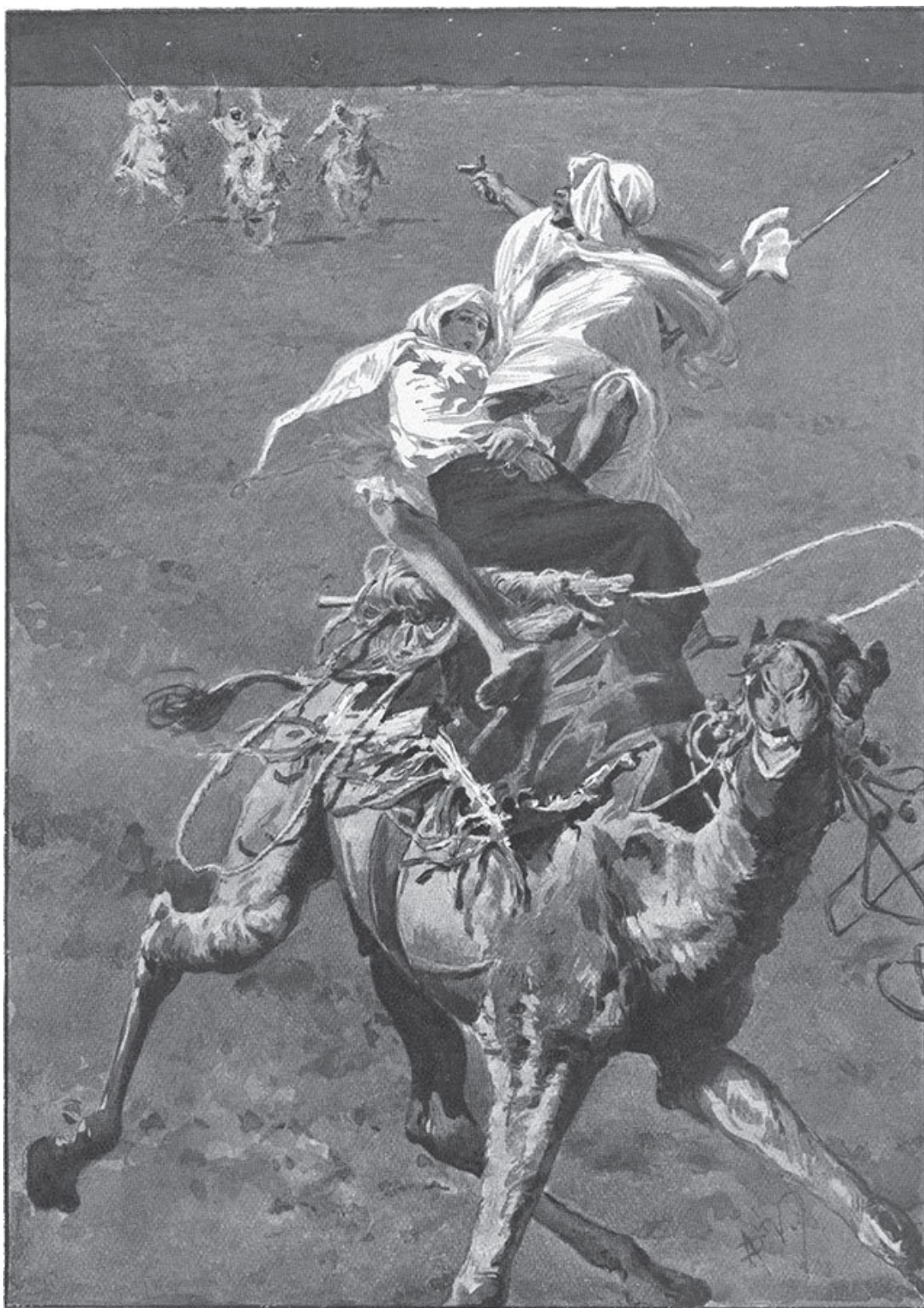
– За всем этим явно скрывается некая драма.

– Драма о мести, которая позволит вам лучше понять обычаи людей пустыни.

И Эстер начала свой рассказ:

– Давным-давно у подножия этой скалы стоял адуар, утопавший в финиковых садах, ибо колодцы здешние наполнились водой, а земля была тучной. Вы уже знаете, что стоит воде уйти – Сахара берет свое, превращая даже самые прекрасные оазисы в мертвую пустыню, где не сыщешь и травинки. В адуаре жил бедуин по имени Аль-Озджан, отважный охотник, знаменитый на всю Сахару. Аль-Озджан слыл счастливчиком, ведь, помимо бесчисленных стад верблюдов, он обладал самой красивой женщиной пустыни – Афзой из племени туарегов, за которую заплатил почти столько же золота на рынке Анаджема, сколько весила она сама. Увы, счастье Аль-Озджана продлилось недолго. У Аллаха имелись свои намерения на его счет. Как-то раз, погнавшись за антилопой, Аль-Озджан оказался на песчаной низменности, усеянной сломанными копьями, окровавленными саблями и бездыханными телами. Судя по всему, там столкнулись два враждующих племени туарегов. Боясь повстречать победителей, Аль-Озджан уже повернул назад и тут услышал стон. Оказалось, один из молодых воинов еще не умер. Аль-Озджан был добрым человеком. Он положил раненого на своего верблюда и отвез домой, где велел заботиться о нем, как о собственном брате. Прошло долгих четыре месяца, прежде чем юноша, которого звали Фарис, совершенно выздоровел. «Что ж, – сказал ему Аль-Озджан, – больше ты не нуждаешься в моей заботе. Если хочешь вернуться к своим, я отвезу тебя, хотя и буду скучать. Если же останешься в моем адуаре – будешь мне названным братом. Моя мать станет тебе матерью, а моя жена – сестрой». – «О благодетель! – воскликнул юный воин. – Где я найду родичей, подобных вам? Без тебя я был бы давно мертв, моя плоть стала бы пищей стервятникам, а кости лежали бы непогребенными на раскаленном песке. Если ты желаешь,

я с радостью останусь в твоём адуаре и буду тебе слугой по гроб жизни». Следует, однако, сказать, что Фарис надумал остаться по другой, куда менее благородной причине. Он полюбил прекрасную Афзу, пока та его выхаживала. Миновало ещё два месяца. Однажды Аль-Озджан, ни о чём не подозревавший, попросил Фариса проводить свою мать, жену и двоих детей в оазис, где собирался разбить новый адуар. Но, как говорится, что плохо положено – страхом не огорожено. Фарис поддался соблазну. Он навьючил на верблюда свернутую палатку, поверх посадил старуху с детьми и отправил вперед, пообещав, что вскоре они с Афзой их догонят. Старуха долго ждала, но не дождалась ни Афзы, ни Фариса. Юноша вскочил на горячего жеребца и увез Афзу в своё племя. Вечером, когда Аль-Озджан приехал в новый оазис, он нашел там одну мать, горько плакавшую под пальмой. «Где Афза?» – закричал он страшным голосом. «Не знаю я ни где твоя жена, ни где Фарис, – отвечала старуха. – С самого утра их жду». И тут злые подозрения закрались в сердце преданного мужа. Он помог матери поставить палатку, взял саблю, сел на быстрого мехари и в отчаянии ускакал в пустыню. Добравшись до адуара, где жило племя Фариса, Аль-Озджан попросился на постой к одной старушке. Та удивленно взглянула на него и спросила: «Почему бы тебе не поехать прямо к шейху? Сегодня в адуаре великий праздник, никто не откажет в ночлеге даже врагу, не то что благочестивому путнику». – «Что же за праздник у вас?» – поинтересовался Аль-Озджан. «Фарис Эль-Меидо, которого считали погибшим в бою и давно оплакали, вернулся, да не один, а с прекраснейшей женщиной. Сегодня играют их свадьбу». Аль-Озджан сдержал гнев и дождался ночи. Едва все жители адуара уснули, он бесшумно прокрался в палатку Фариса и, прежде чем юноша успел открыть глаза, одним ударом отрубил ему голову. Проснулась Афза. Аль-Озджан схватил ее за руку и прошептал: «Иди за мной». – «Неблагодарный! – воскликнула Афза. – Беги! Беги отсюда, пока родичи Фариса тебя не убили». – «Молчи, женщина, – зло бросил ей Аль-Озджан. – Вставай и молись Всевышнему, проси Его избавить тебя от шайтана, что подбил бросить мужа и детей». Афза, приметив жуткий блеск в черных очах обманутого супруга, попыталась позвать на помощь, но Аль-Озджан связал неверную жену и закинул на спину верблюда. Однако ее крики разбудили людей. Отец Фариса и два его брата бросились в погоню.

Отец Фариса и два его брата бросились в погоню.

Аль-Озджан, увидев их, прыгнул с мехари и выхватил саблю. Он защищался, как лев. Между тем Афза освободилась от веревок и присоединилась к его врагам. Она начала кидать в Аль-Озджана камни. Один камень разбил ему голову в кровь. Но Аль-Озджан убил обоих братьев и повалил на землю их отца. «Я не убиваю стариков, – сказал он. – Садись на коня и возвращайся, откуда приехал». Затем он изловил Афзу и отвез в свой адуар, ни разу не

заговорив с ней по дороге. Добравшись до скалы, под которой мы сейчас сидим, Аль-Озджан велел слуге позвать отца и братьев Афзы, после чего рассказал им, что произошло. «Отец, суди свою дочь», – закончил он. Старик поднялся и, не вымолвив ни слова, обнажил саблю. Удар – и голова прекрасной Афзы покатилась по песку. Так свершилась месть. Аль-Озджан с горя развалил колодцы, чтобы здесь погибло все живое, засыпал их песком, сел на своего верблюда и уехал в пустыню. Больше его никто никогда не видел. Скала же осталась напоминанием о мести злосчастного охотника неверной Афзе.

Глава XIII

Ветры Сахары

Десять дней караван упрямо продвигался на юг, пока однажды утром, после тяжелейшего ночного перехода, в палатке, где де Сартен с товарищами как раз попивали кофе, не появился расстроенный Эль-Хагар.

– Господин, – произнес он с тревогой, не ускользнувшей от маркиза, – впереди страшная опасность.

– Туареги? – предположил корсиканец.

– Нет. Надвигается самум. Скоро разразится ужасная буря. Надо искать укрытие, иначе нас погребут под собой пески.

Маркиз, Эстер и Бен выскочили из палатки, однако, к своему удивлению, не обнаружили ничего, что возвещало бы о грозном ветре, который вытягивает всю влагу на своем пути: соки из растений, воду из бурдюков... Но главное – поднимает тучи песка, способные бесследно поглотить целые караваны.

Но везде было тихо, у горизонта – ни облачка. Песчаные барханы оставались неподвижны. Разве что в воздухе висела невинная, на первый взгляд, белесая дымка.

– Я не чувствую даже намека на ветер, а ты заявляешь, будто приближается самум! – воскликнул маркиз. – Уж не приснилось ли тебе чего, любезный Эль-Хагар?

– Нет, – ответил мавр, не сводя глаз с юга. – Я его вижу.

– Но где?

– Разве ты не различаешь черной точки, вон там, вдали?

– По-моему, это просто гора.

– Увы, хозяин. Это туча, предвещающая самум.

– И что ты посоветуешь нам делать?

– Выезжать немедленно. В трех-четыре милих отсюда есть скалы, за которыми можно будет спрятаться.

Палатки немедленно разобрали и навьючили на верблюдов. На сей раз стронуть караван с места удалось, не прибегая к палкам. Животные определенно нервничали. Осел и верблюды мотали головами и ревели, лошади ржали и пытались укунить друг друга.

Тем временем молочно-белое марево затянуло весь небосвод. С юга то и дело налетали порывы горячего ветра. Черная точка заметно увеличилась в размерах, поднимаясь все выше. Теперь стало понятно, что это – мутное облако, которое самум с невероятной быстротой гонит перед собой.

Мавр и бедуины принялись громко петь, чтобы подбодрить запаниковавших животных. У лошадей, которые, точно бешеные, продолжали скалить зубы, на шеях вздулись вены.

– Похоже, этот самум действительно нечто невероятное, – пробормотал маркиз, также охваченный странным смятением. – Мое сердце трепещет, словно предчувствуя неведомую беду.

– Приближается ужас караванов, – произнес Бен.

– Если мы доберемся до убежища, обещанного мавром, все для нас закончится песчаным дождем. Но хватит ли нам потом воды, чтобы доехать до оазиса марабутов?

– Неужто ветер высушит всю нашу воду? – изумился Рокко.

– Знал бы ты, сколько караванов осталось без капли воды после самума! И сколько их потом погибло от жажды! – воскликнул маркиз.

– Нам следует принять решение, и принять быстро, – сказал Бен.

– Какое же? – спросил де Сартен.

– Выслать вперед двух мехари с бурдюками. Боюсь, самум обрушится на нас прежде, чем мы достигнем скал.

– Я хотел предложить то же самое, – сказал Эль-Хагар, шедший рядом. – Верблюды устали, того и гляди упадут.

– Маркиз, вы умеете управляться с мехари? – спросил Бен.

– Да. Мне доводилось ездить на них в Кабилии.

– Позаботьтесь о моей сестре, а я помогу Рокко.

– Защитника надежнее вы бы и пожелать не могли. Итак, пересаживаемся на мехари. Они крепче и быстрее лошадей.

– Поторопитесь, – посоветовал Эль-Хагар. – Пески пришли в движение. Я пригляжу за караваном.

Громадная туча уже затянула небо. В ее чреве что-то грохотало, будто телеги, груженные булыжником, на безумной скорости неслись по железному мосту. Огненный ветер, завывая, летел над пустыней, вздымая оранжевые песчаные завесы, мечущиеся в дюнах. Казалось, они сотканы не из песка, а из языков пламени.

Маркиз вскочил на мехари, что вел мавр, и подхватил на руки Эстер. Бен и Рокко забрались на второго.

– О нас не беспокойтесь, – сказал Эль-Хагар. – Уляжется буря, и мы встретимся.

Мехари рванули вперед, скача наперегонки с ветром.

Если верблюды – корабли пустыни, то мехари среди них – клиперы. Они красивее, благороднее, уравновешеннее прочих верблюдов и искренне привязаны к своим хозяевам. Ход у них более ровный и во сто крат быстрее, чем у других.

Мехари предпочитает бежать размашистой рысью, приподнимая хвост и голову. Его горб при этом сильно раскачивается, что доставляет значительные неудобства неопытному всаднику. Зато какая скорость! Мехари способны без отдыха проскакать шестьдесят миль, а то и больше, если их подстегнуть.

Маркиз крепко сидел в седле, имевшем высокие луки впереди и сзади для того, чтобы всадник не свалился. Он прижимал к груди прекрасную еврейку, пытаясь защитить ее от хлещущего песка. Бен и Рокко скакали следом, вцепившись в луки и ремни и пригибаясь, чтобы хоть как-то прикрыть лица.

Караван же скрылся за непроницаемым полотнищем, стремительно надвигавшимся на север. Ветер ревел над барханами, перемещая их по пустыне, вдруг ставшей бушующим океаном. На людей и верблюдов обрушивались настоящие волны, но не воды, а песка.

Небо пылало. Туча выглядела жидкой, пышущей нестерпимым жаром смолой. Беглецы чувствовали, что пекутся заживо, будто угодили в раскаленную добела печь.

Мехари, однако, не останавливались. Они бежали во весь опор, вытянувшись в струну: шея напряжена, голова опущена, чтобы меньше вдыхать горячий воздух, сушащий легкие. Под шквалом песка и гравия верблюды перебирались с бархана на бархан, даже не замедляя бега.

– Не бойтесь, госпожа! – прокричал де Сартен. – Мехари чувствуют, куда надо бежать!

– Ветер сейчас сбросит нас с седла, – ответила Эстер, плотнее прижимаясь к маркизу.

– Не бойтесь, я с вами.

– А как же караван? И Эль-Хагар?

– Их не видно.

– А мой брат?

Маркиз повернул голову и вроде бы заметил тень в просвете летящего песка, становившегося все гуще и гуще:

– Думаю, следует за нами.

Верблюд бежал как бешеный, временами издавая придушенные стоны. Куда он бежал? Этого маркиз знать не мог, ему оставалось только довериться инстинкту животного.

Порывы ветра ужесточились, песчаные вихри сделались яростнее. Вокруг уже ничего нельзя было разглядеть, в том числе мехари Бена и Рокко. Жара нарастала. Маркиз почувствовал, что сейчас задохнется. Раскаленный воздух резал потрескавшиеся губы, обжигал глотку и легкие. Голова кружилась, глаза саднило от попавших под веки песчинок, в ушах звенело.

Однако де Сартен не сдавался. Лишь сильнее стискивал ногами бока задыхающегося верблюда и прижимал к груди Эстер, чьи длинные черные волосы, растрепавшиеся на ветру, били его по лицу, обвивались вокруг шеи.

Вдруг верблюд остановился. Подняв голову, маркиз увидел сквозь пелену песка какую-то темную массу.

– Неужели спасены?.. – пробормотал он.

Мехари рухнул на землю и спрятал морду между колен. Де Сартен слез с верблюда и, по-прежнему прижимая к себе Эстер, укутанную в хайек¹⁹, бросился туда, где что-то темнело. Песок и мелкие камешки градом падали с неба, страшно завывал ветер, горячий, словно исходил из жерла вулкана. Маркиз решительно направился к черноте впереди.

Это оказалась пещера, вероятно когда-то служившая логовом какому-нибудь зверю. Довольно высокая, неправильной формы, она уходила вглубь скалы на несколько метров. Песок под ногами был усыпан пожелтевшими от времени костями.

Осторожно опустив девушку, де Сартен обнаружил, что она не подает признаков жизни.

– Умерла?! – воскликнул он в ужасе. – Нет! Невозможно! Вода, ей нужна вода!

Забыв о песчаной буре, свирепствующей снаружи, и об опасности быть погребенным под толщей песка, маркиз выскочил из пещеры и подбежал к мехари, оставшемуся лежать на том же месте. Верблюда уже почти занесло песком. Де Сартен снял два изрядно похудевших бурдюка и побежал обратно, спотыкаясь и падая. Ветер валил с ног, песок слепил, забивал нос и рот, грозя задушить. Когда де Сартену удалось наконец добраться до расщелины, девушка уже очнулась.

– Маркиз! – вскричала она. – Я испугалась, что вы погибли.

– Я принес воду, попейте, – ответил тот, еле ворочая языком.

– Нет-нет, сначала вы...

– Не спорьте, пейте-пейте, я потом...

Сухие губы Эстер приникли к бурдюку. Она пила большими глотками, не сводя благодарных глаз с маркиза. На ее алебастрово-белом лице – оттенок, столь характерный для марокканских евреек, затмевающих красотой даже креолок, – мало-помалу расцвел румянец.

– Спасибо, – произнесла она так нежно, что на сердце у маркиза стало горячо.

Он улыбнулся девушке, принял у нее бурдюк и, в свою очередь, прильнул к горлышку, еще влажному от ее губ. Ему почудилось, что вода, смочившая губы прекрасной Эстер, от этого стала еще слаще, еще свежее и придает ему новые силы.

Бережно, чтобы не пролить ни капли драгоценной влаги, маркиз положил оба бурдюка у стены и оглянулся на вход, словно избегая смотреть в черные, ярко блестящие глаза Эстер. Та не отрывала от него взгляда.

– Где же ваш брат?.. И Рокко... – прошептал он.

– Вы их не видели? – с тревогой спросила Эстер.

– Нет, не видел, – ответил маркиз, сам изумляясь тому, что совершенно позабыл о товарищах.

– Может быть, они тоже нашли какую-нибудь пещеру?

– Хотите, я пойду их поищу?

– Это слишком опасно, маркиз. Разве вы не слышите, как воет ветер? Как бьет о камни песок?

– Вы правы, Эстер, но я не могу сидеть сложа руки, в то время как мои друзья погибают.

¹⁹ Хайек – традиционная женская верхняя одежда народов Северной Африки.

Сказав это, он направился к выходу, однако тут же понял, что ничего не получится.

В Сахаре свирепствовала песчаная буря. Зрелище было жутким. Барханы исчезали на глазах, будто снежные сугробы под ветром, делавшимся все горячее и беспощаднее. Песчаная муть окончательно скрыла весь небосвод.

Огненный полог метался туда-сюда, то взмывая вверх, то падая вниз и вновь круговертью вздымаясь в высоту. Временами сквозь мглу пробивался ярко-алый солнечный диск, и тогда казалось, что пустыня объята пожаром, а в небе извергаются сотни вулканов. Со всех сторон неслись рокот и завывание усиливающегося ветра.

У входа в пещеру начал скапливаться песчаный вал, грозя похоронить беглецов. То и дело с вершины скалы с грохотом падали камни и, подпрыгивая, катились по земле, погоняемые ветром.

– Маркиз, – Эстер прижалась к корсиканцу, – я боюсь!

– Здесь нам нечего бояться, – отвечал де Сартен, обнимая девушку. – Не мы должны бояться, а люди, оставшиеся с караваном.

– И мой брат?

– Эстер, я уверен, он тоже добрался до какого-нибудь убежища. Может быть, они куда ближе, чем мы думаем. Отдохните, мадемуазель, вы же устали. Подождем, пока самум не утихомирится.

– Вы правы, я едва держусь на ногах. Дышать тяжело.

– Прилягте в том уголке, а я останусь на страже. Если что-нибудь случится, разбужу вас.

Девушка, чувствуя себя совершенно разбитой и оглушенной, свернулась калачиком в дальнем конце пещеры, маркиз же растянулся прямо у входа. Он вслушивался в рев бури, надеясь различить голоса друзей.

Де Сартен ощущал, что впадает в дурманное оцепенение, вероятно вызванное сильной жарой и недостатком воздуха. Веки отяжелели. Он оглянулся на Эстер, сжавшуюся на песке, подсунув локоть под голову: глаза закрыты, дыхание частое и лихорадочное. Ей тоже определенно не хватало кислорода.

– Немного сна пойдет ей на пользу, – пробормотал маркиз.

Сам он, борясь с навалившейся дурнотой, остался на страже. Потом веки его сами собой закрылись. Вой ветра словно бы стих и доносился откуда-то издалека. Де Сартена охватила блаженная истома, манящая отдаться ей без остатка.

Некоторое время он сопротивлялся дремоте, затем провалился в темноту. А песок, гонимый ветром, продолжал заносить выход из расщелины, угрожая заживо похоронить двоих беглецов.

Глава XIV

Песчаная могила

Проспав, должно быть, часа два-три, маркиз открыл глаза. Вокруг стоял полумрак, сильно его удививший. Неужели наступила ночь? Быть того не может. Де Сартен резко сел, огляделся, и ужас охватил его сердце: выход из пещеры оказался совершенно завален песком. Свет сочился из полуфутовой щели в потолке, пролезть сквозь которую не смог бы даже тощий подросток.

– Мы в ловушке! – вскричал маркиз, и кровь застыла у него в жилах.

Поднявшись на ноги, он вытянулся вверх, насколько было возможно, и прислушался. Судя по глухому гулу и злобному вою, самому продолжал бушевать.

– Буря еще ярится, – с дрожью в голосе произнес де Сартен, – следовательно песок будет скапливаться и дальше.

Он подошел к Эстер. Та спала, все так же положив прекрасную головку на локоть правой руки. Ее губы чуть-чуть улыбались, показывая белые зубки. Легкий румянец придавал коже оттенок розового шелка.

– Спит и видит сны, – прошептал маркиз. – Каким ужасным будет ее пробуждение.

Он направился было к куче песка, но вновь оглянулся на девушку. Ему послышался глубокий вздох.

– Эстер! – позвал де Сартен.

Она открыла глаза, села и спросила:

– Где я?

– В безопасности.

– Но... Маркиз, почему здесь так темно?

– Боюсь, у меня для вас плохие новости. Выход занесен песком.

– О господи! Где же мой брат? И... другие?

– Неизвестно. Полагаю, тоже сидят в убежище. Самум еще не закончился.

– А выход уже завален песком? Значит, мы погибли.

– Не теряйте присутствия духа. Мы выберемся.

– Как?! Я не представляю.

– Пока не знаю. Что-нибудь придумаем. Возможно, песка меньше, чем нам кажется.

– Я боюсь, маркиз...

– Чего, Эстер? Меня?

– Вас? Разумеется, нет! – живо воскликнула девушка. – Боюсь, что мы не сможем выйти отсюда, боюсь смерти. Мы одни и затеряны в самом сердце пустыни...

– У нас есть друзья.

– Откуда им знать, где мы? Они никогда не найдут нас под этими песками.

Маркиз побледнел и ничего не ответил. Действительно, даже если предположить, что Бен, Рокко и погонщики выжили, откуда они узнают, где искать их с Эстер? Как поймут, что два человека погребены в толще скал?

Оба замолчали. Эстер с тревогой смотрела на маркиза, ожидая ответа, хотя бы слова, которое могло вселить надежду в ее сердце. Увы, маркиз таких слов не находил.

– Да, мы затерялись в пустыне, это правда, – произнес наконец он. – Ничего, я попробую пробить толщу песка выстрелами из винтовки.

– Нас засыплет.

– Такая опасность есть. Однако мы попробуем.

Де Сартен взял винтовку, перезарядил, подошел к куче песка и с силой вогнал в нее ствол. Потрясенный песок начал с шорохом осыпаться прямо ему под ноги.

– Чересчур сухой, – пробормотал он и, пожав плечами, извлек ствол.

– Получается, путь к свободе нам преграждает гора песка, и, чтобы нас откопать, требуется дюжина крепких мужчин с лопатами, – заключила Эстер.

– Одна мысль о вашей смерти для меня невыносима, – с жаром сказал де Сартен. – Эстер, вы слишком юны и красивы, чтобы умереть.

В этих словах прозвучала такая сила, что девушка с удивлением взглянула на маркиза и покраснела.

– Мы умрем вместе, – произнесла она еле слышно.

Де Сартен промолчал. Его взгляд был прикован к щели, сквозь которую сочился красноватый свет.

– Наше спасение там, – сказал он. – Наверху! Жизнь, свобода, всё! Нет, Эстер, вы не умрете. Я вас спасу!

Щель находилась на высоте пятнадцати футов в углу пещеры, и по выступам неровных стен добраться до нее было несложно. Маркиз направился туда.

– Что вы задумали? – спросила Эстер.

– У вас есть патроны? – вместо ответа поинтересовался он.

– Да, две дюжины.

– У меня – четыре. Разберите ваши и вытряхните из них порох. Он мне понадобится.

– Собираетесь изготовить мину?

– Угадали.

– А если не получится?

– На все воля Божья.

И он с кошачьей ловкостью начал карабкаться вверх, хватаясь за каменные карнизы и упираясь ногами в трещины. Эстер ужаснулась, представив, как он оступается, падает вниз и разбивает себе голову.

– Осторожнее, маркиз, – проговорила она с дрожью в голосе, – не убейтесь.

– Не бойтесь, не свалюсь.

Девушка в смятении следила за тем, как он нащупывает выступы и углубления, вжимаясь в неровную скалу. Стоило ему пошатнуться или помедлить, ее сердце уходило в пятки, и она зажимуривалась.

К счастью, маркиз вполне мог потягаться силой и ловкостью с лучшими марсовыми матросами Средиземноморского флота. С усилием он в последний раз подтянулся и ухватился за край трещины, на миг повиснув в пустоте.

– Толщина скалы здесь всего десять-пятнадцать сантиметров, – сообщил он, шаря рукой. – Ага!

– Что там, маркиз?

– Ямка, прямо-таки созданная для того, чтобы в нее насыпали пороху.

Спустившись немного ниже, он спрыгнул на песчаный пол.

– Не будем терять времени, – сказал он. – Может быть, наши друзья уже нас обыскались.

И они принялись зубами вытягивать пули из патронов и высыпать порох в кожаный мешочек.

– Десяток оставим на всякий случай, – решил де Сартен. – Никогда не знаешь, что может случиться.

Когда они закончили, маркиз оторвал лоскут от своего уазроца, смочил его водой и посыпал порохом, получив запальный шнур. Из-за самума в пещере было так жарко, что через каких-то пять минут ткань высохла.

– Эстер, отойдите к выходу и заройтесь в песок. От взрыва потолок может обрушиться.

– А сами вы успеете спрятаться?

– Запал будет гореть секунд сорок.

Положив в карман мешочек с порохом, маркиз вновь полез наверх. Легко взобравшись, он опустошил его в найденную ямку, приладил запальный шнур и заложил всё несколькими осколками камней, чтобы взрыв был мощнее.

– Эстер, вы спрятались?

– Да, маркиз.

Де Сартен чиркнул спичкой, запалил шнур и, в мгновение ока оказавшись внизу, бросился к куче песка, торопливо разрыл ее и лег так, чтобы видеть трещину. Он с вполне понятной тревогой следил за тем, как медленно тлеет шнур, тихонько потрескивая и рассыпая искры: хватит ли пороха, чтобы взорвать скалу? И окажется ли дыра достаточно большой? Что, если взрыв обрушит пещеру, похоронив их под обвалом?

Вдруг все осветила яркая вспышка, раздался оглушительный грохот. Сверху посыпались камни.

Эстер, вообразившая, что рушится потолок, отчаянно закричала. Маркиз, напротив, рискуя попасть под обвал, кинулся в облако дыма, заполнившего пещеру.

Самодельная мина разнесла угол потолка. В образовавшуюся дыру спокойно мог проникнуть даже весьма крупный человек. Осколки посекали стены, но ни один из них не долетел до песка у выхода.

– Спасены! – вскричал маркиз, помогая Эстер подняться. – Вы видите? Сейчас мы вылезем отсюда и обязательно отыщем вашего брата и караван.

– Да, маркиз. Однако боюсь, что не смогу взобраться по стене. Мне не хватит силы и ловкости, которые в избытке есть у вас.

– Как же быть? Я не могу оставить вас одну!

– Почему же? Я посижу тут, пока вы не отыщете Бена и Рокко, а потом вы спустите мне веревки и поможете вылезти.

– А вдруг в мое отсутствие с вами что-то случится?

– Что, например? Пещера пуста, к тому же со мной останется мой верный карабин. Поспешите, маркиз, найдите моего брата и возвращайтесь.

– Эстер...

– Да.

– Вы не боитесь?

– Ни чуточки, – улыбнулась она. – Я буду вас ждать.

Де Сартен нежно пожал ее руку, взял свою винтовку и, буквально взлетев под потолок, подтянулся, выбрался наружу, оказавшись на скальном выступе.

Вокруг, на сколько хватало глаз, простиралась пустыня, совершенно преобразившаяся после самума. Длинные цепочки барханов исчезли, переместились или изменили форму. Там, где прежде были холмы, теперь темнели низменности. Где была равнина – высились причудливые горы песка, напоминая островки, затерянные в бескрайнем океане. Кое-где выступили скалы, которых не было прежде. Одним словом, хаос.

– Сахара сменила маску, – пробормотал де Сартен, оглядываясь в поисках Бена, Рокко или каравана. – Никого. Неужели все погибли? Может быть, они где-то там, за этими новыми барханами и скалами?

Он перегнулся через край выступа и посмотрел вниз. Скала оказалась не слишком крутой, так что спуститься не представляло особого труда. Де Сартен как раз внимательно осматривал скалу, когда его внимание привлекло движение. У занесенного песком входа шевелилась белая тень.

– Наш мехари! – восторженно воскликнул маркиз. – Умнейшее животное. Унюхал нас и подобрался к самой пещере.

Корсиканец вернулся к щели.

– Эстер! – позвал он.

– Вы кого-нибудь увидели, маркиз? – спросила девушка.

– Думаю, наши товарищи находятся за барханами, – осторожно сказал тот, не желая ее пугать. – Но наш верный мехари здесь. Сейчас я сяду на него и поеду на поиски. Вы не будете бояться, оставшись в одиночестве?

– Поезжайте, маркиз. Только умоляю, не забудьте, что я с нетерпением жду вашего возвращения.

Де Сартен спустился со скалы и подошел к верблюду. Увидев его, умное животное опустилось на колени, приглашая сесть в седло.

– Вперед, мой храбрец! – подбодрил верблюда маркиз. – Надо найти остальных.

Мехари поднялся, принялся к горячему воздуху и поскакал тем странным, характерным для верблюдов аллюром, который создает впечатление, что животное хромот. Позади оставались дюны, барханы и низменности. Куда направлялся мехари? Маркиз не думал об этом. Он доверился замечательным инстинктам верблюда и его тонкому нюху, позволявшему издалека чутать воду и людей.

Верблюд бежал во весь опор. От головокружительной скачки у де Сартена захватило дух. Вот они поднялись на высокий холм, проскакали по гребню, спустились в низину и вновь поднялись на очередной бархан. Шея верблюда вытянулась, он громко сопел.

Так прошло с полчаса. Мехари бежал на юг, скалы остались далеко позади. Вдруг верблюд застыл перед очередным барханом и взревел. Почти сразу же на его зов ответили таким же резким ревом и конским ржанием. Маркиз с изумлением увидел, что из-под песка показались головы верблюдов.

– Наш караван! – воскликнул де Сартен и тут же побледнел, вспомнив о Бене и Рокко.

Вокруг, стряхивая со спин песок, поднимались верблюды и кони. Показалась полужасыпанная палатка, откуда выбрались бедуины и мавр, все в пыли.

– Это ты, господин?! – сказал мавр, увидев маркиза. – А где же остальные?

– То есть Бен и Рокко не вернулись? – ошеломленно спросил де Сартен.

– Мы никого не видели.

– Выходит, их занесло песком.

– Разве они не с тобой были?

– Мы потеряли друг друга в песчаной круговерти.

– А госпожа Эстер? Она тоже потерялась?

– Нет, она в безопасности.

– Вы с ней добрались до пещеры?

– Да, Эль-Хагар. Но нас там едва не завалило песком.

– Наверное, та же судьба постигла и Бена Нартико с вашим слугой, – подумав, заключил мавр.

– Ты хорошо знаешь те скалы?

– Мне уже случалось пережить там самумы, господин.

– Сколько там пещер?

– Четыре.

– И все они рядом?

– Нет.

– Тогда пусть бедуины позаботятся о верблюдах, а ты прихвати веревки, садись на коня и следуй за мной.

Через минуту оба, один на мехари, второй на лучшем коне, оставили караван и поскакали к скалам.

Забравшись на вершину, они обнаружили, что храбрая еврейка спокойно сидит в центре пещеры с карабином на коленях. Ей были сброшены две веревки, к которым привязали

крепкую палку, и девушка наконец выбралась из заточения на дневной свет, не забыв забрать драгоценные бурдюки с водой.

– Маркиз, – сказала Эстер, – я обязана вам жизнью.

Де Сартен не отвечал. Он чему-то улыбался, глядя в черные глаза.

Глава XV

Страшный миг

Вызволив Эстер, маркиз вместе с Эль-Хагаром помогли ей спуститься, и они без промедления отправились на поиски Бена и Рокко. Все трое были чрезвычайно обеспокоены. Что, если беглецы попали в пещеру, откуда нет выхода? Песок, засыпавший вход, перекроет доступ кислороду, и несчастные умрут от удушья.

Они были уверены, что Бен и Рокко спрятались в пещере. Другой вопрос – в какой? В этих скалах их оставалось целых три.

– Первым делом надо найти верблюда, – сказал маркиз. – Если он не погиб, мы его обнаружим.

– Меня как раз больше всего заботит отсутствие мехари, – мрачно ответил Эль-Хагар. – Если бы он остался жив, уже давно учуял бы нас и поднялся.

– Может быть, он остался в пещере с Беном и Рокко? – предположил де Сартен, не меньше мавра озабоченный этим обстоятельством.

– Не исключено. Хотя на сердце бы у меня сильно полегчало, объявись это животное.

– Где находится вторая пещера?

– В пяти сотнях шагов отсюда.

Они двинулись вдоль каменной гряды, пристально вглядываясь в груды песка, нанесенные самумом, и уже почти дошли до второй пещеры, когда мавр закричал, показывая на песчаную кочку:

– Там! Там! Мехари! Я вижу лежащего мехари!

– Неужели задохнулся? Будь он жив, уже встал бы.

Подбежав, они поняли, что несчастный верблюд действительно умер. Он лежал на боку, поджав ноги, раскрытый рот покрывала кровавая пена, брюхо было разорвано, и оттуда вывалились внутренности.

– Кто же его убил? – изумился мавр. – Песок и самум такого не сотворят.

Маркиз склонился и внимательно осмотрел жертву.

– Верблюда прикончил хищник, – вынес он свой вердикт. – Только когти и зубы могут нанести такую ужасную рану.

– Наверное, голодный лев. – Глаза мавра испуганно зашарили по окрестным барханам, а руки судорожно сжали древнее ружье.

– Или леопард, – добавила Эстер. – Здешние пещеры, должно быть, служат убежищем этим хищникам.

– Но где же тогда Бен и Рокко? Неужели их тоже растерзали? – воскликнул маркиз.

– В таком случае здесь было бы куда больше крови, – возразил Эль-Хагар. – Нет-нет, во время самума на них напасть не могли.

– Тогда давай искать, Эль-Хагар, – сказала бледная как полотно Эстер. – Где пещера?

– Прямо перед нами, за этим курганом песка.

Мавр сходил за предусмотрительно захваченными из лагеря лопатами и киркой. Эстер с карабином встала на страже: хищник, прикончивший злосчастного мехари, мог находиться поблизости. Эль-Хагар и де Сартен принялись копать, будто спятившие терьеры.

Песка перед пещерой навалило много. Толщина слоя была в несколько метров, однако стоило вонзить лопату, и песок тек рекой. Скоро должен был открыться свод расщелины.

Работа тем не менее легкой не была. Песок, сползающий сверху, грозил завалить землекопов. Но когда показался каменный склон, мужчины вдруг прекратили копать и с тревогой переглянулись.

– Ты слышал? – спросил де Сартен у мавра.

- Слышал.
- Рычание?
- И человеческие крики.
- Получается, хищник, вспоровший брюхо мехари, забрался в пещеру?
- Звери боятся самума и ищут укрытия, когда пески приходят в движение.
- Надо копать, Эль-Хагар! Мне не терпится разгадать эту головоломку.
- Осторожнее, господин. – Мавр схватился за ружье. – Зверь может выскочить, увидев

выход.

Маркиз взялся за кирку, мавр – за лопату. Первый разрывал песок, второй – отбрасывал.

Внезапно песок под их ногами пополз вниз, и показалось отверстие. Они докопались до свода расщелины, и часть песка посыпалась внутрь. Спасатели схватились за оружие, и тут что-то с силой налетело на них, сбив с ног.

Оказалось, из пещеры выскочили четыре антилопы, и, не успели наши герои подняться, они со скоростью ветра унеслись прочь. Эстер выстрелила им вслед, но промахнулась.

– Гром и молния! – воскликнул маркиз, поднимаясь с земли и держа винтовку наготове.

Из пещеры в ответ ему донеслось:

– Хозяин! Тут львы!

– Рокко!

Де Сартен ничего уже не понимал. Люди сидят в пещере вместе со львами и до сих пор живы?

– Не могут львы быть внутри! – решительно сказала Эстер.

– Но вы же слышали, что сказал Рокко.

– Бен! – позвала девушка. – Бен!

– Эстер! – глухо донеслось из недр земли.

– Где ты?

– Тут, в пещере.

– Вы одни?

Ответ юноши заглушил жуткий рык.

– Назад! – крикнул маркиз. – Цельтесь!

Вся троица отбежала от пещеры и залегла шагах в сорока за барханом, прямо напротив входа. Рычание становилось все более громким. Звери явно теряли терпение.

– Похоже, их здесь несколько, – сказал маркиз, целясь в зияющее отверстие.

– Целая стая, – согласился Эль-Хагар, стуча зубами.

– Думаешь, сейчас выскочат?

– Им наверняка не терпится на свободу.

– Смотрите, маркиз! – воскликнула Эстер.

Из отверстия показалась львиная голова. Зверь рвался наружу, и песчаная осыпь пришла в движение. Де Сартен, Эль-Хагар и Эстер прицелились.

– Подождем, пока хищник не окажется внизу, – сказал корсиканец. – Если убьем его сейчас, проход будет заперт для остальных.

Увидев охотников, лев на миг замер, потом невероятным усилием пробился сквозь песок и мягко спрыгнул вниз. Эль-Хагар и Эстер выстрелили одновременно и, похоже, поторопились. Пули даже не задели зверя.

Лев одним огромным прыжком взлетел на дюну и остановился, словно бросая вызов людям. Над пустыней разнесся его могучий рык. Пока Эстер с мавром лихорадочно перезаряжали оружие, маркиз прицелился, но тут из пещеры показался второй зверь: великолепная львица, размером почти с самца и такая же опасная. Прыжок – и она очутилась на гребне дюны, рядом со львом.

– Отходим к пещере! – скомандовал маркиз. – Они сейчас нападут!

Оба зверя, рыча и скаля острые зубы, принялись кругами ходить вокруг бархана, за которым спрятались люди. Особенно был страшен лев, казавшийся невероятно огромным из-за косматой гривы.

– Держитесь за мной, – приказал маркиз Эль-Хагару и Эстер. – Я беру на себя льва, вы – львицу.

В своей меткости де Сартен был совершенно уверен, однако сильно сомневался, что мавр сейчас способен попасть даже в толстое дерево. Туземец, похоже, совсем потерял голову от страха. Бедняга дрожал, будто в лихорадке, и ствол его ружья гулял туда-сюда.

– Эстер, – сказал корсиканец, – я рассчитываю на вас. Цельтесь как следует.

– Да, маркиз, – ответила девушка слабым голосом.

В этот миг раздались крики и из пещеры выскочили Бен и Рокко, оба безоружные.

– Прячьтесь! – приказал им маркиз.

Львы, слышав вопли своих несостоявшихся жертв, остановились в нерешительности, словно раздумывая, на кого же напасть. Момент был идеальным. Маркиз спустил курок. Лев взревел, крутанулся на задних лапах и упал. Потом поднялся, попытался прыгнуть, но вновь рухнул на землю и покатился по склону бархана.

Львица, решив, видимо, отомстить за друга, фурией кинулась на маркиза и сбила его с ног, ударив лапами в грудь. Но тут пули Эстер и Эль-Хагара пробили ей шею и голову. Не издав ни звука, львица повалилась на де Сартена.

Эстер, изменившись в лице, опустилась на колени рядом с корсиканцем и со слезами в голосе пролепетала:

– Маркиз... маркиз...

Де Сартен одним толчком спихнул с себя труп львицы и, улыбаясь как ни в чем не бывало, поднялся на ноги.

– Благодарю, Эстер, – взволнованно произнес он.

– Если бы вы погибли...

– Вам было бы меня жаль?

– Я бы оплакивала вас до конца своих дней, – прошептала девушка.

Глава XVI

Адская жажда

Если маркиз и Эстер пережили жуткие полчаса неизвестности в своей пещере, то Бену и Рокко досталось куда сильнее. Мало того, что их укрытие засыпало песком, им еще угрожали львы.

Потеряв в буре товарищей, они продолжали скакать на юг, доверившись инстинкту верблюда, пока не оказались перед скальной грядой. Увидев полужасыпанный вход в пещеру, они бросились внутрь, спасаясь от безжалостного вихря, оставив мехари снаружи.

Пещера, куда более просторная, чем попалась маркизу и Эстер, явно служила логовом хищникам: весь пол был усыпан костями, причем свежими. Едва беглецы вошли, снаружи послышался жалобный крик верблюда и страшное рычание. Бен и Рокко так спешили спрятаться от самума, что забыли оружие, притороченное к седлу.

По счастью, стены пещеры были неровными. Им удалось найти выступ под самым потолком. Не успели они туда забраться, как в пещеру ворвались сначала львы, затем застигнутые самумом антилопы.

Хищники, тоже испуганные ураганным ветром, забились в угол, не думая нападать ни на людей, ни на антилоп. Лишь после того, как копытные сбежали, ко львам вернулся охотничий инстинкт. Они попытались запрыгнуть на выступ. Безуспешно. Потом покинули пещеру, намереваясь, наверное, поискать добычу полегче или доесть труп мехари.

– Вы не представляете, маркиз, – рассказывал Бен, – какого страха мы натерпелись во время нашего заточения. Каждый миг я ждал, что вот-вот мне в горло вонзятся львиные клыки.

– Да и мне было невесело, – проворчал Рокко. – Одну зверюгу я бы, конечно, задушил, но скажу вам как на духу, хозяин, по спине у меня мурашки бегали.

– Охотно верю, друзья, – кивнул маркиз. – Однако теперь все кончено. Самум прекратился. По-моему, мы с вами еще легко отделались.

– Ветер почти высушил все наши бурдюки, – заметил Эль-Хагар. – Мы умрем от жажды.

– У нас еще есть два полных. Те самые, что мы с Рокко отнесли в пещеру, – сказал Бен. – Запас, конечно, не ахти какой. Выиграем разве что день. Между тем, чтобы добраться до колодцев марабутов, потребуется дней десять-двенадцать.

– Нет ли поблизости других колодцев?

– Эль-Гедея – на западе. Расстояние примерно такое же, как до оазиса марабутов, если не больше.

– Я бы предпочел двигаться на юг, – подумав, заключил маркиз. – Будем экономить воду и подгонять верблюдов.

– Тогда выезжаем немедленно, господин, – сказал Эль-Хагар. – Промедление – смерть.

Вернувшись к каравану, они проинспектировали бурдюки и убедились, что мавр отнюдь не преувеличил опасность. Горячее дыхание самума высушило воду. Даже с учетом жесткой экономии ее хватило бы лишь на три-четыре дня.

– В крайнем случае, уьем моих верблюдов, – сказал Бен маркизу. – В их желудках всегда есть вода.

Перекусив прямо на ходу, они пустились в дорогу, огибая горный хребет, протянувшийся на много миль к востоку, словно колоссальная крепостная стена.

Эстер вновь ехала под паланкином, защищавшим ее от палящих лучей. Маркиз, Бен и Рокко скакали на конях. Мавр и оба бедуина подгоняли верблюдов, заставляя их ускорить шаг.

После самума облик Сахары изменился до неузнаваемости. Теперь пустыня выглядела беспорядочным нагромождением барханов, впадин, борозд и изрытых ветром холмов. Каза-

лось, здесь боролись несколько тысяч великанов. Нигде не осталось ни травинки, ни кустика, ни пальмы. Безжалостный ветер уничтожил всю жалкую растительность, похоронив ее под песком и лишив верблюдов необходимой пищи.

– Этот самый настоящий бич Божий, – проворчал маркиз, с тоской оглядывая пейзаж. – Придется кормить животных финиковой мукой и сушеным инжиром.

– Ничего, – сказал Бен, – им много не надо. Горсть смоченной водой муки – и верблюд сыт и доволен. Им-то что, а вот нам придется несладко. Не уверен, что мы доберемся живыми до оазиса.

– Будем пить кровь животных, но не остановимся, – решительно заявил де Сартен.

Пока они так беседовали, караван продолжал путь под стоящим в зените солнцем. Небо совершенно прояснилось, и зной вновь добела раскалил пески.

Жара, придававшая зыбкость атмосфере над бескрайней песчаной равниной, и преломление солнечных лучей порождали странные оптические иллюзии, то и дело вселявшие напрасные надежды в сердца путешественников. Из пересохших губ вырывались радостные крики, когда внезапно перед ними представляли деревья и пальмы, предвещая близость оазиса, или длинные вереницы верблюдов и лошадей, на которых сидели бедуины. А то вдруг появлялись среди песков полный воды канал или настоящая река. Увы! Все это было обманом зрения, миражами, игравшими с несчастными злые шутки, как это произошло с французскими солдатами во время знаменитой Египетской экспедиции²⁰.

Миражи – частое явление в пустынях, особенно в Сахаре. Временами им удается обмануть даже опытных путешественников, которые потом рассказывают удивительные истории об озерах среди барханов, густонаселенных оазисах, величественных дворцах и прочие небывальицы.

Миражи возникают в результате перегрева поверхности в сочетании с неравномерной плотностью воздушных слоев и преломлением света в них.

Караван, увиденный маркизом и Рокко, являлся не чем иным, как отражением их собственного; пышные заросли пальм – отражением двух-трех чахлах растений, находившихся бог знает где; озера и реки – перевернутым отражением неба или плотными слоями воздуха, вошедшими в соприкосновение с раскаленной землей.

Как бы то ни было, разочарованию путников, мучимых жаждой и мечтающих о реках и колодцах, не было предела. Было от чего потерять терпение и прийти в ярость.

Вечером каравану пришлось остановиться у подножия дюны. Верблюды уже не держались на ногах. Они просто попадали один за другим на песок и отказались вставать, не реагируя ни на вопли, ни на палки. Стало ясно, что животные скорее умрут, чем пойдут дальше.

Маркиз в присутствии всех товарищей по несчастью открыл бурдюк и налил каждому по чашке горячей воды, отдающей мускусом из-за долгого хранения в кожаном мешке. Ее было слишком мало, чтобы утолить невыносимую жажду.

Ужин был безрадостным. Финиковую муку, комочки кускуса и консервированное мясо приходилось буквально заталкивать в саднящие глотки, обожженные горячим, насыщенным тончайшей пылью воздухом. Покончив со скудной едой, люди растянулись на циновках и закурили, пытаясь обмануть жажду.

Вокруг царили глубокая тишина и спокойствие. Ни звука, ни дуновения ветерка. Это был великий покой Сахары, вселяющий в души путешественников странную безмятежность, окрашенную невыразимой печалью. Здесь особенно остро чувствуешь одиночество, необъятность просторов и ужас перед неведомым.

Взошла во всем своем великолепии луна и безмолвно поплыла по небосводу, усыпанному мириадами звезд. Тени барханов, палаток и верблюдов сделались неправдоподобно длинными.

²⁰ Имеется в виду Египетская экспедиция 1798–1801 гг. французской армии во главе с генералом Наполеоном Бонапартом.

Голубоватый, призрачный лунный свет поблескивал, отражался от песчинок. Так в водах темного озера отражаются первые звезды.

Маркиз, позабыв про трубку, точно зачарованный, глядел на волшебный пейзаж. Рядом с ним лежала Эстер.

– Какая ночь! – воскликнул маркиз. – Где еще увидишь такую? Только ради этого стоило посетить Сахару. Теперь я понимаю, почему туареги ее так любят, несмотря на все трудности, которые им приходится здесь переживать.

– Похоже, маркиз, вы сами влюбились в пустыню, – сказала Эстер.

– Да, и начинаю завидовать местным разбойникам.

– И все же нам угрожает смерть.

– Нам – возможно, но не вам, Эстер.

– Почему?

– Потому что последняя вода предназначена для вас.

– Полагаете, я приму такое самопожертвование? Нет, маркиз, не приму. К тому же вы не имеете права ради меня приносить в жертву других.

– Тогда кто запретит мне отдать вам собственную долю? Ею я могу распоряжаться по своему усмотрению. Никто возражать не будет. – Он взял фляжку и протянул ее Эстер. – Вот, берите. Мы с Рокко сохранили для вас последний глоток. Ведь вы наверняка страдаете больше нашего.

– Мне вполне хватило моей доли, маркиз, – взволнованно ответила Эстер. – Я не позволю себе прикоснуться к этой воде.

Однако искушение оказалось велико. Девушке, непривычной к климату пустыни, казалось, что она высохла, как щепка, а в горле горит неутолимый огонь. Тем не менее ей хватило силы духа отказаться:

– Нет, маркиз, нет...

Де Сартен быстро поднес фляжку к ее губам и вылил воду в рот.

– Спасибо, – пробормотала Эстер.

И, словно эти несколько глотков смогли умерить мучительную жажду, Эстер вытянулась на циновке, впад в оцепенение.

Маркиз обошел лагерь, напряженно всматриваясь в горизонт, и тоже прилег в нескольких шагах от девушки, рядом с Рокко.

В полночь Эль-Хагар, как ему было приказано, протрубил в рог из слоновой кости, и через полчаса караван возобновил путь. Бедуины нещадно подгоняли обессиленных верблюдов.

Они находились в местах, нередко посещаемых караванами. Здесь проходил торговый путь, по которому купцы с берберского побережья едут в центральные оазисы. Следы этих караванов, к сожалению, попадались часто. Длинные цепочки скелетов белели в свете луны: верблюжьи, ослиные, конские и человеческие. Самум сдул с них песок и разметал между барханами.

Путешественники и сами умирали от жажды. Губы у всех потрескались, глотки высохли, языки распухли так, что невозможно было произнести ни слова.

– Воды... воды... – захрипели люди, когда караван наконец остановился.

Верблюды жалобно ревели и облизывали кожу пустых бурдюков, в надежде найти хоть немного влаги. Но маркиз, страдавший больше других, остался глух ко всем просьбам и мольбам.

– Эта вода – наша жизнь, – отвечал он. – До самой вечерней стоянки никому не дам ни капли. Я несу за вас ответственность и не уступлю даже под угрозой оружия.

Сердце де Сартена обливалось кровью при виде страданий Эстер, но попытайся он сейчас напоить девушку – разозленные погонщики этого бы ему не спустили.

В четыре пополудни, когда жара начала спадать, пустились в дорогу. Маркиз, не доверявший бедуинам, поставил двух верблюдов с бурдюками во главе каравана, чтобы те всегда были на глазах. Ему хотелось исключить всякие неожиданности с неприятными последствиями.

Следить за этими верблюдами он поручил Рокко, единственному из всех, кто, как казалось, не слишком страдал от жажды. Особую опасность представляли бедуины, народ сомнительной верности и способный на любую плутню. На их лицах с самого утра появилось злобное выражение. Несколько раз маркиз заставлял их шушукаться поодаль от верблюдов с бурдюками.

– Надо смотреть в оба, маркиз, – предупредил Бен, тоже заметивший жадные взгляды погонщиков. – Бедуины явно что-то замышляют, и лучше бы нам приглядывать за ними во время стоянки.

– Хорошо, будем сторожить по очереди, – согласился маркиз.

Поздним вечером закончился третий, самый тяжелый переход по бесплодной равнине. Маркиз уже собирался скомандовать остановку, когда его внимание привлекли пронзительные крики стервятников, то взлетающих, то вновь садящихся за дюну.

– Что там? – спросил де Сартен, осаживая коня. – Зачем они сюда слетелись? Странно все это. В Сахаре даже стервятников нечасто встретишь.

– Вы птичек разглядываете, а я вот чую вонь, – пробурчал Рокко, принюхиваясь. – По моему, за этими барханами гниет гора трупов.

– Бойня? – Маркиз побледнел. – Резня, учиненная разбойниками-туарегами?

– Или караван, умерший от жажды, – тихо произнес Бен.

– Рокко, охраняй воду и Эстер, а мы с Беном проверим.

Караван остановился. Маркиз и юноша с огромным трудом заставляли лошадей идти. Те упирались, ржали, шумно нюхали воздух, трясли головами и брыкались.

Когда они приблизились к бархану, над которым кружили птицы, запах сделался невыносимым. Даже маркиз, привыкший к такого рода зрелищам на полях сражений, почувствовал, что на сей раз это слишком.

Перевалив через гребень, они остановились как вкопанные. Их глазам предстало жуткое зрелище.

Глава XVII

Бойня

В широкой, напоминающей воронку низине, на песке вповалку лежали трупы вперемешку с оружием, сундуками, бочонками и прочим багажом. Спали вечным сном люди, верблюды, кони, ослы... Все со вспоротыми животами, переломанными конечностями.

Тишину нарушали лишь протяжные крики стервятников, кружащих над трупами, быстро разлагающимися на палящем солнце.

– Что здесь произошло? – срывающимся голосом спросил де Сартен. – Кто уничтожил целый караван?

– Разбойники пустыни, – ответил Бен Нартико. – Видите? Лагерь разграблен.

– И когда же это случилось?

– По-моему, еще и суток не прошло.

– Значит, туареги могут шастать поблизости?

– Судя по всему, да, маркиз.

– Тогда в дорогу, Бен! Надо бежать!

– Погодите. Возможно, гибель этого каравана для нас спасение.

– Почему?

– Вода, маркиз. Я вижу там немало бурдюков, наверняка некоторые до сих пор полны.

– Боюсь, не смогу заставить себя приблизиться к этой гекатомбе, – проговорил маркиз.

– Отправим за бурдюками бедуинов.

– Едем, Бен. Воздух здесь отравлен.

Они уже собирались пришпорить коней, когда услышали мучительный хрип:

– Воды...

– Кто-то еще жив! – воскликнул маркиз. – Ведь мне не померещился этот голос?

Из низины вновь послышался слабый стон:

– Пить... пить...

– Нужно спасать человека! – крикнул маркиз.

Кони наотрез отказались спускаться в ложбину. Другим пришлось спешиться и, прихватив винтовки, направиться туда, откуда вроде бы доносился голос. Вонь стояла такая, что маркиз несколько раз вынужден был останавливаться и зажимать нос.

Вокруг были трупы, покрытые запекшейся кровью. Многие – обезглавлены. Туареги любят подвешивать головы поверженных врагов к седлам своих мехари, похваляясь доблестью перед женщинами. Не пощадили даже верблюдов. Застреленные в упор животные лежали огромными кучами.

– Прямо скотобойня, – проворчал маркиз. – Ну и негодяи же эти туареги.

– Когда они покидают свои тайные логовища, всюду начинает литься кровь. Горе каравану, попавшемуся им на пути и осмелившемуся оказать сопротивление!

– Наверное, несчастные марокканцы, переоценив собственные силы, мужественно попытались защитить свое добро и жестоко поплатились.

– Пить, пить!.. – повторил голос так жалобно, что маркиза прошиб озноб.

Перевалив через песчаный гребень, они увидели еще полтора десятка мертвых марокканцев, по всей видимости оказавших особенно сильный отпор: песок был буквально залит кровью, в которой копошились мерзкие стервятники, терзая трупы и отрывая длинные лоскуты мяса.

Окинув взглядом несчастных, чьим костям суждено было навеки остаться лежать под знойным африканским солнцем, маркиз уже хотел было подняться на следующий бархан, когда краем глаза заметил приподнявшуюся человеческую голову и опять услышал стон:

– Воды... пить...

Де Сартен с Беном бросились туда и вскричали от изумления и ужаса.

Единственный человек, выживший в этой бойне, был по шею закопан в песок. Перед ним, так чтобы он не дотянулся, стояла миска, на дне которой еще оставалась вода. Бедняга, приговоренный безжалостными туарегами к поистине танталовым мукам, должен был умереть от жажды, глядя на спасительную воду. Его лицо жутко перекосилось, губы потрескались, глаза вылезали из орбит.

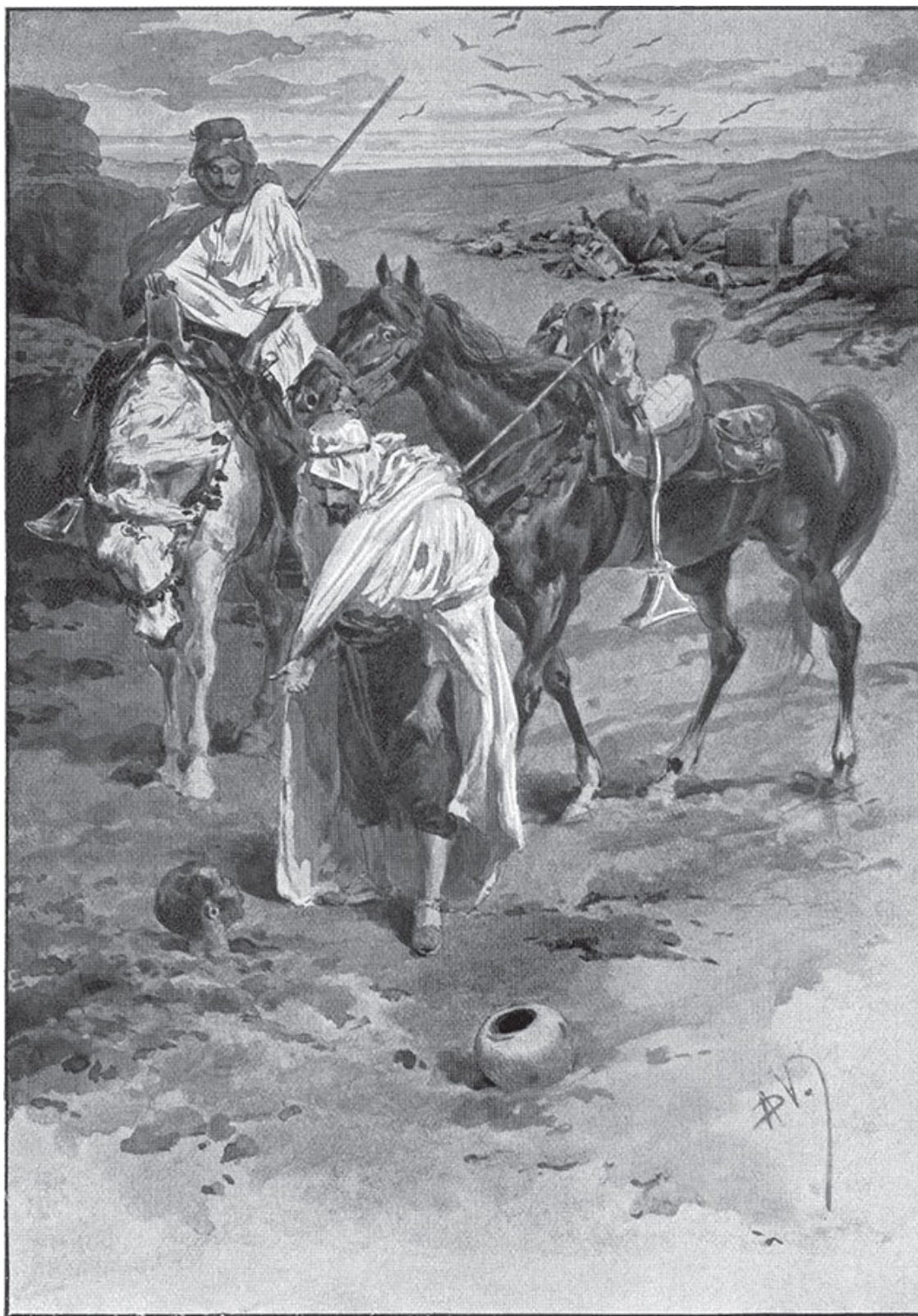
Когда он увидел Бена с маркизом, в его зрачках вспыхнул огонек надежды и страха.

– Воды!

Стон был похож на звериный рев. Мужчина перестал дергаться, не сводя взгляда со своих спасителей и непрерывно стуча зубами.

– Бедолага! – воскликнул маркиз. – Эти чудовища не могли изобрести худшей пытки!

Подняв валявшиеся неподалеку широкие ятаганы, де Сартен с Беном принялись откапывать марокканца. Когда работа была почти закончена, бедняга с неожиданной силой рванулся из ямы, которая должна была стать его могилой, и приник к чашке с водой.

Единственный человек, выживший в этой бойне, был по шею закопан в песок.

– Остановитесь! – закричал маркиз. – Вы себя убьете!

Поздно. Осушив чашку одним глотком, несчастный рухнул на землю, словно человек, дотронувшийся до лейденской банки.

– Умер? – спросил Бен. – Надеюсь, нет.

Маркиз склонился над марокканцем, нащупал пульс:

– Сердце еще бьется. Отвезем его в лагерь и попробуем спасти. Если мы найдем здесь воду, лишний человек нам не мешает.

– Обязательно найдем, – пообещал Бен. – Туарегов интересуют товары и оружие. К чему им бурдюки? Воды у них в избытке, ведь они знают все колодцы как свои пять пальцев.

Подхватив марокканца под руки, друзья потащили его к лошадям.

На вид спасенному было лет тридцать. Высокий, сухопарый, смуглый, с правильными чертами лица, что необычно для обитателей Сахары, тонкими усиками на верхней губе и редкой, как у всех французских алжирцев, бородашкой. Одежда тоже отличалась от наряда погонщиков-марокканцев или выходцев из оазисов: красные шаровары, синий кафтан с алыми галунами и высокие полотняные гамаша.

– По-моему, он алжирец, – сказал де Сартен. – Или я не корсиканец. Ладно, если не умрет, выясним.

Взвалив спасенного на более смирного из двух коней, они поспешно вернулись в лагерь, где их с нетерпением ожидали Эстер и Рокко, с трудом сдерживавшие бедуинов, которые совершенно спятили от жажды. Последние, едва услышав о разграбленном караване, стремглав бросились туда, подгоняемые не столько жаждой наживы, сколько надеждой разыскать полные бурдюки.

Тем временем маркиз распорядился поставить палатку и разостлать циновки. Несчастный почти не подавал признаков жизни. С помощью Рокко маркиз разжал его крепко стиснутые зубы и влил в пересохший рот несколько капель драгоценного коньяка. Спасенный громко фыркнул и скривился, тем самым дав понять, что дела единственного выжившего в бойне не так плохи, как казалось.

– Крепкий малый, – сказал маркиз. – Я-то думал, бедолага умирает, однако, похоже, он придет в себя довольно скоро.

Де Сартен напоил страдальца подслащенной водой, прикрыл уазроцем и оставил в покое. Выйдя из палатки, маркиз и Эстер увидели бедуинов и мавра, возвращавшихся с полными бурдюками.

– Хозяин, мы спасены! – объявил Эль-Хагар, кидаясь к маркизу. – Возьмите! Пейте, все пейте, воды теперь вдоволь!

– Ты не узнал никого из убитых? – поинтересовался корсиканец, напившись.

– Нет, господин.

– Как думаешь, туареги убрались восвояси?

– Наверняка. Ограбили и вернулись к себе с добычей.

– Сколько людей насчитывал тот караван?

– Около двухсот.

– Выходит, туарегов было очень много.

– Иногда, чтобы напасть на большой караван, они собирают отряд в несколько сотен человек. Однажды я видел сразу полтысячи воинов.

– Они могут вернуться?

– Да, за оставшейся добычей.

– В таком случае находиться здесь опасно.

– Очень, господин. К тому же эта вонь...

– Там еще остались бурдюки? – спросил Бен.

– И много.

– Идем за ними, – предложил Рокко. – Вода здесь слишком драгоценна, чтобы дарить ее солнцу. Возьмем четырех верблюдов. Потом вас догоним.

– Поторопитесь, – сказал маркиз. – Мы же отойдем на юг и разобьем лагерь.

Рокко, Эль-Хагар и бедуины вновь отправились на место бойни. Маркиз, Эстер и Бен напоили животных, погрузили на верблюда бесчувственного алжирца и прикрыли его палаткой.

– Ну, с Богом, – сказал де Сартен. – Эстер, Бен, держите винтовки наготове. Никогда не знаешь, что может случиться в следующий момент.

Объехав по широкой дуге место бойни, они двинулись на юго-запад, держась меж двух извилистых цепочек высоких барханов. В нескольких милях к югу находилась скалистая гряда, у которой было удобно разбить лагерь. Со скал можно было видеть обширный участок Сахары и тем самым уберечься от неприятных сюрпризов.

Через полчаса караван догнали Рокко, бедуины и Эль-Хагар с верблюдами. Им удалось найти четырнадцать полных бурдюков. Этого вполне хватало, чтобы спокойно добраться до оазиса марабутов.

В два пополудни караван наконец достиг подножия холма, на котором высились каменные столбы. Настоящая крепость, пронизанная ходами и расщелинами, в ней легко было отбить атаку разбойников.

– Отдохнем тут день-другой, – решил маркиз. – Воды у нас достаточно, можем позволить себе эту роскошь.

Развьючив верблюдов, путешественники поставили шатры и стали устраиваться. Алжирца положили в небольшой палатке около каменной стены. Несчастный еще не очнулся, однако дышал размеренно.

– Завтра наверняка встанет на ноги, – предположил маркиз.

Рокко с Эль-Хагаром принялись готовить ужин, бедуины принесли несколько охапок веток, ободрав кусты, росшие между камнями. Маркиз, Эстер и Бен поднялись на вершину утеса. Сахара лежала перед ними как на ладони. В эту ясную лунную ночь ни человек, ни зверь не смог бы подобраться к лагерю незамеченным.

– Отсюда мы никого не упустим, – заключил Бен, первым взобравшийся на вершину. – Я вижу лишь барханы и стервятников, летящих к месту побоища.

– Как полагаете, далеко отсюда адуар туарегов? – спросил маркиз.

– Могу только повторить слова старого Гасана: расстояние ничего не значит для туарегов. С них станется проехать и пять, и шесть тысяч миль.

– Но куда они подевались? На восток, на запад, на юг? Не хотелось бы повстречать их на пути.

– Упаси нас бог от подобной встречи. Эти разбойники не пощадят никого, особенно вас с Рокко, ведь вы для них – неверные.

Убедившись, что никакая опасность им пока не грозит, они спустились в лагерь, где уже ждал ужин. Через полчаса все спали под охраной Эль-Хагара, которому выпало первое дежурство.

Глава XVIII

Эль-Мелак

Выйдя утром из палатки, маркиз обнаружил, что человек, чудом избежавший смерти, сидит на верблюжьем седле и не сводит глаз со стервятников, слетающих к полю боя полакомиться гнилым мясом.

– Как самочувствие, счастливчик? – спросил де Сартен, хлопнув его по плечу. – Что ни говори, здоровье у тебя крепкое.

Мужчина встал и пристально, даже с подозрением, осмотрел маркиза.

– Это тебе я обязан жизнью? – поинтересовался он через какое-то время.

– Пожалуй. Я сам выкопал тебя из песка.

– Спасибо, господин, – поблагодарил спасенный и вновь с тревогой уставился на де Сартена. – Но ты не араб.

– Что навело тебя на эту мысль?

– Твой французский акцент.

– Хочешь сказать, что знаешь мой родной язык? – изумился де Сартен.

– Я много лет провел в Алжире, – помедлив, произнес незнакомец.

– То есть ты алжирец?

– Нет, я уроженец Туата, – торопливо ответил мужчина.

– На ваш караван напали туареги?

– Да, господин. Вечером, едва мы разбили лагерь. Нападение было внезапным, мы не успели даже схватиться за оружие. Три или четыре сотни, все с копьями и мушкетами. Нас просто покромсали на кусочки. Я не забуду пережитого ужаса до конца своих дней, даже если проживу тысячу лет.

– Почему они тебя пощадили?

– Не знаю, господин, – смущенно ответил туатец. – Меня закопали живьем вместо того, чтобы убить. Так захотелось их главарю. Однако уверяю, подобные мучения много хуже быстрой смерти, постигшей моих спутников. Кто знает, сколько бы продлилась моя агония, не приди ты ко мне на помощь!

– Откуда шел караван?

– Из Тафилалета.

– Вы направлялись в оазис марабутов?

– Кто тебе сказал? – удивился туатец.

– А дальше должны были ехать в Тимбукту, верно?

Незнакомец охнул.

– Признавайся!

– Да, все верно.

– Проклятье! Так это ваш караван мы догоняли! Человек, которого я ищу, мертв!

– Какой человек, господин?

– Один алжирец.

– В нашем караване их было несколько. Как его имя?

– Шебби. Или, точнее, – Аль-Абьяд. Ты знал такого?

По лицу мужчины прошла судорога, он молчал, едва ли не с ужасом таращась на маркиза. Де Сартен, однако, пришел в такое расстройство, что не заметил перемены в лице собеседника.

– Аль-Абьяд, Аль-Абьяд... – пробормотал тот, потирая лоб. – Нет, никогда не слышал этого имени. В караване у нас было сто шестьдесят человек, разве со всеми перезнакомишься? Да, значит, его зарубили туареги, и сейчас стервятники раздирают труп.

Он сполз с седла, словно от накотившей слабости, и проговорил жалобным голосом:

– Господин, я очень устал. Перед глазами все кружится.

– Иди в палатку и отдохни, – посоветовал маркиз. – Сегодня мы останемся здесь. Спешить в оазис марабутов больше нет необходимости. Однако хорошенько поройся в памяти. Вспомни, не слыхал ли ты этого имени, пока ехал с караваном.

– Попробую, господин. Но даже если что и вспомню, к чему тебе мои воспоминания? Человек, которого ты ищешь, погиб.

– Его тоже могли пощадить. У этого типа немало приятелей среди туарегов. Может статься, именно он и навел их на караван. Кстати, а как зовут тебя?

– Эль-Мелак, – еле слышно ответил спасенный, и на его лбу выступили крупные капли пота.

– Отдыхай и ничего не бойся, Эль-Мелак. Уж нас-то туареги врасплох не застигнут. Глядишь, еще и отомстим за твоих друзей.

Эль-Мелак скрылся в палатке. К де Сартену подошли Рокко и Бен.

– Вы чем-то взволнованы, маркиз? – спросил юноша. – Неужели вас так испугала ваша беседа?

Эль-Мелах.

Маркиз отошел подальше от палатки Эль-Мелаха и пересказал товарищам весь разговор.
– Предатель мертв! – воскликнул Рокко.

– Плохо дело, – заключил Бен. – Коль скоро этот Аль-Абьяд убит, мы ничего не сможем узнать о судьбе полковника Флаттерса.

– Остается одно, – ответил маркиз. – Идти в Тимбукту. Если полковник жив и продан в рабство султану, мы найдем его и освободим.

– Хозяин, хотите знать, что я думаю об этом счастливице? – спросил Рокко.

– Говори.

– Я внимательно следил за ним, пока вы разговаривали, и вот что скажу. Не нравится он мне. Явно что-то скрывает, глазки так и бегают.

– По-моему, Рокко, ты ошибаешься. Несчастный просто перепуган насмерть.

– Вы как хотите, хозяин, а я буду следить за ним в оба.

– И хорошо сделаете, – поддержал сардинца Бен. – Мне он тоже не нравится, а соваться в Тимбукту с ненадежным человеком опасно.

– Когда выходим? – спросил Рокко.

– Вечером, если не заявятся туареги.

– Тогда надо воспользоваться оказией и разведать окрестности, – предложил Бен. – Что-то у меня на душе неспокойно.

Прихватив винтовки, револьверы и патроны, маркиз с Беном вскочили на коней и направились к барханам, за которыми находилось поле боя. Безрезультатно. Похоже, туареги позабыли о валявшемся на песке оружии и остатках поклажи.

Вернувшись после двухчасовой поездки, они обнаружили Эль-Мелаха сидящим перед входом в палатку. Он напряженно, не отрываясь, следил за Эстер и Рокко, готовящими обед. В его зрачках вспыхивали странные огоньки, особенно при взгляде на юную еврейку. Он так погрузился в свои мысли, что не заметил возвращения маркиза.

– Тебе лучше? – поинтересовался де Сартен.

Эль-Мелак подпрыгнул, точно ужаленный.

– Это ваша сестра? – каким-то хищным тоном спросил он вместо ответа.

– Не моя, а того юноши на коне.

– Султан Тимбукту дорого бы заплатил за такую девицу.

– Ты поставляешь ему невольников? – Маркиз нахмурился.

– Я?! – воскликнул Эль-Мелак. – Нет-нет, господин.

– Тогда почему ты сказал, что султан дорого бы за нее заплатил?

– Просто я как раз думал о туарегах. Они продают тамошнему султану всех захваченных ими женщин. Если они узнают о такой жемчужине, то поднимут в набег все племена, лишь бы ею завладеть. Эта девица опасна для вашего каравана.

– Ничего, Эль-Мелак, мы уж как-нибудь ее защитим. Я тебе сказал, что туареги нам не страшны.

– Ты очень хороший человек, господин.

Эстер и Рокко превзошли сами себя. После долгих дней вынужденного поста они пообещали маркизу устроить настоящий пир в честь возвращения воды. К блюдам были прибавлены и две бутылки бордо. Все, в том числе Эль-Мелак, воздали должное трапезе. Эль-Хагар и бедуины, позабыв о наставлениях Магомета, впервые в жизни промочили глотки вином.

Во время обеда Эль-Мелак не сводил глаз с девушки, которая наконец заметила, что за ней наблюдают. Сначала она решила, что чужаком движет простое любопытство, затем занервничала: в его черных глазах горел дикий, какой-то свирепый огонь.

Вечером де Сартен приказал сворачивать лагерь. Ему хотелось убраться подальше от места бойни.

– Устроим длинный переход, – приказал он Эль-Хагару. – Хотя воды у нас вдосталь, я бы предпочел поскорее прибыть в оазис.

Караван двинулся на юг. Маркиз и Бен скакали в арьергарде. Рокко в компании Эль-Мелаха присматривал за верблюдом Эстер. Они уже проехали мили две, когда маркиз, нахо-

дившийся в трехстах футах от последнего верблюда, обернулся, и ему показалось, что на вершине высокого бархана мелькнуло что-то белое.

– Стойте, Бен. Похоже, за нами следят.

– Кто? – Еврей осадил коня.

– Наверное, туареги.

– Может быть, вам померещилось, маркиз?

– Нет. Я видел человеческую фигуру в белом бурнусе. Соглядатай вон за тем барханом, в пятистах футах от нас.

– Туарегский разведчик? – предположил Бен.

– Был бы честный человек, вряд ли бы стал прятаться.

– Вы правы. Что же нам делать?

– Пусть караван следует дальше, а мы с вами попытаемся сцапать шпиона.

– Он может быть не один.

– У нас четырнадцать патронов и верные руки. Поедем, Бен, выясним, кто там. Нам будет спокойнее.

Они проверили оружие, сняли уагроцы, стесняющие движения, и пришпорили лошадей, направив их к песчаной гряде, на которой маркиз заметил человека. Эль-Хагар и Рокко, полагая, что те поскакали на разведку, спокойно продолжили путь, подгоняя верблюдов.

Подъехав на сто шагов к бархану, маркиз с евреем придержали лошадей и взяли в руки винтовки.

– Разделимся, – предложил де Сартен. – Вы обходите бархан справа, я – слева. Зажмем подлеца в клещи.

– Погодите, маркиз. – Бен резко осадил коня.

– Что-то увидели?

– Да. Блеск на гребне бархана. Это может быть наконечник копья или ствол винтовки.

– Следовательно, мне не пригрезилось! Тогда приближаемся осторожно, разделяться не будем. – Маркиз оглянулся.

Караван отошел уже на милю, почти скрывшись в лабиринте песчаных холмов, защищавших его с флангов.

– Вперед, Бен. Наши товарищи в безопасности.

Они как раз обходили бархан, когда на его вершине полыхнули три-четыре вспышки и раздался грохот. Конь маркиза заржал и встал на дыбы, пытаясь сбросить всадника.

– Маркиз! – вскричал Бен.

– Ничего страшного! – ответил корсиканец. – Пуля отстрелила кончик уха моему коню. Огонь, Бен! Стреляем и быстро вперед!

Они разом выстрелили в чалмы на гребне бархана, потом схватились за револьверы и бросили коней в галоп. Однако их атака не удалась. Дикий, оглушительный визг предупредил о страшной опасности.

– Стойте, маркиз! – крикнул Бен, разворачивая коня.

Двенадцать всадников на мехари, вооруженные копьями и мушкетами, вывернули из-за бархана и прицелились в неосторожных храбрецов.

– Засада! – воскликнул маркиз, перезаряжая винтовку. – Ну держитесь, негодяи. Мы не марокканцы и не позволим перерезать себе глотки, точно баранам.

Он хладнокровно прицелился в главаря шайки. Тот аж подпрыгивал на горбу верблюда, улюлюканьем подбадривая товарищей. От маркиза его отделяло сто пятьдесят шагов. Грянул выстрел. Туарег взмахнул руками, выронил мушкет и копье и свалился на землю.

– Уходим! – крикнул де Сартен, пришпоривая коня.

Разбойники, напуганные точностью выстрела, остановились, злобно вопя. Бен с маркизом воспользовались этой заминкой и выиграли триста шагов. На таком расстоянии уже можно было не опасаться древних мушкетов с изношенными стволами.

– А сейчас мы можем спокойно их расстрелять, – сказал маркиз, придерживая коня.

– К нам спешат на помощь, – заметил Бен.

– Кто?

– Рокко. Несется галопом.

– Мой храбрый Рокко! Отменный стрелок. Этот сардинец потягается в меткости с любым швейцарцем из Санкт-Галлена.

Помешкав с минуту, разбойники возобновили преследование, оглушительно визжа и потрясая копьями.

– Заставим же их поплясать, – сказал маркиз. – Сначала людей, а потом мехари.

Грохнул выстрел. Еще один туарег, заорав от боли, рухнул на землю. Это Рокко выстрелил с расстояния в четыреста метров, громко объявив о своем присутствии.

Глава XIX

Разбойники Сахары

За главенство в Сахаре сражаются два племени, одинаково жестоких и склонных к разбою: туареги и тиббу.

Первые обитают на юго-востоке великой пустыни. Они не столь кровожадны, как туареги, но не менее опасны: предпочитают хитрость насилию, обворовывая караванщиков и купцов. В этом им нет равных.

Невероятно подвижные, ловкие, они могут целыми днями прятаться среди барханов, под карауливая, когда какой-нибудь верблюд отстанет, чтобы налететь на него и мигом избавиться от тяжелого груза. А то дождутся, пока уснут караванщики, и тогда уже от всей поклажи не останется и следа.

Туареги, называющие себя также имощагами, настоящие пираты Сахары. Их вполне можно считать самыми знаменитыми разбойниками на свете. Живут они в оазисах Центральной и Западной Сахары, превращая их в настоящие бандитские логова. Туареги – хозяева всех колодцев и источников пустыни.

Эти храбрые негодяи, по всей видимости, арабского происхождения и внешнеюстью похожи на мавров Алжира, Триполитании, Туниса и Марокко: смуглокожие, поджарые, мускулистые, с овальными лицами, высокими лбами, четко очерченными губами, большими черными глазами и длинными волосами.

Туареги, все как один, – фанатичные мусульмане, ненавидящие неверных и почитающие за честь их убивать. Однако Коран они знают плохо, склонны к суевериям и с ног до головы увешаны амулетами, которым приписывают чудодейственные свойства: против болезней, сглаза и вражеских пуль.

Воинственные и до крайности безжалостные, туареги ни с кем не желают жить в мире, сея страх и ужас на пространствах от Судана до Триполитании, от Алжира до Марокко. Они отличные наездники и в поисках караванов покрывают огромные расстояния на своих мехари.

Настигнув караван, туареги обрушиваются на него, будто стая стервятников, и, если несчастным не удастся откупиться, убивают всех, от погонщиков до купцов. Горе тем, кто попытается защитить свое добро, ибо разбойники не страшатся смерти и с безумной храбростью кидаются под пули.

Маркиз, прекрасно зная цену туарегам, не питал иллюзий: двое мертвецов их не испугают и не заставят отступить.

– Пока не прикончим всех до единого, они от нас не отвяжутся, – сказал корсиканец Рокко и Бену.

Получив первый урок, разбойники начали действовать осторожнее и придержали мехари, не желая соваться под выстрелы белых, чье страшное оружие бьет на таком расстоянии.

– Хозяин, может, откроем огонь, пока они не подобрались к каравану? – предложил Рокко.

– Погоди, мой отважный сардинец. Пусть эти туареги – и злобные подлецы, мне претит убивать людей столь безжалостно. Постараемся их спешить. Вдруг они больше ценят своих мехари, чем собственную жизнь? Ваше мнение, Бен?

– Пешими туареги вряд ли продолжают преследование.

– Тогда первый выстрел ваш. Затем стреляешь ты, Рокко.

Юноша нехотя поднял винтовку и тщательно прицелился в передового мехари. Верблюд был великолепен: белоснежный, поджарый, тонконогий. Одним словом, прекрасный скакун.

– Грех убивать такого красавца, – вздохнул Бен.

Помедлив немного, он мягко, чтобы не повело ствол, нажал на спусковой крючок. Грянуло. Мехари повалился на колени, его наездник вылетел из седла. Верблюд постоял так мгновение, задрав голову, а потом замертво вытянулся на песке.

– Черт побери! – воскликнул Рокко. – Вы, должно быть, попали ему точно в сердце.

Увидев, что пал их лучший верблюд, разбойники негодуя завопили и принялись понапрасну палить из мушкетов. Поняв, что никто из троих противников даже не задет, они погнали мехари вперед, намереваясь подобраться ближе.

– Устроим-ка им дуплет, – предложил маркиз. – Ты, Рокко, берешь на себя передового верблюда справа, я – того, что слева.

Оба выстрела прозвучали слитно. Верблюд, в которого целился Рокко, рухнул как подкошенный. Верблюд маркиза пробежал еще шагов пятьдесят и упал, ткнувшись мордой в откос бархана. Его всадник совершил сальто-мортале на четыре метра.

– Никак у него крылья отросли? – захохотал Бен.

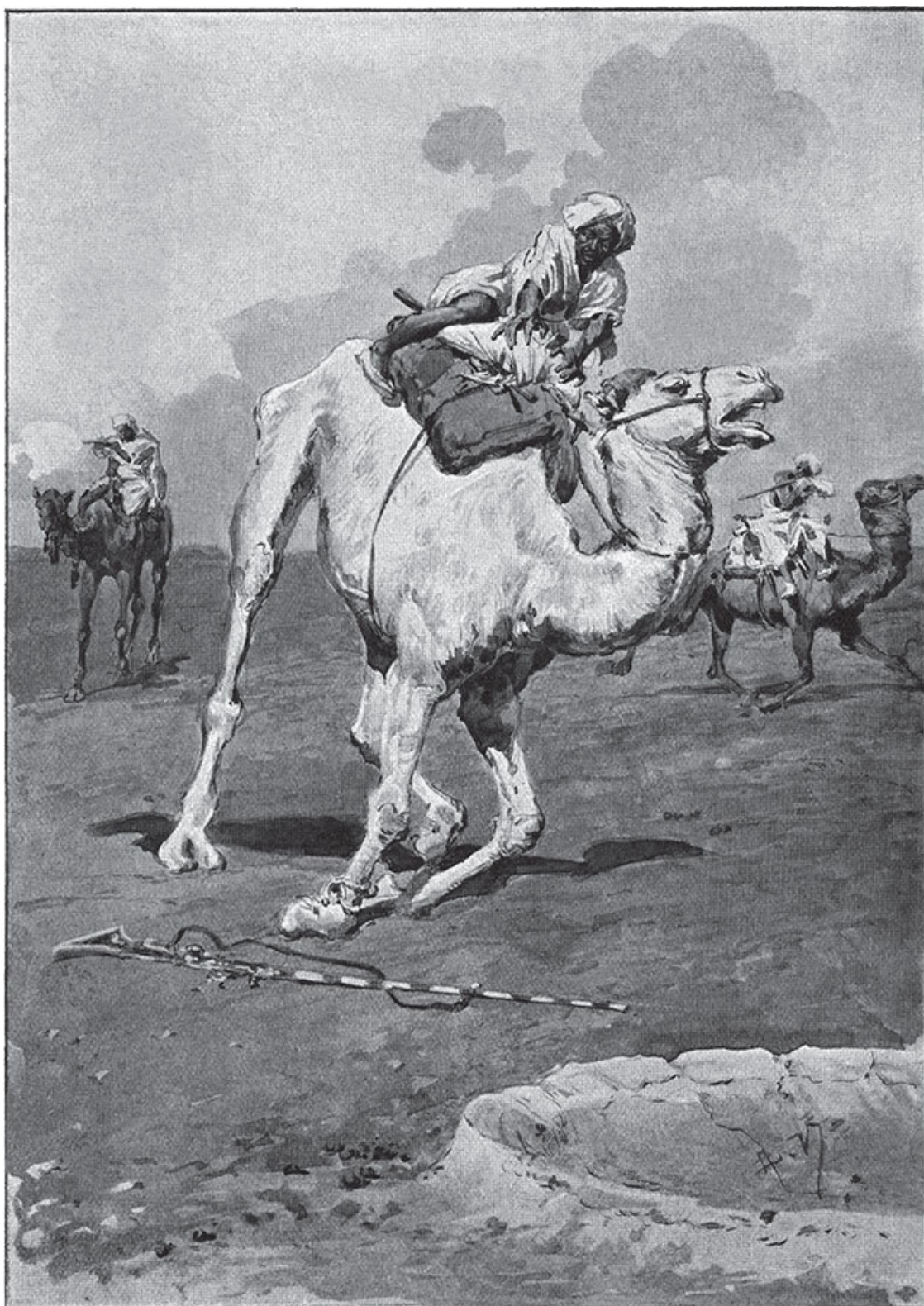
Туареги остановились и разразились бессильными проклятиями:

– Кафиры! Проклятые христиане! Чтоб вы сдохли, собаки! Чтоб стервятники пожрали ваши сердца, а ваши тела высохли под солнцем Сахары!

– Чтоб самум разметал вас по пустыне! – крикнул в ответ де Сартен.

Один туарег, самый высокий из всех, сидящий на темном мехари, выехал вперед и, размахивая над головой мушкетом, заорал, обращаясь к маркизу:

– Клянусь Кораном, что срежу твою бороду вместе с головой, проклятый неверный!

Верблюд, в которого целился Рокко, рухнул как подкошенный.

– Ну а я пока прикончу твоего верблюда, – буркнул корсиканец, беря у Бена перезаряженную винтовку. – Получай, подлец.

Четвертый мехари упал на песок, забил ногами. Его наездник кубарем покатился с бархана.

Это оказалось чересчур даже для упрямых и смелых разбойников. Сообразив, что не им тягаться в стрельбе с этими смельчаками и что сражение проиграно, они быстро развернулись и ускакали на север. Видимо, решили, что, покончив с мехари, белые примутся за людей.

– По-моему, они усвоили урок и отказались от мысли нас ограбить, – сказал маркиз.

– Не надейтесь, – покачал головой Бен. – Эти люди будут драться до последнего. Туареги скоро вернутся и, как подобает благочестивым магометанам, похоронят павших.

– Думаете, отправились за подмогой? – спросил Рокко.

– После похорон разбойники, вероятно, наведаются в ближайший оазис за оружием, но, когда они сюда вернутся, мы уже будем далеко.

– Черт с ними, – сказал маркиз. – Надо догонять караван и как можно скорее добраться до колодцев марабутов.

Туареги скрылись из виду, а трое друзей пришпорили лошадей и через полчаса нагнали свой караван, все так же шедший на юг.

Эстер сидела на верблюде с карабином в руках, готовая в случае чего защитить караван или поспешить на помощь маркизу. Оба бедуина и Эль-Мелак пребывали в таком смятении, что Рокко не выдержал и расхохотался.

– Мы не можем полагаться на этих людей, – сказал маркиз, обзрев перекошенные физиономии марокканцев.

– Бедуины собирались нас бросить, – доложила Эстер. – Если бы не страх перед моим карабином и ружьем Эль-Хагара, их бы здесь уже не было.

– Эль-Хагар тоже выглядит испуганным, – заметил Бен.

– Господин, – обратился к маркизу мавр, – мы должны теперь гнать во весь опор. Туареги вернутся и приведут своих. Они не отступятся, пока не отомстят за погибших.

– Ты боишься, доблестный Эль-Хагар? – спросил де Сартен.

– Они мстительны, и мне это хорошо известно. Зря ты схватился за винтовку.

– А ты бы предпочел, чтобы нас перебили, как тот давешний караван?

– Нет. Но можно было попробовать договориться. Вполне вероятно, разбойники удовлетворились бы третьей или четвертью нашей поклажи и отпустили с миром.

– Я не привык, чтобы мной помыкали всякие проходимцы, любезный Эль-Хагар. Пустыня принадлежит всем, и тот, кто решит помешать мне ее пересечь, познакомится с моей винтовкой. Забудь о туарегах и своих страхах. Давай лучше попытаемся оторваться от разбойников.

– Отлично сказано, маркиз, – похвалила Эстер. – Мы не боимся этих грязных воров. Вперед!

Караван тронулся дальше, переваливая с одной песчаной гряды на другую. Бархан сменялся барханом, и казалось, нет им ни конца ни края. Лишь изредка унылый пейзаж оживляли хилые, почти высушенные солнцем кусты да белели на раскаленном песке верблюжьи скелеты. Нигде не было видно ни пальм, указывающих на долгожданный колодец, ни скал, на которых мог бы отдохнуть усталый от однообразия взгляд.

Чтобы исключить неприятные сюрпризы, маркиз и Бен ехали в арьергарде, а Рокко и Эль-Хагар – в авангарде, держа оружие наготове. Эль-Мелак все время старался держаться рядом с Эстер.

Молчаливый, как большинство жителей Сахары, он не перемолвился с девушкой ни единым словом, хотя демонстрировал странную привязанность к ней. Всякий раз, глядя в его сторону, Эстер была уверена, что встретится с горящими глазами, отчего ей делалось сильно не по себе.

В этих глазах было нечто загадочное и вместе с тем – зверское, угрожающее и непонятное. Впрочем, ничего плохого Эль-Мелак пока ей не сделал. Напротив, не успевала она высказать какое-либо желание, он, словно предугадывая ее мысли, кидался исполнять.

Если случайно раздвигались занавеси балдахина, спешил поправить их, только бы солнце не опалило ее нежную кожу. Если впереди был крутой бархан, брал верблюда под уздцы и осторожно вел по склону. Если Эстер хотелось пить, понимал это с полувзгляда и приносил бурдюк.

Но ни улыбки, ни ласкового слова, ни грана удовольствия от оказания этих непрошенных услуг.

«Наверное, он повредился в уме от жутких сцен бойни и ожидания смерти, – решила Эстер. – Пусть себе смотрит».

Однако был момент, когда она испугалась по-настоящему. С ее верблюдом поравнялся маркиз, чтобы переброситься с ней словечком-другим. И тут физиономия Эль-Мелаха страшно перекосилась, в зрачках вспыхнул неистовый огонь. Вспыхнул и погас. Лицо стало таким же равнодушным, как прежде.

Вечером караван, устав от долгого перехода, остановился между двумя дюнами, которые в случае нападения туарегов могли служить естественной крепостью.

– Выставим на гребнях сторожевых и можем спать спокойно, – заключил маркиз, командовав остановку.

Пока в лагере готовили ужин и ставили палатки, де Сартен с Беном проскакали некоторое расстояние на север, проверяя, нет ли где туарегов.

– Похоже, они от нас отвязались, – по возвращении сообщил маркиз Рокко и мавру. – Нигде никого.

– Вряд ли, – покачал головой Эль-Хагар. – Вот увидите, разбойники ни за что не оставят нас в покое.

– А я тебе говорю, что они усвоили урок и больше нас не потревожат.

– Верьте мне, господин, ведь я был свидетелем расправы с экспедицией госпожи Тинне.

– Кто? Ты? – удивился маркиз.

– Да, хозяин. Чудом избежал смерти.

– Кем была эта госпожа Тинне? – поинтересовалась Эстер. – Европейкой?

– Одной из самых богатых и красивых девушек Голландии, – ответил маркиз.

– И она нашла смерть в Африке?

– Да. Здесь, в Сахаре. Давайте сперва поужинаем, а потом я вам расскажу эту историю, всколыхнувшую всю Европу. Может быть, Эль-Хагар дополнит мой рассказ какими-нибудь новыми деталями.

– Если туареги позволят, – пробормотал мавр, пристально вглядываясь в восточный горизонт.

– Что?! Они приближаются? – вскочил на ноги де Сартен.

– Пока нет. Но если птицы бегут, значит их кто-то спугнул или преследует.

– О каких птицах ты толкуешь?

– Видите пыль над барханами, несущуюся в нашу сторону?

– Вижу.

– Это стая страусов.

– Отличный случай поесть свежего мяса! – воскликнул Рокко.

– Их спугнули туареги, – упорствовал Эль-Хагар.

– Уверен? – спросил маркиз.

– Я так думаю, господин.

– Ну хорошо, – спокойно проговорил маркиз. – Сначала займемся страусами, потом туарегами. Разожги-ка костер побольше, Рокко. В сушняке тут недостатка нет.

Меж тем облако пыли росло, стремительно приближаясь к низине, где был разбит лагерь. Стая двигалась прямо на них и находилась уже примерно в полукилометре. Маркиз, Эстер и Бен укрылись за песчаным холмиком почти в центре низины.

Показались страусы. Они бежали вереницей, энергично размахивая крыльями. Десяток великолепных громадных птиц, покрытых столь ценными европейцами и американцами перьями. Животы у них были белыми, крылья и спины – черными.

Африканские страусы очень многочисленны. Подобно верблюдам, они могут подолгу обходиться без воды, поэтому обитают там, где не выживают другие звери и птицы. Рост их достигает трех метров. Шея и ноги у страусов голые, клювы – крепкие, лапы – мощные. Крылья же, наоборот, короткие. Они, скорее, напоминают обрубки и служат не для полета, а для помощи при беге.

Страусы – отменные бегуны, способные обогнать лошадь. Еще эти птицы славятся крепостью своих желудков. При отсутствии пищи они могут переваривать даже камни, которые глотают, точно свежие булочки!

Приближающаяся стая действительно была охвачена паникой. Высоко задрав головы на длинных шеях, они громко били по песку и камням могучими ступнями, поднимая тучи пыли, и бежали прямо под выстрелы. Похоже, невзирая на острое зрение и отличный нюх, птицы еще не заметили людей.

– И правда, их кто-то спугнул, – сказал маркиз, с любопытством наблюдая за стаей.

– Да, – согласился Бен. – Но не думаю, что туареги. По-моему, я заметил в барханах каких-то зверей.

– Может быть, за страусами гонятся гиены?

– Гиенам их нипочем не догнать, маркиз. А-а-а, так вот это кто!

Из-за песчаных холмов выскочили охотники, испугнувшие страусов.

– Каракалы! – воскликнул маркиз. – Ах, бандиты! Внимание, друзья. Вам – страусы, мне – эти хищники.

Пустынных рысей, иначе – каракалов, было около тридцати. Они отчаянно гнались за страусами в надежде отбить от стаи хотя бы одного.

Каракалы – очень красивые животные. Они изящны, невысоки, меньше метра в холке, с коротким, не более тридцати сантиметров, хвостом. Уши, наоборот, длинные. мех на спине палевый, на животе – светлый. Обитают каракалы в пустынях, где с невероятной дерзостью охотятся на страусов и газелей, а то и крадут овец из адуаров. Загоняя добычу, они способны развивать высокую скорость.

Дикие и неукротимые хищники представляют опасность для всех обитателей пустыни, за исключением человека и льва. От последних каракалы держатся на расстоянии, не брезгуя, впрочем, остатками львиных пиршеств.

Теперь эти животные двигались с необыкновенной быстротой и ловкостью, стараясь отбить от стаи самого слабого страуса, который, как ни силился, все больше отставал от товарищей.

Каракалы кусали его за ноги, не боясь удара мозолистой лапы, обгоняли и подпрыгивали, метая в горло. За свою храбрость рыси платили дорого: то и дело кто-то из них падал с черепом, разбитым сильной лапой гигантской птицы.

– Отнимем добычу у каракалов, – предложил маркиз.

Воспользовавшись моментом, когда страусу удалось на несколько метров оторваться от преследователей, маркиз спустил курок. Один каракал взвизгнул и рухнул замертво. Почти в тот же миг несчастный страус был сражен меткими пулями Эстер и Бена.

Услышав стрельбу, пустынные рыси притормозили, глядя на три пороховых облачка, поднявшихся над барханом. Сообразив, что это охотники, они, поджав хвосты, убралась восвояси.

Раненый страус, покинутый своими товарищами, поднялся на ноги, сделал пять или шесть шагов, вновь упал и больше уже не двигался. Маркиз подбежал к птице, выдрал у нее из хвоста пучок кипенно-белых перьев и галантно поднес трофей Эстер:

– Прекрасной охотнице.

– Благодарю, маркиз, – ответила девушка, заливаясь краской.
Бен, заметив смущение сестры, улыбнулся.

Глава XX

Кровопролитие в Сахаре

Час спустя все расселись на циновках и принялись за страусятину. Рокко, не только прекрасный охотник, но и отличный повар, сделал из нее вкуснейшее жаркое. Маркиз расщедрился на консервированную ветчину и бутылку вина, а Эстер прибавила вкуснейшие финики и сухие лепешки.

– Маркиз, – обратилась к де Сартену девушка, когда Эль-Хагар подал кофе, – по-моему, из-за страусов вы забыли о своем обещании.

– О каком же?

– Рассказать нам ужасную историю.

– О судьбе экспедиции госпожи Тинне, – напомнил Бен.

– Да, друзья мои, это страшная трагедия, в которой, вероятно, повинны те самые люди, что утром гнались за нами, – сказал маркиз. – Не будет преувеличением сказать, что песок Сахары пропитан кровью европейцев. Мало кому из исследователей повезло пересечь великую пустыню целым и невредимым. Госпожа Александрина Тинне была очень красивой и богатой девицей, притом страстной путешественницей. Прежде чем отважиться войти в пустыню, она исследовала малоизученные районы бассейна Нила, где лишилась матери, умершей от лихорадки, которая свирепствует в тех краях. В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, находясь в Триполи, госпожа Тинне собрала караван, намереваясь пересечь Сахару, добраться до озера Чад, а оттуда направиться в Кано. С собой она взяла двух верных голландских моряков, пять женщин, троих освобожденных рабов и тунисца по имени Магомет-эль-Кебир...

– Подлого предателя, – вставил Эль-Хагар.

– Совершенно верно. Кроме них, с ней были двое бывших спаги. Я прав, Эль-Хагар?

– Да. И я в качестве проводника.

– Чтобы не встретить препятствий на пути, госпожа Тинне запаслась надежными рекомендациями для туарегских вождей. Она очень рассчитывала на защиту главы племени Гарби. Бесстрашная женщина довольно быстро добралась до оазиса, однако тамошний вождь под каким-то незначительным предлогом покинул ее и вверил заботам марабута по имени Хагамед. Вскоре караван догнали восемь туарегов и сказали, что им приказано охранять госпожу Тинне. Ничего не подозревая, она согласилась, и экспедиция продолжила путь. В караване было двадцать семь арабов и столько же верблюдов: внушительная сила, которая вполне могла сдерживать натиск разбойников. Если бы не предательство. Во время третьей, если считать от выхода из Мурзука, стоянки туареги, получившие богатые дары, начали вести себя вызывающе. Они сговорились с тунисем ограбить голландку. Заручившись поддержкой негодяя, туареги потребовали у госпожи Тинне пятьдесят талеров и новые бурнусы, в противном случае угрожая бросить ее в пустыне. Так ли было дело, Эль-Хагар?

– Так, господин, – мрачно ответил мавр. – Этот шелудивый туниисский пес снюхался с туарегами.

– Тинне, дама энергичная и непреклонная, наотрез отказалась дарить им что-либо до тех пор, пока караван не доберется до Шенукена. Впрочем, опасаясь какой-нибудь выходки этих грабителей, она все же сделала их главарю дорогой подарок. На следующий день погонщики, тоже бывшие в сговоре с туарегами, начали выказывать непослушание: отказались идти дальше, а потом вообще прокололи несколько бурдюков. Видимо, Тинне что-то заподозрила, потому что решила вернуться в Мургест, однако подлый тунисец убедил ее продолжить двигаться на юг. Первого августа они добрались до долины Абердишук, расположенной далеко от обитаемых оазисов. Ночевка прошла спокойно. Наутро госпожа Тинне приказала сворачивать лагерь. Это был ее последний приказ. Туареги и тунисец уже приговорили прекрасную

голландку к смерти. Перед самым выходом каравана два погонщика якобы поссорились из-за поклажи. Один из голландских моряков вмешался, попытавшись разнять драчунов. Тогда кто-то из туарегов метнул в него копье с криком «Кто ты такой, чтобы встревать в дела мусульман?». Второй голландец, Ари Якобс, уже сидевший на коне, бросился на убийцу, но не успел он снять винтовку, притороченную к седлу, как, в свою очередь, пал под ударами копья и сабли. На крики женщин и рабов из палатки вышла госпожа Тинне и спросила, что происходит. Туареги и погонщики копались в ее сундуках и тюках, ища золото, которым, по уверению тунисца, была битком набита поклажа. А слуги разбегались во все стороны, только пятки сверкали. Госпожа Тинне сразу поняла, что пробил ее последний час, но все же попробовала применить свою нестигаемую волю, дабы усмирить негодяев. Араб по имени Хман, что из племени бу-сеф, подкрался к ней сзади и ударил ятаганом по голове. Александрина упала, истекая кровью, а подлецы продолжили потрошить багаж. Несколько часов спустя несчастная госпожа Тинне скончалась, не дождавшись помощи. Так ли было дело, любезный Эль-Хагар?

– Так, господин, – кивнул мавр.

– И ты ее не защитил? – недоуменно воскликнула Эстер. – Я считала тебя более храбрым, Эль-Хагар.

– Меня ранили копьем в плечо. Когда очнулся, госпожа Тинне была мертва.

– И эта подлая расправа осталась неотомщенной? – спросил у маркиза Бен.

– Были арестованы слуги, которым туареги подарили верблюдов, чтобы они смогли вернуться в Мурзук, однако сами бандиты преспокойно бродят по пустыне. Однажды немецкий исследователь Эрвин фон Бари повстречал убийцу Тинне в оазисе Гхат и своими ушами слышал, как тот похвалялся убийством голландки.

– А тунисец? – поинтересовалась Эстер.

– Этот подлец, не погнушавшийся содрать одежду с умирающей госпожи Тинне, канул в безвестность.

– Вот ублюдок! – воскликнул Бен.

– О, вы еще не все знаете! Убийство Дурно-Дюперре и Жубера тоже осталось безнаказанным.

– А кто они такие? – хором спросили Бен и Эстер.

– Отважные французы, исследовавшие алжирскую часть Сахары и подло убитые туарегами. Дюперре занимался научными изысканиями, Жубер – торговлей. После посещения сахарских оазисов им пришла в голову крайне неудачная идея нанять в качестве проводника туарега по имени Насер Бен-Тахар, предателя почище того тунисца. После того как они углубились в пустыню, стало ясно, что туарег пытается их надуть. А чтобы его плутни лучше удались, действует в обход второго проводника, Ахмеда Бен-Херма, в преданности которого сомнений не было. Решив избавиться от туарега, путешественники направились в Гадамес и пожаловались на него наместнику – каймакаму. Это было весьма неосмотрительно. Каймакам, хорошо знавший мстительность туарегов, предупредил французов об опасности. И действительно, Насер поклялся свести счеты с бывшими хозяевами. Когда Дюперре и Жубер уже находились в нескольких днях пути от Гадамеса, они повстречали шестерых туарегов, крайне жалкого вида. Те упростили французов приютить их и накормить. Это были шестеро убийц, подсланные злопамятным Насером. Дождавшись, пока французы уснут, они ворвались в палатку и закололи их кинжалами.

– И это сошло им с рук?

– Убийцы скрылись в пустыне. Кто может их там отыскать?

– Хорошо хоть мы показали этим туарегам, почем фунт лиха, – проворчал Рокко. – Знай я обо всем прежде, перестрелял бы вместо верблюдов людей. Может быть, именно они и повинны в смерти Дюперре и Жубера, а то и в расправе над экспедицией Флаттерса вместе с...

Рокко осекся, встретившись взглядом с горящими глазами Эль-Мелаха.

– Что с тобой сегодня, Эль-Мелах? – спросил сардинец. – Почему ты так на меня смотришь?

Все оглянулись на туатца и поразились мрачному выражению его лица.

– Ничего, – буркнул Эль-Мелах, успокаиваясь. – Просто мне сделалось не по себе от этих жутких рассказов.

– Понимаю, – кивнул маркиз. – Ведь ты пережил нечто похожее.

– Все так, господин. Пойду-ка отдохну, если позволите.

И, с трудом поднявшись, он на нетвердых ногах покинул палатку.

– Флаттерс! – сквозь зубы бормотал Эль-Мелах, глядя перед собой невидящими глазами. – Главное, чтобы они ничего не узнали, пока мы не доберемся до Тимбукту...

Ночевка прошла спокойно. В три часа ночи маркиз скомандовал подъем, чтобы отправиться к оазису марабутов до того, как начнется дневная жара. Наскоро перекусив, караван пустился в дорогу. Теперь их путь пролегал по обширной равнине, по всей видимости в незапамятные времена бывшей дном океана: путешественники то и дело натывались на глыбы соли.

Маркиз и Бен, как всегда, ехали в арьергарде, Рокко и Эль-Хагар – в авангарде.

Судя по обилию встречавшихся им животных, оазис был уже рядом. Часто попадались стаи страусов и дроф. Поохотиться, увы, не удавалось: птицы обходили людей стороной.

Порой путешественники видели стаи чепрачных шакалов: диких длиннохвостых собак с лисьими головами и огромными ушами. Шерсть у них густая, мягкая, на животе и морде – рыжая, а на спине имеется что-то вроде черно-белого «чепрака», придающего этим животным курьезный вид. Как и каракалы, они не опасны для человека, хотя иногда проникают в адуары и отгрызают курдюки несчастным баранам – лакомое блюдо, чрезвычайно ценное всеми обитателями Сахары.

Изредка на гребнях барханов мелькали полосатые гиены, разражаясь безумным хохотом. При приближении каравана они тут же убегали.

В полдень Эль-Хагар, обогнавший остальных на несколько сот метров, увидел пальмы, резко выделявшиеся на фоне безоблачного неба.

– Оазис! – радостно завопил он. – Скоро у нас будет вдоволь свежей воды и мяса!

Уставшие верблюды тоже почуяли близость оазиса. Вьючные – ускорили шаг, а мехари едва не пустились галопом.

– Бен, поедem вперед, – предложил маркиз. – Мне не терпится посидеть в тенишке и выпить чашку прохладной воды.

– Охотно, – ответил юноша.

Они прищипорили коней и поскакали во весь опор.

Полукруг пальм на глазах приближался. Было несколько странно видеть эту зелень посреди выжженных песков, маркиз даже задумался, не мираж ли это.

– Оазис напоминает мне необитаемый островок посреди океана, – поделился он своими впечатлениями с Беном.

– Напротив, маркиз, островок этот населен, да еще как! – возразил юноша, осаживая коня. – Я вижу верблюдов среди пальм.

– Наверное, какой-нибудь караван с юга?

– Или наши друзья-туареги. Мехари у них отменные, кочевники вполне могли нас опередить.

– Если так, дадим им бой. И на сей раз пули полетят отнюдь не в верблюдов.

Бен не ошибся. Среди финиковых пальм действительно теснилось множество верблюдов, на которых сидели наездники в белых узроцах и повязках, скрывавших лица. Однако вряд ли речь шла о тех самых туарегах. Отряд был раза в три больше и вооружен одними копьями.

Рокко и Эль-Хагар тоже заметили всадников и кинулись, первый верхом на мехари, второй на ослике, на подмогу маркизу с Беном.

Десять туарегов с копьями наперевес выехали навстречу каравану. Впереди скакал высокий человек в зеленой чалме, без сомнения – вождь. Приблизившись на десять шагов и любезно поздоровавшись, он внезапно принял весьма суровый вид и закричал:

– Мы приехали первыми, и эти колодцы наши! Что вам здесь нужно, сыны Марокко?

– Мы страдаем от жажды и хотим пить, – ответил Эль-Хагар. – Вода в пустыне принадлежит всем, а выкопали колодцы наши отцы.

– Ваши отцы отдали их нам, туарегам, и теперь ими владеем мы. Хотите пить? Пейте, но за воду придется заплатить.

– Что хотите взамен?

– Все ваше оружие и половину верблюдов.

– Грабеж средь бела дня! – вскричал, не сдержавшись, маркиз. – Вот тебе мой ответ!

С этими словами корсиканец поднял винтовку и прицелился в вождя. Он уже собирался спустить курок, когда Эль-Меллах, ведущий в поводу верблюда Эстер, кинулся вперед с воплем:

– Амр-эль-Бекр, неужто ты меня не признал? Мир! Мир!

Глава XXI

Таинственная беседа

Услышав слова Эль-Мелаха, туареги, уже готовые растоптать маленький отряд, подняли копья и придержали мехари. Удивленный вождь весело воскликнул:

– Ну надо же! Алжирец, ты?!

– Я, Амр, я самый, – ответил Эль-Мелак. – А это – мои друзья. Они люди мирные и просто хотят отдохнуть.

Он подошел к вождю, заставил его верблюда преклонить колени и зашептал:

– Оставь их, Амр. Погоди немного, и ты ничего не потеряешь от ожидания.

– Кто они?

– Французы.

– Земляки тех... тех самых, которых мы пощипали на юге Алжира?

– Тихо, Амр, не ори так.

– Куда они едут?

– В Тимбукту.

– Зачем?

– Не знаю. Но скоро выясню.

– У меня сорок человек.

– А у них – отличные винтовки, и все они меткие стрелки.

– Почему ты идешь с ними?

– Они спасли мне жизнь.

– И ты, значит, признателен своим спасителям? – Разбойник ухмыльнулся.

– Да, покамест. Так ты меня слушаешься?

– Ну хорошо. Скажи им, что между нами мир.

– Хочешь получить добычу?

– Еще бы!

– Тогда иди на север. В четырех днях пути отсюда разграбили большой караван. Там осталось еще много оружия и одежды.

– Кто его разграбил?

– Тот мерзавец из Коркола.

– Почему ты называешь его мерзавцем?

– Потому что, после того как я сам навел их на караван, он бросил меня подыхать, закопав по шею в песок. Если бы не эти люди, мою голову уже склевали бы стервятники.

– Ай-яй-яй, какая черная неблагодарность! – засмеялся туарег.

– Жду тебя в Тимбукту.

– Буду следовать за вами на расстоянии, но так, что мы прибудем туда вместе. Смотри же не обмани меня.

– Мы связаны кровью французов. Прощай, Амр-эль-Бекр.

Эль-Мелак вернулся к маркизу и его спутникам, терпеливо ожидавшим конца разговора, из которого они не слышали ни слова, поскольку говоривших плотно окружили туареги.

– Мир, господа, – благодушно произнес туатец. – Я убедил туарегов оставить нас в покое и уехать из оазиса.

– Откуда ты знаешь этих бандитов? – подозрительно спросил маркиз.

– Их вождь обязан мне жизнью. Однажды я спас его из когтей льва.

– К колодцам, друзья! – воскликнул Бен. – Мое горло совершенно пересохло от жажды.

Пока путники входили в оазис, туареги покинули его и направились на восток.

Оазис был невелик, всего четверть мили в поперечнике, зато зелен и тенист. На песчаной почве, увлажненной подземными источниками, росли великолепные алоэ, невысокие мимозы, горькие травы, которыми брезгают даже верблюды, и колючие опунции, приносящие чуть сладковатые плоды.

Над всем этим раскинули широкие перистые листья карликовые пальмы с изящными, словно бы покрытыми чешуей стволами. Эти бесценные растения дают мясистые ягоды, по вкусу напоминающие финики, тогда как в стволах содержится съедобная мучнистая мякоть. Впрочем, имелись тут и настоящие финиковые пальмы, чуть не ломившиеся под тяжестью блестящих красновато-коричневых плодов.

Звери в оазис не заходили, зато птиц оказалось видимо-невидимо: крупные дрофы ссорились, гоняясь друг за другом, над пальмами летали орлы-скоморохи и птицы, напоминающие сорок, с сизыми животами, голубыми крыльями и хвостами.

Маркиз с товарищами углубились в этот крошечный рай, где благодаря подземным водам царил прохлад, и подошли к колодцам, находившимся практически в центре оазиса. Как и все колодцы Сахары, они были выложены изнутри пальмовыми стволами, чтобы их не поглотил песок. Глубина составляла примерно семь-восемь метров.

Внутрь спустили мехи, и все наконец-то напился свежей, чистой водой. Истинное счастье для путешественников, вынужденных много дней подряд утолять жажду водой горячей и вонючей.

– Ах! Что такое пиво, лимонад или сидр по сравнению с водой? – воскликнул Рокко, напившись вволю.

Напоив верблюдов, лошадей и осла, поставили палатки и решили отдохнуть день-другой в этом земном Эдеме.

К сожалению, их счастье оказалось коротко.

Все уже часа четыре отдыхали, болтали или курили, наслаждаясь прохладой, когда в палатку ввалился Рокко, ходивший на северный край оазиса поохотиться на дроф.

– Вставайте! К оружию! – закричал сардинец. – Разбойники!

– Какие? – спросил маркиз, берясь за винтовку. – Те, с которыми мы повстречались в оазисе?

– Сомневаюсь, хозяин. Эти приближаются с северо-запада.

– Наверное, те, кто нас преследовал, – предположил Эль-Хагар.

– Может быть. Только сейчас их намного больше, человек тридцать.

– Надо бежать, господин, – сказал Эль-Хагар маркизу.

– Но куда?

– Попробуем найти убежище в оазисе Эглиф. Мы доберемся до него за сутки. В Эглифе есть скалы, из-за которых удобно отстреливаться.

– А кроме скал, мы найдем там Тасили, моего верного слугу, – добавил Бен. – И не его одного.

– Запасись водой и поднимай караван, – скомандовал маркиз. – Мы же пока попробуем задержать разбойников. Рокко, Бен, за мной.

– А я? – спросила Эстер.

– Вам лучше не показываться им на глаза. К тому же ваше присутствие необходимо здесь. Вам придется командовать караваном.

Де Сартен запрыгнул в седло. Его примеру последовал Бен, а Рокко взобрался на своего мехари. Втроем они направились к северному краю оазиса. Бедуины и мавр торопливо наполняли бурдюки и поднимали верблюдов, не желавших никуда идти.

Несмотря на полученную подмогу, разбойники вели себя осторожно и наступали, старательно прячась за барханами. Те оказались недостаточно высоки, туареги слезли с мехари, видимо страшась больше за собственную шкуру, чем за шкуры верблюдов.

– По-моему, они не уверены в своих силах, – заключил маркиз, наблюдавший за маневрами противников из зарослей карликовых пальм.

– Я бы даже сказал, что они трусят, – заметил Рокко.

– А может быть, решили напасть сразу и на нас, и на наш караван? – усомнился маркиз. – Вперед, друзья, надо перерезать путь тем, кто обходит оазис.

И правда, не дойдя до края оазиса полкилометра, банда разделилась на два отряда. Первый двинулся напрямик к оазису, второй повернул на восток, очевидно намереваясь застать врасплох уходящий караван.

– Рокко, иди к Эстер и не отходи от нее ни на минуту, – приказал маркиз.

– А вы, хозяин?

– Будем прикрывать ваш отход.

Сардинец поскакал назад, тут же скрывшись за кустами.

– Теперь очередь за нами, Бен, – сказал де Сартен.

Оглянувшись, он увидел, что караван быстро продвигается на юг, находясь уже в километре от оазиса.

– На кого первым делом нападём? – спросил Бен.

– На тех, что идут в обход.

Дав шпоры коням, они достигли границы оазиса как раз в тот момент, когда первый отряд из шестнадцати разбойников проезжал мимо них на расстоянии двухсот метров. Спешившись, оба друга открыли огонь из-за толстого ствола пальмы. Один мехари и один туареги упали. Остальные разбойники разразились негодующими воплями. За первым залпом последовал второй, затем третий. На песке остались еще два верблюда и человек.

– Пять попаданий из шести! Неплохо! – воскликнул маркиз.

Банда, напуганная выстрелами, соскочила с верблюдов и залегла в барханах.

– Мы их остановили! – обрадовался Бен.

– Этих – да. Однако другие заходят нам в спину.

Действительно, второй отряд, полагая, что путь свободен, уже подобрался к самому оазису. Загрохотали выстрелы, по счастью не повредившие нашим храбрецам, которые, вскочив в седла, галопом поскакали за караваном. Вслед им свистели бесполезные пули, уходившие в «молоко».

– Туареги – отвратительные стрелки, – сказал маркиз.

– Нет, это их ружья никуда не годятся, – ответил Бен.

Увидев, что враги бегут, туареги бросились в погоню, подбадривая себя улюлюканьем и пальбой, совершенно напрасной из-за размашистого бега мехари.

Маркиз и Бен как ветер неслись по песчаным барханам. Караван уже отъехал на две мили. Рокко и Эстер, поднявшая для лучшего обзора занавеси балдахина, следовали в арьергарде с винтовками в руках.

– Не дадим разбойникам приблизиться к каравану, – распорядился маркиз, сдерживая коня.

Поняв, что на караван так просто не напасть, туареги вновь объединились и изо всех сил подгоняли своих мехари. Четверо или пятеро самых быстрых уже через несколько минут оказались в четырехстах шагах от беглецов.

– Задержим их, Бен, – повторил маркиз.

– В кого будем стрелять – в людей или в мехари?

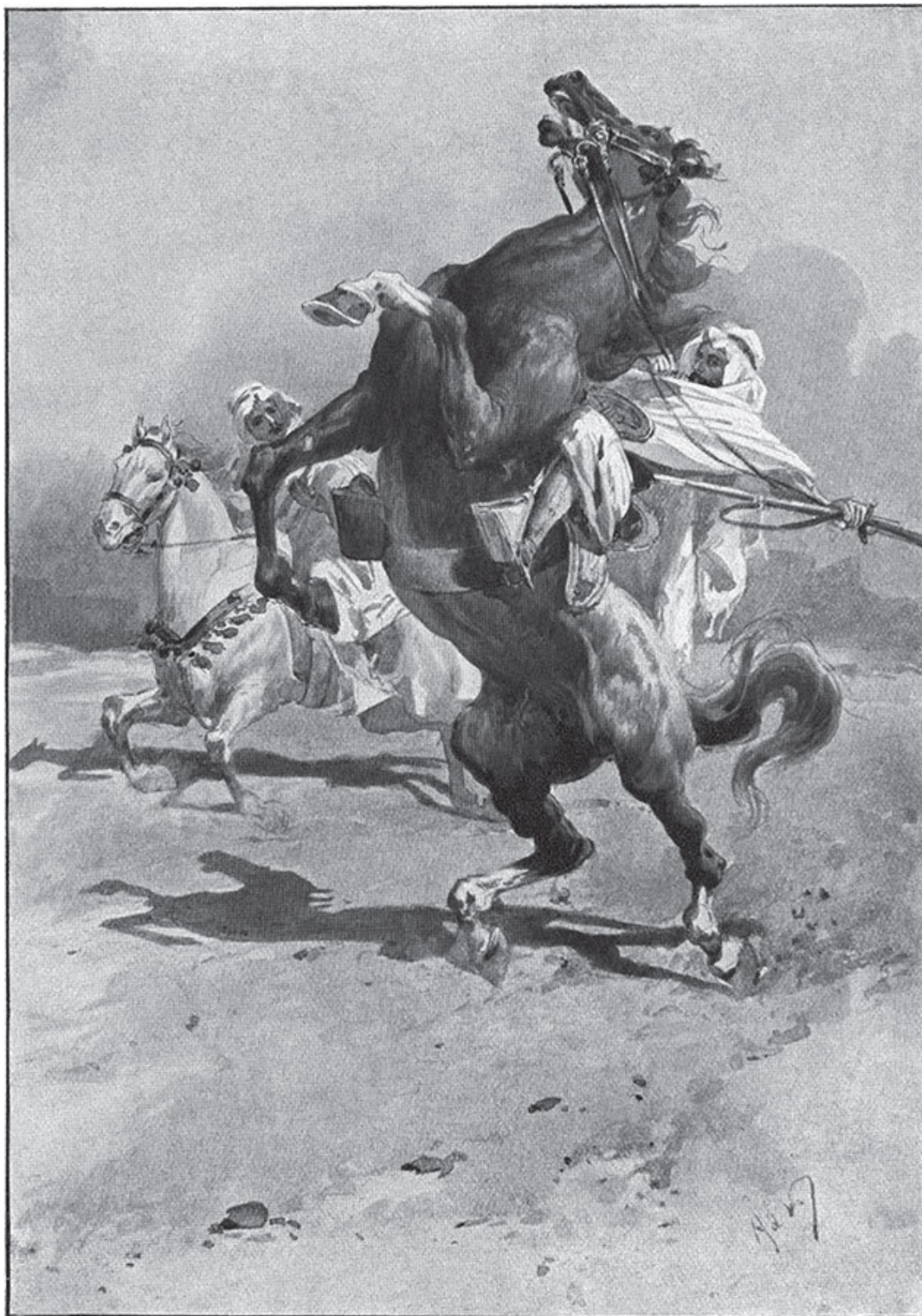
Они остановились под прикрытием дюны и открыли огонь. Десять секунд – и два метких стрелка ссадили трех человек. Их верблюды, тяжело раненные, бились на песке. Де Сартен вновь прицелился, но тут его конь жалобно заржал и пал на колени, сбросив седока.

– Маркиз! – испуганно крикнул Бен.

– Ничего страшного, – ответил корсиканец, вскакивая на ноги. – Они всего-навсего ранили моего коня.

Он обернулся к туарегам. Один из разбойников с еще дымящимся ружьем гордо гарцевал на мехари.

– Ты мне за это заплатишь, негодяй! – вскричал маркиз и выстрелил.

Де Сартен вновь прицелился, но тут его конь жалобно заржал и пал на колени, сбросив седока.

На сей раз пуля предназначалась наезднику, а не верблюду.

Де Сартен осмотрел своего скакуна. Несчастное животное, раненное в грудь, хрипело в конвульсиях.

– С ним покончено, – с сожалением произнес он.

– Садитесь мне за спину, маркиз, надо догонять караван. Туареги сейчас будут здесь!

Корсиканец запрыгнул на коня Бена, и они галопом понеслись по пустыне. Вслед им летели проклятия туарегов, пришедших в ярость оттого, что добыча в очередной раз ускользает.

Глава XXII

Атака туарегов

Увидев возвращающихся на одном коне Бена с маркизом, Рокко и Эстер поспешили им навстречу, опасаясь, что конь не вынесет двоих и туареги настигнут беглецов. Однако скакун оказался крепок и полон сил. Он легко догнал караван и смешался с верблюдами.

– Маркиз! – вскричала Эстер. – Вы ранены?

– Нет, уверяю вас, со мной все в порядке. Эти шуты стреляют куда угодно, только не в цель. Бояться нечего.

– Тем не менее на какой-нибудь фут выше – и вам бы не поздоровилось, – возразил Бен.

– Хозяин, – пробасил Рокко, – а может, остановимся и дадим бой? Нас восемь человек. Даже если бедуины и Эль-Мелак окажутся паршивыми стрелками, мы все равно проучим этим каналий.

– Мне нравится его предложение, – кивнул Бен. – Если они нападут на нас по пути, верблюды могут испугаться и разбежаться.

– Заставьте животных лечь вон за той дюной, – сказал маркиз после секундного размышления. – Попробуем отогнать разбойников.

Неподалеку находилась дюна, длиной метров сто и высотой семь-восемь. Наверняка ее надуло самумом. Получилась настоящая крепостная стена, вполне способная защитить от пуль туарегов.

После того как верблюдов спрятали, маркиз приказал своим людям залечь на гребне и стрелять по его команде. Патронов пока хватало, однако де Сартен не желал понапрасну тратить драгоценный в пустыне боезапас.

Туареги, видимо, решили, что караван спасается бегством, и во весь опор гнали мехари, представляя собой прекрасные мишени. Когда до них оставалось пятьдесят шагов, маркиз командовал:

– Огонь!

Четыре верблюда и три человека рухнули на землю, нарушив ряды наступающих: другие мехари с разбега налетели на упавших. Кое-кто из туарегов, перепугавшись, принялся вопить и стрелять наобум. Лишь пятеро, не поддавшись панике, скакали вперед, выставив копыта.

Маркиз, стремительно перезарядивший винтовку, застрелил первого почти в упор. Бен и Эстер прикончили двух мехари. Рокко, увидев бандита, взбирающегося на гребень, кинулся на него, орудуя винтовкой как дубинкой и вопя:

– Сдохни, собака!

Ловкий, точно обезьяна, туарег ушел из-под удара и, в свою очередь, бросился на сардинца очертя голову. На солнце блеснул острый ятаган.

– Осторожно, Рокко! – крикнул маркиз.

Де Сартен и бедуины сражались с бандитами, забравшимися на гребень дюны. Эстер, Бен и Эль-Мелак стреляли по оставшимся внизу, не давая им заново собраться.

Вот Рокко прыгнул на разбойника, поднял его в воздух, словно перышко, сдвинул так, что затрещали кости, и отшвырнул на несколько метров. Туарег упал и больше не поднялся.

Другие, увидев, что случилось с их товарищем, дрогнули. Скатившись со склона, они побросали оружие и умчались, будто газели.

Бой внезапно был окончен. Разбойники подстегивали своих мехари, позабыв про спешенных и раненых и думая только о том, как укрыться от пуль.

– Прекратить огонь! – приказал маркиз. – Но если вернутся, прикончим их всех.

– Надеюсь, мы отбили у них охоту возвращаться, – сказал Эль-Хагар. – Однако поспешим в Эглиф. Верблюды в давке порвали несколько бурдюков. Если вы не слишком устали, едем дальше.

Рокко и Бен привели двух туарегских мехари, которые остались рядом с погибшими хозяевами, словно надеялись, что те оживут и сядут в седло. Путешественники, уверенные, что больше их не побеспокоят, двинулись дальше, увеличивая отрыв от назойливых разбойников.

Когда наступила ночь, караван находился уже в двадцати милях от Эглифа. Они шли весь день, сделав лишь две короткие остановки, чтобы перекусить. Однако, не чувствуя себя в полной безопасности, отдыхали всего несколько часов и уже после полуночи вновь пустились в дорогу, не обращая внимания на жалобный, тоскливый рев верблюдов. Впрочем, бедуины заставили их замолчать, варварски завязав им морды тряпками, и жестоко подгоняли палками и проклятиями.

Удивительно, но жители Сахары относятся к вьючным верблюдам с неслыханной жестокостью, в то время как мехари холят и лелеют. Эти получают лучшую еду, даже масло и сахар, их тщательно вычесывают и никогда не перетруждают. Для вьючных же не жалеют пинков и палок.

Мехари действительно более благородные животные. Они привязаны к своим хозяевам и стоят в десять раз дороже. Вьючные – упрямы, злобны, мстительны и нередко пытаются укунить своих погонщиков.

В четыре часа утра караван, ведомый Эль-Хагаром и маркизом, ехавшими на мехари туарегов, оказался в виду нескольких увядших пальм с пожелтевшими, поникшими листьями.

– Эглиф! – воскликнул мавр.

– Там должен ждать Тасили, слуга Бена, – сказал маркиз.

– Что-то не вижу я никаких палаток, – проворчал Эль-Хагар.

– Неужели с ним что-то случилось? Или он не дождался Бена и уехал на юг?

– Мог отправиться в Амул-Таф.

– Еще один оазис?

– Да, в двух днях пути и покрупнее этого.

Тут к ним подъехал Бен.

– В оазисе нет ни палаток, ни верблюдов, – сообщил ему маркиз.

– Наверное, Тасили отправился поохотиться, – предположил юноша. – В окрестностях оазисов много дичи.

Подняв винтовку, он выстрелил в воздух. Выстрел прогремел над барханами, и звук его замер вдали. Несколько минут все напряженно ждали.

– Нет здесь твоего Тасили, – заключил маркиз.

– Что, если его убили туареги? – Бен побледнел. – Это было бы ужасно. Тасили – единственный, кто точно знает, где мой отец закопал сокровища.

– Поехали проверим, – предложил Эль-Хагар. – Если в оазисе произошло убийство, останутся следы.

Пришпорив коня и верблюдов, они поспешили к оазису, пока караван неторопливо шествовал между на редкость высокими барханами. Через несколько минут путешественники достигли границы оазиса.

Тот был много меньше предыдущего и явно погибал из-за недостатка воды. От него осталась дюжина увядших карликовых пальм да почти засохшие кусты. Лишь рядом с колодцем в самом центре рос пяток финиковых пальм без единого плода.

Именно там Бен с товарищами обнаружили знаки, наведшие их на нехорошие подозрения. На земле валялись пустые бурдюки, разорванная палатка, сломанное туарегское копье, полусгнившие останки осла, веревки и пустые гильзы.

Рядом с полуобвалившимся колодцем чернело кострище, на котором Тасили и его люди, по всей видимости, готовили еду.

– Твоего слугу похитили туареги, – сказал Эль-Хагар юноше.

– Да, – сдавленным голосом согласился Бен. – Эти проклятые разбойники напали и на Тасили.

– Здесь множество следов, – продолжил Эль-Хагар. – Давайте пройдем по ним.

Они пересекли оазис и заметили на песке отпечатки верблюжьих ступней, уходящие на юг.

– Судя по всему, твоего слугу увели в Тимбукту, – сказал мавр. – Следы ведут туда. Хорошо, что самума здесь не было.

– Хоть в этом повезло.

– У вашего Тасили была охрана? – поинтересовался маркиз.

– Три алжирца из Табельбалета.

– Верные?

– Полагаю, да.

– Туареги берут пленников?

– Берут, – кивнул Эль-Хагар. – Уводят в Тимбукту.

Бен взобрался на гребень бархана и, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на юг. Что он надеялся там обнаружить? Неужели похитителей слуги своего отца?

– На что вы смотрите, Бен? – спросил маркиз.

– По-моему, я заметил человека, прячущегося в барханах.

– Поехали посмотрим. – Де Сартен вскочил на мехари.

Остальные последовали его примеру. Шагов через пятьсот они действительно обнаружили жутко исхудавшего чернокожего человека, замотанного в какие-то лохмотья. Он что есть мочи удирал в пустыню.

– Эй, ты! Стой или стрелять буду! – крикнул маркиз по-арабски. – Стой! Мы не туареги.

Негр застыл на вершине бархана и оглянулся, испуганно вытаращив белые, точно фарфоровые, глаза. Потом умоляюще поднял тощие как спички руки.

– Кто ты? – спросил корсиканец, подъезжая.

– Не убивайте, – жалобно прохныкал несчастный.

– Мы не причиняем вреда добрым людям. Почему ты бежал?

– Думал, что вы туареги, господин.

– Ты один?

– Один. Остальных увели разбойники пустыни.

– Уж не служил ли ты Тасили? – спросил Бен.

– Тасили! – закричал негр. – Вы знаете Тасили?

– Мы его ищем.

– То есть вы те, кого он ожидал?

– Ты был с Тасили? – повторил вопрос Бен.

– Да, господин.

– Туареги увели его в рабство?

– Да, на юг, в Тимбукту. И его, и моих товарищей.

– Когда это случилось? – спросил де Сартен.

– Три недели назад, вечером. Мне удалось сбежать, а Тасили и двух других схватили, связали, взвалили на верблюдов и увезли. Ночью я подобрался к их лагерю и услышал, что они толкуют о Тимбукту и о том, чтобы продать рабов на тамошнем рынке.

– Бедный Тасили! – с болью воскликнул Бен. – Ничего, мы тебя вызволим.

– Конечно, Бен, – согласился маркиз. – К тому же он вам совершенно необходим. Пока же вернемся в оазис и покормим этого бедолагу, иначе он на наших глазах умрет с голоду.

– Почти три недели я питался одними финиками, – отозвался негр. – Однако четыре дня назад кончились и они.

Когда они возвратились в оазис, караван уже был там, и бедуины расставляли палатки вокруг колодца.

Глава XXIII

Туареги из оазиса марабутов

В Эглифе караван провел два дня. Надо было наконец отдохнуть от долгих переходов и как следует запастись водой: в Южной Сахаре колодцы по пальцам можно пересчитать. Маркиз с Эстер воспользовались оказией, чтобы пополнить припасы: подстрелили страуса и антилопу, неосмотрительно подошедших к оазису.

На третий день маркиз приказал сворачивать лагерь. Ему не терпелось пересечь пустыню и добраться до Тимбукту – изобильной Царицы Песков.

Переход прошел без происшествий, и уже через неделю караван достиг Амул-Тафа, где обитало всего несколько семей, разводящих беговых верблюдов.

Дело это весьма прибыльное, и занимаются им во многих оазисах Южной Сахары. Разводят не только мехари, но и выючных верблюдов, однако предпочтение отдают мехари, продавая их на базарах Кабары, Тимбукту и Эль-Мабрука.

Новорожденному верблюжонку не позволяют бегать из опасения, что он повредит ноги и утратит подвижность и выносливость. Его на три-четыре недели закапывают по брюхо в песок и кормят исключительно молоком со сливочным маслом. Лишь после этого ему разрешают ходить вместе с матерью. А затем вдевают ему в нос кольцо и начинают обучать.

Мехари умнее прочих верблюдов. Он быстро привязывается к хозяину и предан ему настолько, что, если того убьют в бою, верблюд его не покинет. Наоборот, ляжет рядом, словно приглашая мертвого вернуться в седло, и не уйдет до тех пор, пока не убедится, что хозяин погиб. Но даже тогда мехари не убегает. Он возвращается в адуар, чтобы предъявить родичам погибшего пустое седло.

Среди этих гостеприимных, совершенно не похожих на туарегов людей маркиз и его товарищи провели целый день. Здесь они оставили негра, который из-за слабости отказался идти с ними в Тимбукту.

Миновав маленькие оазисы Трасас и Крамес, караван после длиннейшего, изнурительного перехода добрался до Тенег-эль-Хадака, последнего перевалочного пункта на своем пути. Лишь несколько дней отделяло их от Царицы Песков.

Близость Нигера, великой реки Восточной Африки, уже ощущалась довольно отчетливо. Жара несколько спала, воздух сделался более влажным, и среди песков даже начали появляться зеленые кустики. При приближении людей огромные стаи птиц взмывали в небо и летели на юг.

Множились и следы караванов. Кострища, разбитые сундуки, скелеты людей и верблюдов... Бог знает сколько несчастных умерло от голода и жажды, когда до спасительного Тимбукту оставалось рукой подать!

Одновременно с нашими путешественниками в Тенег-эль-Хадак прибыли с берегов Нигера сразу два больших каравана. Один, груженный страусовым пером и слоновой костью, направлялся в Марокко; второй вез в Алжир золото с приисков Конго.

Представился благоприятный случай для получения сведений о несчастном полковнике Флаттерсе. Оба каравана пришли из Тимбукту, следовательно люди могли знать, проданы ли французы в рабство султану или нет. Однако, как ни странно, де Сартена ждало горькое разочарование.

Флаттерс! О нем слышали все – и алжирцы, и марокканцы, – но никому не было известно, увели его туареги в Тимбукту или нет.

– Что скажете, Бен? – спросил маркиз, безрезультатно потратив время на разговоры с несколькими караван-вожатыми. – Неужели полковника все-таки убили?

– Не будем терять надежду, – ответил юноша. – Скорее всего, эти люди просто не интересуются ничем, кроме своих верблюдов и грузов.

– Но ведь алжирское правительство пообещало караванщикам награду за любую информацию о судьбе экспедиции.

– Доберемся до Тимбукту, сами все тщательно расследуем и выясним правду. Если полковник продан султану, кто-нибудь наверняка видел, как его вели по городу.

– А в результате выяснится, что его убили, – с горечью произнес маркиз.

– И вы пожалеете, что совершили такое долгое путешествие? – спросила Эстер.

– О нет! – воскликнул де Сартен, глядя ей в глаза. – Нет, Эстер, клянусь!

Девушка, прекрасно его поняв, улыбнулась, и ее глаза просияли.

– Я вам не верю, – прошептала она, потупившись. – Это слишком похоже на сон...

– Эстер, – очень серьезно сказал маркиз, – а если бы сон стал явью? Что, если я в самом деле вас полюбил?

– Меня? Еврейку? В Марокко евреев все презирают.

– Корсика и Франция – не Марокко, Эстер. Сама судьба свела нас вместе. Я ценю вас и восхищаюсь вами. Уверен, никакая другая женщина не сможет составить счастье всей моей жизни.

Едва прозвучали эти слова, как за спиной у маркиза кто-то хрипло выругался. Обернувшись, де Сартен увидел Эль-Мелаха, валявшегося перед входом в палатку. Физиономия его была перекошена от злобы.

– Что с тобой, Эль-Мелак? – нахмурился маркиз.

– Туареги, – ответил тот.

– Какие еще туареги?

– Те самые, которых мы встретили у колодцев марабутов. Они здесь.

– Они за нами следят? – с яростью воскликнул маркиз. – Не нравится мне это.

– Неужели они решатся напасть на нас на глазах толпы? – спросила Эстер.

– Нет. Марокканцы и алжирцы сразу придут нам на помощь. Здесь мы среди своих. Видимо, разбойники тоже едут в Тимбукту. Ты согласен, Эль-Мелак?

Туатец ничего не ответил. Только странно посмотрел на Эстер, и его губы искривились в усмешке.

– Ты меня слышишь, Эль-Мелак? – нетерпеливо переспросил маркиз. – Может быть, эти туареги направляются в Тимбукту?

– Что? Ах да, наверное... – рассеянно ответил Эль-Мелак.

– Мы с Беном пойдем проверим, кто они. Ты, Эль-Мелак, ни на шаг не отходи от Эстер. Ждите возвращения бедуинов и Эль-Хагара. Они отправились покупать съестные припасы.

Туатец кивнул и вновь растянулся на циновке в нескольких шагах от Эстер, присевшей у палатки в тени пальмы. Лицо Эль-Мелаха все еще было обезображено гримасой, лоб изборозжен морщинами. Жгучие черные глаза не отрывались от девушки.

– Госпожа, – внезапно спросил он, садясь, – что нужно маркизу в Тимбукту?

Эстер подняла голову и удивленно взглянула на туатца:

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Потому что мне до сих пор неведомы ваши планы. Я хотел бы их узнать прежде, чем идти в город. Царица Песков – опасное место для неверных. Вы рискуете жизнью.

– Мы ищем полковника Флаттерса. По-моему, тебе это известно.

– Какой смысл разыскивать человека, который, скорее всего, убит далеко от Тимбукту? – ухмыльнулся Эль-Мелак.

– Так ты что-то знаешь о его судьбе?

Эль-Мелак опустил голову и пробормотал, словно разговаривал сам с собой:

– Ладно, пусть себе ищет...

– Ты о ком?

– О французе.

– Боюсь, я тебя не понимаю.

– Может статься, он найдет в Тимбукту нечто, чего совсем не ожидает... Госпожа, вы думаете, маркиз действительно вас любит?

– Да, Эль-Мелах.

– А вы, вы его любите? – Туатец впился взглядом в лицо Эстер.

– Это тебя не касается, – ответила Эстер, все более приходя в недоумение.

– Я бы желал знать, не согласились бы вы оставить его ради другого человека, куда знатнее корсиканского маркиза, который тоже вас полюбит.

– Эль-Мелах, никак солнце напекло тебе голову? – Эстер вскочила. – Если прежде у меня и были в этом сомнения, то теперь я окончательно уверилась.

– Да, должно быть, солнце Сахары помутило разум Эль-Мелаха, – странным голосом проговорил туатец.

Он тоже встал, обошел, качаясь, вокруг палатки и вновь повалился на циновку, спрятав лицо в ладонях.

– Бедняга спятил, – пробормотала Эстер.

В этот момент вернулись маркиз, Рокко, Эль-Хагар и Бен. Все четверо выглядели очень взволнованными и обеспокоенными.

– Что случилось? – Эстер кинулась им навстречу.

– Туареги, приехавшие сюда, – те самые, кого мы повстречали у колодцев марабутов, – ответил ей брат. – Направляются в Тимбукту.

– Значит, они нас преследуют?

– От этих людей всего можно ждать, – сказал Эль-Хагар. – Если у них возникли подозрения, что вы – не мусульмане, они донесут стражникам. Тогда вас арестуют и казнят.

– Однако не можем же мы застрять здесь после того, как пересекли всю Сахару! – воскликнул маркиз. – Я не поверну назад, пока не выясню судьбу полковника Флаттерса.

– А я – не раньше чем заберу наследство отца, – прибавил Бен.

– Сперва надо найти Тасили, – напомнил Рокко. – Без него наследства вам не видать.

– Послушайте, – сказал Эль-Хагар, – я-то мусульманин и могу спокойно войти в Тимбукту. Хотите, я прослежу за туарегами? Попытаюсь узнать их намерения, а заодно поищу Тасили. Через три-четыре дня вернусь, тогда вы и решите, как быть дальше.

– Ты сможешь узнать, жив или нет полковник Флаттерс?

– Обещаю, маркиз. Расспрошу своих знакомых в Тимбукту, а их у меня немало.

– У меня тоже, – поднялся Эль-Мелах.

– И ты согласен отправиться в Тимбукту вместе с Эль-Хагаром? – спросил его де Сартен. – Ведь ты знаешь этих туарегов и лучше нашего можешь понять их намерения.

– Я отправлюсь с ним, только скажите, – живо отозвался туатец.

– Даю вам семь дней. Если через неделю не вернетесь, мы сами поедem в Тимбукту, – решил маркиз.

– Хорошо, – согласился Эль-Хагар.

Сборы были недолгими. Оба вооружились ружьями и ятаганами, навьючили двух мехари и сели в седла.

– Мы будем в Тимбукту еще до заката, – сказал Эль-Хагар. – Будьте осторожны и не покидайте оазиса. Если узнаем о грозящей вам опасности, сразу вернемся, и вы скроетесь в пустыне.

– Езжай, и да пребудет с тобою Господь, – сказал маркиз.

Эль-Мелах то и дело оглядывался на Эстер, которой до сих пор было не по себе от его непонятных слов. Лишь когда всадники скрылись за барханами, девушка вздохнула с облегчением.

– Какой все-таки странный этот Эль-Мелак, – прошептала она. – А вдруг он в самом деле спятил?

Маркиз, Рокко и бедуины принялись обустроить лагерь, чтобы с максимальным удобством провести несколько дней. Поставили две палатки, крепко растянув их веревками, внутри разместили сундуки и тюки, соорудив из них своего рода барьер. Затем из колючих веток устроили *зарибу*, то есть загон для своих животных, – нелишняя предосторожность в оазисе, где крутится множество людей.

– Ну а теперь запасемся терпением и будем ждать, – сказал маркиз, когда лагерь был разбит. – Уверен, Эль-Хагар вернется, и, может быть, вместе с Тасили.

Глава XXIV

Царица песков

Покуда маркиз и его люди занимались своими делами, Эль-Хагар и Эль-Мелах ехали на юг, туда, где за последним отрезком пустыни находилась Царица Песков. Впрочем, места эти теперь нельзя было вполне назвать пустыней, невзирая на песчаные барханы.

То и дело попадались группы пальм, адуары с их бурыми палатками и колючими зарифу, в которых теснились верблюды и овцы. Небольшие караваны, груженные солью, столь ценимой в Тимбукту, пересекали дюны. Кто-то следовал в город, кто-то – в поселки на Нигере.

Эль-Хагар и Эль-Мелах, ни с кем не заговаривая, скакали на юг. Им предстояло выяснить, что задумали туареги. Последние к тому времени уже давно покинули оазис и исчезли неизвестно куда.

– Похоже, им тоже не терпится добраться до Тимбукту, – наконец проворчал Эль-Хагар. – Не нравится мне это. Что думаешь, Эль-Мелах? Ты ведь дружен с их главарем.

– Вовсе нет, – возмутился туатец.

– Как бы то ни было, ты с ним знаком и знаешь, чего ждать от этого подлеца.

– Нет, не знаю.

– Сколько времени ты пробыл в их племени?

– Несколько дней, – буркнул Эль-Мелах, которому явно не терпелось закончить неприятный разговор.

– Он говорил тебе, что собирается на север, разве не так?

– Вроде бы говорил.

– Тогда почему мы обнаружили его здесь? Вот что я хотел бы понять.

Следующий час они провели в молчании. Мехари неслись, как дьяволы. Вдруг Эль-Мелах, уже некоторое время сидевший в седле как на иголках, выпалил:

– Эти белые... Они же все кафиры, верно?

– Думаю, да, хотя молятся пророку словно мусульмане, – кивнул мавр.

– И они осмелятся войти в Тимбукту?

– Ты и сам знаешь, никого из них нельзя назвать трусом.

– Знаю.

Немного помолчав, он снова заговорил, и тон его сделался неприязненным.

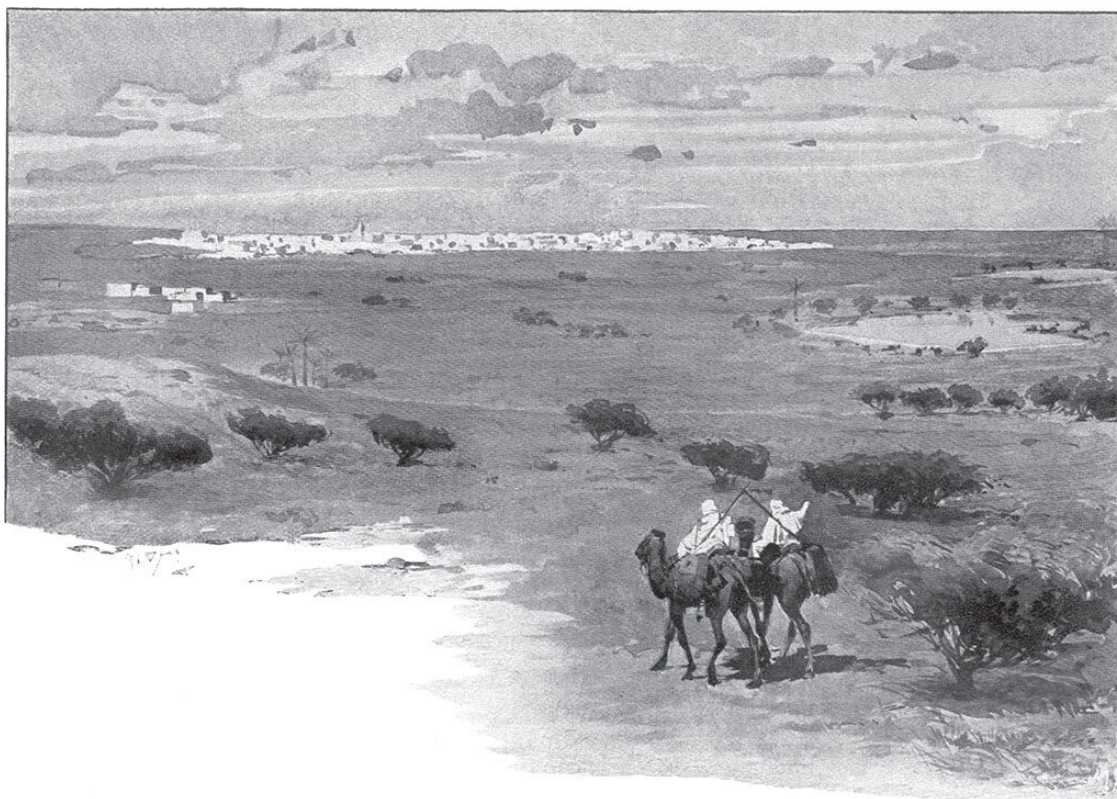
– Француз любит еврейку, да?

– Может быть. Тебе-то что до них, Эль-Мелах? Ты так странно об этом спросил.

– Красивее этой еврейки я не видал еще женщины, – задумчиво проговорил туатец. –

Султан Тимбукту заплатил бы груды золота за такую наложницу.

– К чему ты клонишь, Эль-Мелах? – подозрительно спросил Эль-Хагар.

На закате, после восьмичасовой гонки путники увидели на горизонте изломанную линию минаретов и башен...

Тот посмотрел на него, словно хотел заглянуть ему в душу, потом произнес с непонятной усмешкой:

– К тому, что Тимбукту – опасное место для красавицы-еврейки.

– Мы все присмотрим за госпожой Эстер.

Эль-Мелах кивнул и подстегнул своего мехари.

На закате, после восьмичасовой гонки путники увидели на горизонте изломанную линию минаретов и башен, темневших на фоне безоблачного неба. Кто-либо другой мог решить, что перед ним – восхитительный мираж. Да и как поверить в существование большого города посреди пустыни? Однако Эль-Хагар и Эль-Мелах точно знали, что там, впереди.

Тимбукту, Царица Песков, владычица Сахары, таинственный город, в чьем существовании европейцы сомневались несколько столетий.

– Еще четверть мили, и мы на месте, – сказал Эль-Хагар.

Тимбукту, или, иначе, Томбукту, расположен посреди песчаной равнины на южной границе Сахары, в четырнадцати километрах от реки Нигер. До того как в этом городе побывали Рене Кайе и Генрих Барт, в Европе о нем знали только из волшебных сказок.

Древний Тимбукту был чем-то сродни Афинам, Риму или Фивам. Когда-то, давным-давно, там существовали школы мудрецов и философов, город славился богатством и великолепием. По одним данным, он был основан примерно в четвертом веке от Хиджры²¹, по другим – в 1214 году от Рождества Христова. Однако, судя по папирусам древнеегипетских историков, Тимбукту существовал и прежде под названиями Куфа или Нигерия.

²¹ Хиджра (араб. переселение) – переселение Мухаммеда (Магомета) и его приверженцев из Мекки в Медину в сентябре 622 г. При халифе Омаре I (правил 634–644) год Хиджры был объявлен началом мусульманского летосчисления.

Как бы то ни было, на протяжении многих веков Тимбукту считался таинственным городом, пока в один прекрасный день правители марокканского Феса не захватили его и не обложили данью.

Впрочем, Тимбукту не захирел. Более того, несмотря на то, что город был затерян в пустыне, гранадские зодчие украсили его, создав роскошный дворец для султана, и Тимбукту еще долго оставался важнейшим торговым центром. Сюда отовсюду стекались караваны: из Марокко и Алжира, из Туниса и Триполитании. Отсюда товары везли дальше, в Центральную Африку.

В 1500 году Тимбукту, благодаря восстанию одного негритянского вождя, вновь обрел независимость и на некоторое время даже былое величие, чтобы в 1670 году при короле бамбара опять прийти в упадок. Окончательно добились город туареги и фульбе, эти отважные разбойники Сахары, захватившие его в 1826 году.

Сегодня в Тимбукту, по-прежнему занимающем огромную территорию, обитают не более пятнадцати-двадцати тысяч душ. Семь мечетей, древние башни, массивные крепостные стены и базары – вот и все, что сохранилось от его величия.

Улицы Тимбукту настолько широки, что на них могут спокойно разминуться три повозки. Дома глинобитные, с внутренними двориками и фонтанчиками. Кое-где еще можно полюбоваться колоннадами в мавританском стиле, бастиями и глубокими колодцами, увы, по большей части – разрушенными. Множество пустующих хижин заполняется только с приходом караванов, привозящих рабов для двух невольничьих рынков, и происходит это нечасто²².

Все же Тимбукту до сих пор является важнейшим торговым городом, хотя тут не производится ничего, даже продовольствия для местных жителей. Вот почему Тидиани, в 1885 году осадивший его, едва не уморил всех голодом.

В Тимбукту сходятся караванные пути со всей Северной Африки. Из Конго и Бамбары сюда везут золото и слоновую кость, из копей Танундерма и Боншебура – драгоценную соль.

Еще несколько лет назад здесь процветал религиозный фанатизм. Ни один «неверный», ни один европеец не мог под страхом казни вступить в этот город. Что не помешало Кайе, а потом и Барту, презрев смертельную опасность, проникнуть за его стены, переодевшись мусульманами.

В 1897 году капитан-лейтенант Карон вместе с четырнадцатью матросами, чернокожими и европейцами, поднялся по Нигеру на канонерке, но удовольствовался лишь видом на запретный город и даже не решился сойти на берег, побоявшись фанатиков-туарегов и султанских кисуров.

Лавируя между высокими кучами мусора, сваленного под полуразрушенными городскими стенами, Эль-Хагар и Эль-Мелак вошли в ворота. Смеркалось.

Ответив на несколько вопросов султанской гвардии, сторожившей город от неверных, они направились к караван-сараю. Последний представлял собой широкий навес, сооруженный для погонщиков, где те могли переночевать за сущие гроши.

– Делами займемся завтра, – сказал Эль-Хагар, слезая с мехари.

Они готовили себе ужин, когда к караван-сараю приблизилась знакомая шайка туарегов, только сейчас вошедшая в город. Эль-Хагар сразу узнал главаря.

– Разбойники караулили нас где-то у городских стен, – сказал он Эль-Мелаху.

– Выбрось их из головы, – отмахнулся тот. – По-моему, им нет до нас никакого дела. Зря ты о них думаешь.

– Может быть. Но мне было бы спокойнее, если бы их здесь не было.

²² Позже, благодаря военной хитрости, Тимбукту был завоеван французами: они послали пароходы по Нигеру. – *Примеч. авт.*

Действительно, вождь шайки Амр-эль-Бекр, казалось, не обратил на двух путников никакого внимания. Вместе с четырьмя своими людьми он расположился в углу караван-сарая. Они развьючили мехари и как ни в чем не бывало растянулись на циновках.

Эль-Хагар и Эль-Мелах поужинали, покормили верблюдов и улеглись на ангаребы²³, положив рядом ружья, в точности как сделали туареги, которые вроде бы уснули. Мавр, уставший после тяжелого перехода, вскоре тоже захрапел.

Однако Эль-Мелах бодрствовал. Приподняв в очередной раз голову и убедившись, что спутник уснул, он неслышно встал с ангареба и прокрался в угол, где лежали туареги. Не успел он подойти, навстречу поднялась темная фигура.

– Это ты, Амр? – спросил Эль-Мелах.

– Я, – ответил главарь туарегов. – Где неверные?

– Остались в оазисе.

– Они что-то заподозрили?

– Пока нет. Знаешь, зачем сюда приехал белый человек, хотевший тебя застрелить?

– Нет, откуда бы?

– Он разыскивает полковника Флаттерса.

Вождь глухо выругался:

– Ему известно, что это мы...

– Тише, Амр. – Эль-Мелах закрыл туарегу рот ладонью.

– Он для нас опасен?

– Он – француз. И этим все сказано.

– Француз! – сквозь зубы процедил Амр. – Знай я это прежде, убил бы еще тогда, в пустыне.

– И лишился бы султанской награды за поимку кафира.

– Так ты ради награды притащил их сюда?

– Конечно. Мужчины – твои. Женщина – моя.

– Среди них есть женщина?

– И красивая, точно гурия.

– Что ты с ней собираешься сделать?

– Похитить и продать султану.

– Ну и змея же ты, Аль-Абьяд...

– Не называй меня так! Я теперь Эль-Мелах.

– Сменил имя?

– Не только имя, но и кожу. Узнай француз, что это я виновен в гибели экспедиции, мне бы не поздоровилось.

– Когда он собирается прибыть в Тимбукту?

– Через семь дней. Я сам приведу его сюда.

– Буду ждать. А сколько всего кафиров?

– Два европейца и один еврей.

– Ну что ж, за европейцев султан отвалит немало. Он давно мечтает заполучить белых рабов. А еврея с удовольствием сожжет, как бешеного пса.

– Только смотри не заикнись, что еврей – брат девушки, – предупредил Эль-Мелах.

– Хорошо, но за это тебе придется раскошелиться.

– А скажи-ка мне, Амр...

– Спрашивай, не стесняйся.

– Не было ли, случайно, среди рабов, захваченных твоими соплеменниками в оазисе Эглиф, старика?

²³ Ангареб – примитивная кровать, представляющая собой натянутую на каркас шкуру.

– Вроде был один. А что?

– Он нужен мне, чтобы убедить кафиров приехать в Тимбукту. Если старого хрыча уже продали, перекупи его или укради.

– К утру он будет здесь, клянусь. Я знаком со всеми здешними туарегами и легко найду человека, которого ты ищешь.

– Где мы встретимся?

– На невольничьем рынке.

– Удачи, Амр.

И Эль-Мелак вернулся к своему ангаребу. Эль-Хагар продолжал храпеть.

Наутро, когда они проснулись, туарегов с их мехари и след простыл.

– Разделимся, – сказал Эль-Хагар. – Я займусь розысками полковника.

– А я тогда поищу Тасили, – охотно согласился Эль-Мелак.

– Увидимся в полдень. Перекусим и поделимся добытыми сведениями.

Подождав, пока Эль-Хагар удалится, туатец уселся на своего мехари и покинул караван-сарай, вокруг которого уже сновали люди. Улицы были заполнены верблюдами, лошадьми и осликами, груженными разнообразным товаром. Кого тут только не было! Купцы марокканские, алжирские и триполитанские, чернокожие с берегов Нигера, туареги из пустыни, красавцы-бамбара и фульбе в широких узроцах и огромных чалмах. Некоторые щеголяли едва ли не в султанских нарядах, кто-то ходил в одной набедренной повязке.

Все городские площади превратились в базары, где сбывались горы европейских и африканских товаров. Ведь Тимбукту нуждается буквально во всем. Даже дерево туда привозят из Нигера.

Горы сушеных фиников и инжира, проса и ячменя, фисташек и картофеля, лимонов и лимонных, с огромными трудностями привезенных из Северной Африки. Рулоны тканей, пирамиды мыла, связки свечей, французские безделушки, сахарные головы, шкатулки из кораллов, и среди всего этого изобилия – горки драгоценной соли, которую продают здесь едва ли не на вес золота. Соль служит деньгами, за пять-шесть либр²⁴ соли можно купить раба во цвете лет.

Надо всем этим висел оглушительный гомон, в который вносили свою лепту сновавшие туда-сюда навьюченные животные. Несмотря на все попытки кисуров навести порядок, шум, гам и толчея лишь усиливались.

Эль-Мелак ехал сквозь толпу к невольничьему рынку, расположенному под навесом на широкой площади. Продвигался он с трудом: торговцы, только бы не упустить выгодной сделки, предпочитали, чтобы верблюды и кони оттоптали им ноги.

Знакомых туарегов пока видно не было, но толчея и здесь была порядочной. На рынке продавали негров со всей Африки: бамбара, бара-исса и прочих прибрежных жителей Нигера; массаина, бахима, фульбе... Под навесами жались друг к другу старики и молодые, дети, мужчины, женщины. Все – голые, чтобы покупатель лучше смог оценить их достоинства и недостатки, все – молчаливые и печальные, стыдящиеся своего положения.

Их придиричиво осматривали, ощупывали, заставляли бегать или поднимать тяжести, чтобы увидеть мускулы, заглядывали в рот, проверяя зубы, принуждали драться, оценивая их силу. Хозяевами были в основном туареги, эти ужасные пираты Сахары, которые ураганом проходили по окрестностям Тимбукту, грабя и захватывая в плен всё и вся.

Эль-Мелак напрасно обошел навесы. Приятеля нигде не было. Тогда он привязал мехари в тени пальмы, сам сел рядом, раскурил трубку и принялся ждать.

Полдень еще не наступил, когда он увидел Амра, за которым брел мавр лет шестидесяти, высокий и крепкий. Туарег тащил раба на веревке, привязанной к запястьям, при этом сильно ее дергая и понося несчастного почем зря. Заметив Эль-Мелаха, он подошел к нему и спросил:

²⁴ Либра – мера веса, равная 327,45 грамма.

- Это тот человек, которого ты ищешь?
- Не знаю. – Эль-Мелах пристально посмотрел на мавра. – Ты слуга Бена Нартико, у которого есть сестра по имени Эстер?
- Услышав эти имена, мавр вздрогнул и изумленно уставился на Эль-Мелаха.
- Твое имя Тасили? – продолжал допытываться тот.
- Откуда ты знаешь? – Голос раба дрожал.
- Это он, – подтвердил туареги. – Мне сказали, что его зовут Тасили, а в плен он был взят в оазисе Эглиф.
- Все верно, – кивнул мавр.
- Эль-Мелах развязал ему руки и сказал:
- Ты свободен. Если хочешь, я провожу тебя к твоим хозяевам.
- К господину Бену и госпоже Эстер? – ахнул старик.
- Да.
- Когда я смогу их увидеть?
- Завтра.
- Эль-Мелах кивком попрощался с Амром, прибавив на туарегском:
- Здесь же. Через два дня.
- Буду ждать, – понимающе усмехнулся вождь.
- Эль-Мелах и мавр, ведя мехари в поводу, миновали людные улицы и подошли к караван-сараям как раз в тот момент, когда вернулся Эль-Хагар.
- Что за старика ты привел? – спросил тот.
- Вижу, мне повезло больше, чем тебе, Эль-Хагар, – похвалился туареги. – Раздобыл сведения о полковнике?
- Нет.
- А я меж тем не только разыскал Тасили, но и выяснил, что полковника Флаттерса продали в рабство султану.
- Ты удивительный человек, Эль-Мелах! – Эль-Хагар взглянул на него с восхищением.
- И это еще не все, – продолжил Эль-Мелах с коварной усмешкой. – Я узнал, что вчерашние туареги подались за Нигер, в Сарай-Ямо, где располагается их дуар.
- Значит, наши дела здесь окончены.
- Да, пора возвращаться к маркизу. У тебя деньги есть?
- Господин дал мне немного золотого песку.
- Тогда пойдем купим мехари для старика и немедленно тронемся. До заката будем в оазисе.

Глава XXV

Дом старого Нартико

Семь часов спустя, к величайшему удивлению маркиза и Рокко и невероятному ликованию Бена и Эстер, Эль-Хагар, Эль-Мелах и Тасили возвратились в оазис Тенег-эль-Хадак.

Все четверо приветствовали старого Тасили, который, увидев своих молодых господ, рыдался от счастья. Маркиз, обрадованный новостями, долго расспрашивал предателя о судьбе полковника. У Эль-Мелаха на все был готов ответ.

Якобы от своего знакомого туарега он узнал, что Флаттерса привезла в Тимбукту банда, повинная в расправе над экспедицией, и продала в рабство султану.

– Мой приятель, – разливался соловьем Эль-Мелах, – лично присутствовал при продаже француза на невольничьем рынке и слышал, что люди султана заплатили за него четыре либры золотого песка, десять слоновых бивней и триста золотых монет. Неслыханная сумма для города, где негров продают за несколько горстей соли.

– Мы его освободим, – произнес маркиз. – Пусть даже ради этого придется спалить Тимбукту и взять в плен султана.

– О султани я позабочусь, хозяин, не сомневайтесь, – пробасил Рокко.

– Будьте настороже, – с самой серьезной миной предостерег их Эль-Мелах. – У султана много кисуров, и они прекрасно вооружены.

– А ты, Тасили, ничего не слышал о французском полковнике, проданном в рабство? – спросила Эстер.

– Нет, госпожа, – покачал головой мавр. – Впрочем, человек, купивший меня у туарегов, не разрешал мне покидать дом и с кем-нибудь разговаривать.

– Чем же ты занимался?

– С утра до ночи молот ячмень.

– О мой бедный Тасили! Тот человек тебя обижал?

– Во всяком случае, госпожа, скупым на колотушки его не назовешь, – попытался пошутить мавр.

– Если вы покажете мне своего бывшего хозяина, я не поскуплюсь ради него на удары своих кулаков! – в гневе вскричал Рокко. – Вот подлец! Так обращаться со стариком!

Маркиз и Бен проводили Тасили в палатку, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Рокко и Эстер начали готовить ужин, чтобы отпраздновать возвращение Тасили.

– Не видел ли ты дом моего отца? – спросил Бен.

– Видел. Как-то раз, когда хозяин уехал, я улучил минутку и отправился на него взглянуть.

– Там теперь кто-нибудь живет?

– Нет. Ведь перед тем, как покинуть Тимбукту и оповестить вас о смерти отца, я разломал все, что мог, чтобы никому не захотелось там поселиться.

– Думаешь, сокровища на месте?

– Наверняка, хозяин. Я сложил их в обитый железом сундук, сундук бросил в глубокий колодец, а колодец завалил песком и камнями.

– И большое наследство? – поинтересовался маркиз.

– Пятьсот либр золота и без счета драгоценных камней.

– Вижу, в Тимбукту богатеют быстро! – засмеялся де Сартен.

– Моему господину понадобилось на это семь лет, – сумрачно ответил Тасили.

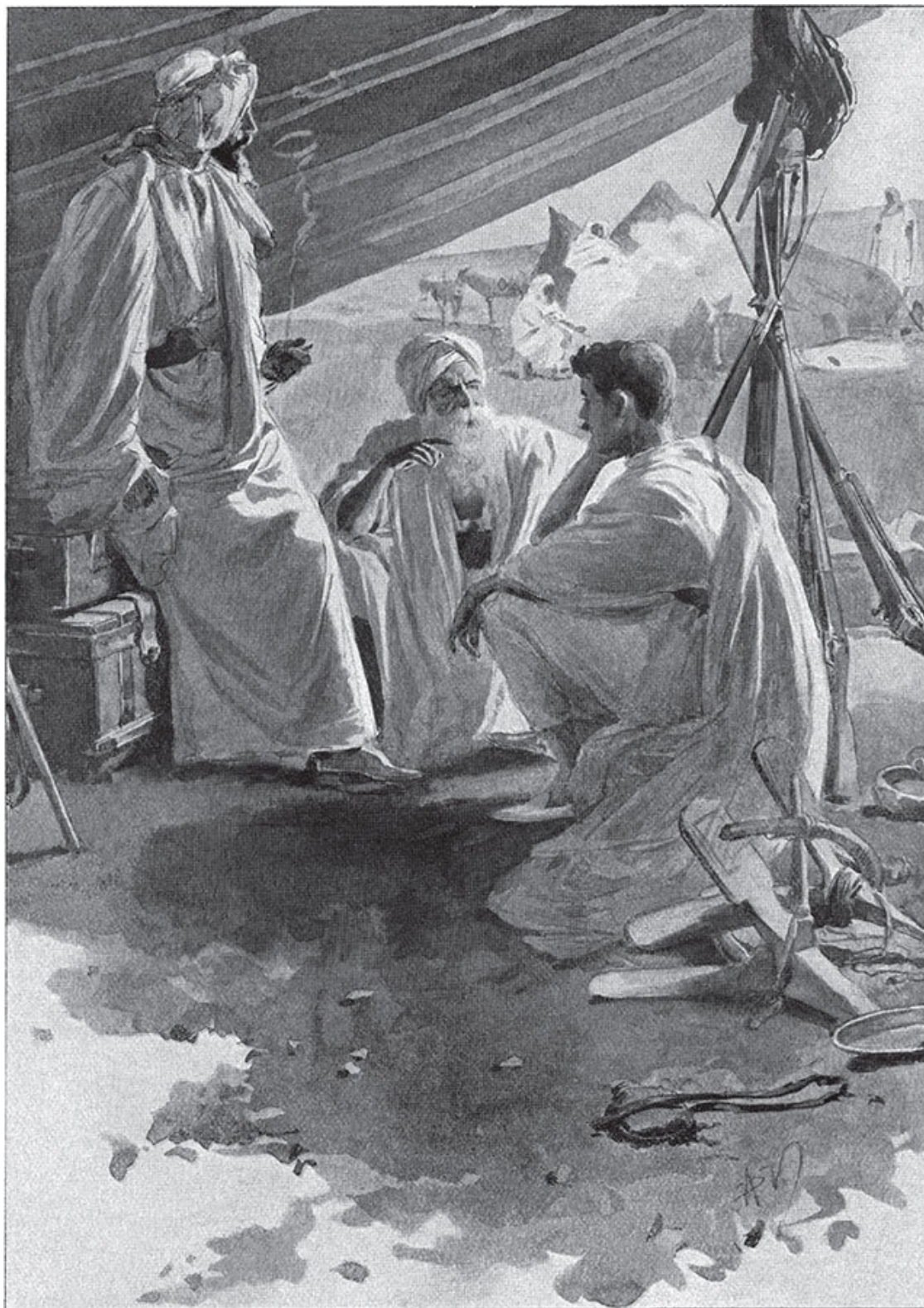
– Меня поражает такая верность. Другой на вашем месте завладел бы сокровищами и удрал в Новый Свет, вместо того чтобы спешить в Марокко к наследникам.

– Тасили – сам настоящее сокровище, – ответил Бен.

Старик только грустно улыбнулся.

– Маркиз, когда выезжаем? – спросил юноша.

– Нынче же ночью. Мне не терпится прибыть в Тимбукту и найти полковника. Жаль, что спасся лишь он один! Даже странно, что туареги никого больше не оставили в живых.

Маркиз и Бен проводили Тасили в палатку, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз.

– Видимо, остальные погибли в бою, – сказал вошедший Рокко, прерывая их беседу. – Ужин на столе, господа. Да какой! Пальчики оближете!

Чтобы достойно отпраздновать освобождение старика-мавра и радостные вести, принесенные Эль-Мелахом, сардинец и Эстер превзошли сами себя. Они опустошили мешки с припасами и даже сходили в соседние караваны купить масла, сахара, ячменя, сушеных фруктов, а также великолепного зайца, убитого в пустыне кем-то из арабов. Запахи из котелков доносились такие, что маркизу на миг показалось, будто он находится на родной Корсике или во Франции, а не на краю пустыни.

Ужин был великолепным. Ячмень, сваренный в молоке, баранье жаркое, заяц, тушенный в бордо, дрофа с травами, пирог с финиками, сушеные фрукты и апельсины в марсале. Вечер прошел весело, в компании караван-вожатых, приглашенных на чашечку кофе.

К одиннадцати вечера верблюды были навьючены и готовы отправиться в путь. В авангарде ехали на мехари маркиз и Бен. Уже через полчаса караван оставил оазис и углубился в пустыню.

К полудню следующего дня на горизонте показались минареты и купола мечетей Тимбукту, вызолоченные солнцем.

– Отныне говорим только по-арабски, – сказал де Сартену Бен. – Одно французское слово – и вы мертвец.

– Не беспокойтесь, Бен. Буду болтать по-арабски, как настоящий алжирец, и молиться, как ярый магометанин, – заверил юношу маркиз.

Тем не менее на сердце у де Сартена скребли кошки. Он решил, что в этом виновато волнение. Ведь ему предстояло войти в таинственный город, куда на протяжении целого столетия стремились отважные путешественники. Многие из них расстались с жизнью еще до того, как увидели вдалеке изломанную линию башен и минаретов.

Караван вошел в город через северные ворота. Кисуры, вооруженные огромными ятаганами, придававшими им разбойничий вид, и длинными кремневыми ружьями, спросили каждого, кто он и откуда, проверили груз. Убедившись, что верблюды навьючены товарами, пропустили караван внутрь, решив, что прибыли честные марокканские купцы, тогда как у европейцев и евреев кровь стыла в жилах. Возникни у стражников хоть тень подозрения насчет происхождения и веры прибывших, все было бы кончено. В Тимбукту не может ступить нога неверного, особенно – европейца.

– Куда теперь? – спросил маркиз у Эль-Хагара, когда Бена последним пропустили в ворота.

– Здесь есть караван-сарай, – предложил мавр.

– В караван-сарай мы будем чувствовать себя стесненно, – возразил Тасили. – Давайте разобьем лагерь в саду моего покойного хозяина. Дом стоит в руинах, что правда, то правда, но одна-две комнаты вполне сгодятся для жилья.

– Да-да, поедemте в дом моего отца, – горячо поддержал слугу Бен. – Очень хочется там побывать.

– К тому же вас ждут сокровища, – шепнул Тасили.

Протолкавшись через запруженные народом улицы, путешественники вслед за старым мавром направились к южным кварталам города. Это была самая малонаселенная и безлюдная часть Тимбукту. Именно она больше других пострадала от набегов: многие дома до сих пор стояли разрушенными.

Через час мавр остановился у саманного строения, увенчанного тремя высокими куполами. Крыша во многих местах обвалилась, в стенах зияли широкие трещины. За домом виднелся запущенный сад, в котором росли широколистные пальмы. Внешние стены сохранились прекрасно.

– Это и есть дом моего отца? – взволнованно спросил Бен.

– Да, господин, – кивнул Тасили.

Верблюдов завели в сад, оказавшийся достаточно просторным. Маркиз, Эстер, Бен и Тасили вступили в дом. Как и во всех богатых домах Тимбукту, в нем имелся внутренний дворик, по периметру которого располагалась аркада с кирпичными колоннами, а в центре – фонтан.

Комнат было четыре. Несмотря на полчища пауков и скорпионов, здесь вполне можно было остановиться. Бедуинам приказали перенести сундуки и тюки под колоннаду и выпроводить из дома непрошенных квартирантов, особенно скорпионов, чьи укусы могут быть смертельными.

– Пойдемте поглядим на колодец? – предложил маркиз.

– Главное, чтобы ни бедуины, ни Эль-Мелах с Эль-Хагаром не прознали, что там спрятаны сокровища, – предупредил осторожный мавр. – Они способны на вас донести, лишь бы завладеть богатством.

– Мы прекрасно знаем эту братию, – ответил маркиз. – Впрочем, пока нам не на что было пожаловаться. Вытащим сундук ночью, когда их не будет рядом.

Колодец, где Тасили схоронил богатства, нажитые покойным господином, находился в центре сада, между четырьмя великолепными дум-пальмами. Стенка колодца из того же саманного кирпича была низенькой, а диаметр чуть больше полуметра. Верный слуга набросал туда столько камней и песка, что они едва не доходили до верха.

– Сколько нам предстоит прокопать? – поинтересовался маркиз.

– Двенадцать метров.

– Да-а, эдакому хранилищу любой банк позавидует! Задача непростая, хотя награда стоит таких усилий. Во сколько вы оцениваете содержимое сундука?

– Два миллиона лир, господин.

– Видимо, придется поискать другой путь для возвращения в Марокко.

– Я тоже так считаю, – кивнул Бен. – Путешествовать по пустыне с таким богатством опасно.

– Хотите совет?

– Конечно, маркиз.

– Спустимся по Нигеру до Акассы. На реке полно лодок. Вам хватит одной.

– Но вы же поплывете с нами, маркиз? – спросил Бен, с улыбкой глядя на де Сартена.

– Разумеется, – ответил тот, поняв намек. – С вами и вашей сестрой.

– Эти богатства принадлежат как мне, так и ей, – продолжил Бен, – и под надзором двоих мужчин, выдержавших испытание пустыней и туарегами, у сундука куда больше шансов достичь моря.

– Мы защитим ваше наследство, Бен, клянусь.

– Я – свою долю, вы – долю моей сестры. Согласны?

– Тише! Не будем пока об этом.

Бен порывисто пожал руку де Сартена:

– Пусть наши мечты воплотятся в жизнь, и я тогда стану счастливейшим из мужчин, а Эстер – счастливейшей из женщин.

– Я люблю вашу сестру, – просто сказал маркиз. – Нас свела вместе сама судьба.

– И да свершится эта судьба! – с чувством воскликнул Бен.

Глава XXVI

Курбан-Байрам

Пока маркиз и его спутники строили планы, Эль-Мелах незаметно покинул дом почившего еврея и направился к невольничьему рынку, где рассчитывал застать своего сообщника-туарега. Ему не терпелось поскорее осуществить зловещие замыслы, прежде чем европейцы и их друзья о чем-то догадаются.

Вроде бы все просто: оповестить командира кисуров – и неверных тут же арестуют. Они никогда не выйдут живыми из Тимбукту, а ты получишь обещанную награду. Однако Эль-Мелах не хотел, чтобы схватили Эстер. На девушку у него имелись собственные виды. Значит, надо было придумать, как выманить европейцев и Бена из дому.

– Амр что-нибудь присоветует, – решил предатель. – Как-никак он не меньше моего заинтересован, чтобы француз замолчал навсегда. Иначе его племени не миновать кары. Да и мне тоже, стоит только маркизу хотя бы заподозрить, кто расправился с экспедицией Флаттерса.

Бормоча все это себе под нос, негодяй добрался до пустынной в этот поздний час площадки. Амр-эль-Бекр был там: лежал под навесом с трубкой в зубах. Перед ним стояла чашечка кофе. Неподалеку сидели его люди, курили и болтали.

– Ага! Ты уже вернулся! – воскликнул туареж, заметив Эль-Мелаха.

– Мы все вернулись, – ответил тот.

– Значит, пора доносить на неверных страже? – Черные глаза главаря жадно блеснули.

– Не торопись, дружище. Говорю ж тебе, я не хочу, чтобы арестовали женщину.

– Можно столковаться с командиром кисуров, и неверным позволят проникнуть во дворец.

– А дальше?

– Дальше? Вместо полковника они найдут стражников, – коварно ухмыльнулся туареж. – Ну и меня с моими молодцами.

– Тогда я в это время захвачу женщину.

– Сколько людей тебе понадобится?

– Четверых хватит. Бедуинов, что сторожат верблюдов, я куда-нибудь спроважу.

Пожав друг другу руки, разбойники разошлись.

Полчаса спустя Эль-Мелах предстал перед маркизом и заявил:

– Господин, пока вы тут обустраивались, я не тратил времени зря.

– И какие же новости ты мне принес?

– Насчет полковника. Разве вы не заметили моего отсутствия?

– Нет, Эль-Мелах.

– Завтра, во время церемонии ид-аль-адха, вы сможете его увидеть, а то и освободить.

– Невероятно!

– Я договорился обо всем со своим приятелем. Тот пришлет важного человека, который проведет нас в султанский дворец. Воспользовавшись отсутствием кисуров, а потому ничем не рискуя, вы освободите полковника. Сегодня вечером его предупредят, чтобы был наготове.

– Ты говоришь правду, Эль-Мелах? – спросил маркиз, едва сдерживая радость.

– Тот человек – мой хороший друг, ему можно верить.

– И во дворце не будет стражи?

– Нет. Она должна участвовать в религиозном празднике.

– Завтра начинается Курбан-байрам, или, как здесь его называют, ид-аль-адха?

– Совершенно верно, господин. В Тимбукту его празднуют с не меньшим размахом, чем в Фесе или Мазагане. Однако позвольте совет.

– Какой же?

– Не берите с собой сестру господина Бена. Присутствие женщины вас выдаст.

– Я и не собирался подвергать ее такому риску. Не беспокойся, она останется под охраной Тасили и бедуинов.

– Меж тем Тасили может вам пригодиться в вылазке, – сказал Эль-Мелак, которому присутствие верного мавра было поперек горла.

– Какая польза от старика? – усомнился маркиз. – Ко всему прочему я не доверяю бедуинам.

– Воля ваша, – ответил Эль-Мелак, искусно скрывая досаду.

На следующий день после завтрака маркиз, Бен, Рокко, Эль-Хагар и Эль-Мелак покинули дом. Как же хотелось храброй девушке тоже поучаствовать в опасной вылазке и сразаться бок о бок с де Сартеном и братом!

Эль-Мелак повел всех к невольничьему рынку, где их должны были ждать. Негодяй совершенно утратил покой. Вероятно, испытывал угрызения совести: даже его черной душе предательство тех, кто спас тебе жизнь, представлялось неслыханным злодеянием. Он избегал встречаться глазами с маркизом, отвечал на вопросы односложно и старательно прикрывал лицо капюшоном, чтобы никто не увидел его бледности и трясущихся губ.

Чем ближе они подходили к центру Тимбукту, тем оживленнее становились улицы. Фульбе, арабы, туареги и прочие спешили к широкой площади перед главной мечетью, куда должен был явиться султан со свитой.

Люди надели лучшие одежды. Широкополые бурнусы – белые, полосатые, с украшенными кисточками капюшонами; шелковые чалмы; алые рубахи, расшитые золотом и серебром; желтые и коричневые кожаные ремни, увешанные оружием; кушаки, сверкающие блестками и золотой чешуей.

Когда небольшой отряд добрался до рынка, на площади яблоку негде было упасть. К мечети они даже приблизиться не могли. К ним почти сразу подошел богато одетый человек в полосатом шелковом узроце, златотканом халате и красных остроносых сапогах.

– Полагаю, ты тот самый, кого я жду. Твое имя Эль-Мелак? – спросил незнакомец.

– Да.

– Меня прислал твой друг.

Эль-Мелак бросил быстрый взгляд под навес и сразу заметил Амр-эль-Бекра, прячущегося между колоннами. «Ну и хитрец!» – подумал Эль-Мелак.

– Идите за мной, – скомандовал сообщник туарега.

– Погоди-ка, – сказал маркиз, выходя вперед. – Сними повязку. Я хочу увидеть твоё лицо.

Араб – а человек казался именно арабом – сдвинул повязку, которой обычно прикрывают лица жители Южной Сахары. Это был молодой еще человек, светлокожий, с яркими черными глазками-пуговками.

– Кто ты? – спросил де Сартен.

– Знатный вельможа, вхожий во дворец султана.

– Ты знаешь рабов, живущих при дворе?

– Да.

– Не встречал ли ты среди них белого?

– Лишь однажды. Его почти никогда не выпускают из султанских покоев.

– Тебе известно, кто он?

– Говорят, французский полковник.

– И ты утверждаешь, что я смогу с ним встретиться? – взволнованно воскликнул де Сартен.

– Даже похитить, если заблагорассудится. Нынче во дворце нет ни султана, ни стражи.

– Если у нас все получится, я дам тебе тысячу золотых монет.

– Приму с благодарностью.

– Когда же я увижусь с полковником?

– Немного позже. Подождем, пока султан с придворными прибудут в мечеть. А сейчас вы можете полюбоваться церемонией.

– Да будет так, – кивнул маркиз.

Араб, быстро переглянувшись с Эль-Мелахом, повел друзей в боковую, почти пустынную улочку. Попетляв немного, они вышли на широкую площадь с большой мечетью, окруженной высокой стеной с четырьмя тонкими изящными минаретами.

Площадь была запружена народом. Оставался только узкий проход, по которому должен был прошествовать султан с придворными. Внезапно оглушительно загрохотали нагары – барабаны, объявляя о приближении кортежа.

Впереди ехали черные как ночь красавцы-кисуры в белоснежных развевающихся уазроцах, разноцветных чалмах, зеленых парчовых кафтанах, красных шароварах и высоких сапогах с длинными шпорами. Они гарцевали на чистокровных арабских лошадях, потрясая кремневыми ружьями и копьями. На широких шелковых кушаках висели сверкающие на солнце изогнутые ятаганы.

За стражниками торжественно вышагивали барабанщики и трубачи в таких же пышных нарядах; за музыкантами – мулаты в разноцветных кафтанах и белых бурнусах; за мулатами – одетые по-мароккански босоногие воины в красных фесках, алых рубахах с широкими вышитыми рукавами, подпоясанные кожаными ремнями.

Султан ехал позади на великолепном белом жеребце в турецкой сбруе, узорчатом чепраке с кисточками и короткими стремянами. Рядом бежали рабы. Одни держали над головой султана огромные зонтики, другие обмахивали его шелковыми опахалами.

На султана был белый уазроц. Лицо скрывала повязка, из-под которой виднелись только живые черные глаза. За правителем следовали все прочие: солдаты, военачальники, придворные, улемы, муллы и целая толпа марабутов.

Едва кортеж вступил в мечеть, на вершине широкой лестницы появился имам, за которым громадный полуголый негр вел крупного барана.

– Для чего им баран? – поинтересовался де Сартен.

– Вы никогда прежде не видели Курбан-байрама? – спросил Бен.

– Нет.

– И не знаете, что означает это название?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Курбан-байрам – праздник жертвоприношения.

– Почему он так называется?

– Сегодня во всех магометанских домах режут баранов и пируют. Праздник продлится восемь дней.

– А у него есть религиозная подоплека?

– Кажется, есть, но тут все так запутанно, что даже имамы не могут ничего толком объяснить. Вроде бы праздник устраивается в память о жертвоприношении Исаака Авраамом... Смотрите внимательно, сейчас начнется. Этот баран предназначен для султанского стола.

Имам умело перерезал глотку несчастному животному и взвалил тушу на спину чернокожего геркулеса. Негр побежал. Толпа принялась вопить и швырять в беднягу камнями.

– А это зачем? – изумленно спросил маркиз.

– Чтобы бежал быстрее, – ответил Бен. – От быстроты его ног зависит судьба султаната.

– Что за басни?

– Не басни, а чистая правда. Негр должен успеть принести барана во дворец до того, как мясо застынет. Лучше всего – кровотоющим.

– А если опоздает?

– Дурное предзнаменование для султана и для подданных. Но не волнуйтесь, негр придет вовремя, иначе его самого забьют камнями. Идемте, маркиз. Не будем ждать, когда султан вернется во дворец.

И действительно, араб уже делал им нетерпеливые знаки.

Протолкавшись сквозь толпу, маленький отряд свернул в боковую улочку, где стояли только верблюды и ослы. Не успели они пройти десяти шагов, как Рокко, шедший последним, обнаружил, что кое-кого не хватает.

– Хозяин, – сказал он, нагнав маркиза, – Эль-Мелах исчез.

– Странно, только что был здесь, – удивился де Сартен.

– И я его сейчас видел, – подтвердил Бен. – Куда же он подевался?

– Мы наверняка встретимся с ним у дворца, – сказал маркиз. – Эль-Мелах знает Тимбукту и не заблудится.

Ничего не подозревая, а потому не беспокоясь об отсутствии подлеца, они продолжили путь. Миновали заполненную туарегами площадь, прошли еще несколько улиц и оказались перед Касбой²⁵, где жил султан.

Дворец был выстроен в мавританском стиле: с многочисленными портиками, куполами, террасами и изящными резными башенками. По бокам располагались два одноэтажных строения с окнами на высоте двух метров. Лишь перед главным входом скучали двое кисуров-стражников. Остальные двери и ворота были просто закрыты.

– Где держат полковника? – спросил де Сартен, на лице которого читалось сильное волнение.

Араб ткнул пальцем в строение, увенчанное минаретом, на котором сидел марабут: то ли молился, то ли любовался панорамой Тимбукту.

– Там.

– Дверь закрыта.

– Зато окно открыто, – заметил Бен.

– Полезем в окно?

– Почему нет?

– А скажи-ка нам, любезный, полковник будет один?

– Конечно. Ведь его предупредили.

– Тогда идемте! – воскликнул маркиз, бросаясь вперед.

Площадь перед дворцом была пустынной. Некому было остановить маленький отряд. Перебежав ее, они приготовили револьверы и кинжалы, затем подобралась к приоткрытому окну. Маркиз уже хотел подпрыгнуть и забраться внутрь, но что-то его остановило. Обернувшись, он спросил:

– Эль-Мелах не объявился?

– Нет, – ответил Бен, бросив взгляд на площадь, затененную пальмами.

– Неужели остался в мечети? А, ладно. И без него справимся.

Рокко посадил маркиза, тот ловко взобрался на подоконник и с револьвером в руке спрыгнул вниз.

Жалюзи были приспущены. Внутри царил полумрак, и после яркого солнца маркиз ничего не мог разглядеть. Когда глаза привыкли, он понял, что находится в комнате с красивым мозаичным полом и стенами, обитыми цветастой тканью. Повсюду стояли красные сафьяновые диваны, а посередине журчал фонтанчик. От воды веяло прохладой.

Вслед за маркизом внутрь забрались Бен и Рокко.

– Где полковник? – спросил юноша.

– Здесь, – ответил кто-то по-французски.

²⁵ Касба – арабское название цитадели.

Занавеси в стене раздвинулись, и в дверях показался высокий человек в белом плаще. Чалма совершенно скрывала его лицо. Маркиз собирался было броситься ему навстречу и обнять, но тут снаружи донесся вопль Эль-Хагара:

– Предательство! Кисуры!

Грянул выстрел, за которым последовал крик боли. Человек, которого маркиз принял за полковника, сбросил плащ, выхватил ятаган и приказал:

– Сдавайтесь!

Оба европейца и еврей стояли, будто пригвожденные к месту, даже не помышляя о бегстве. Впрочем, бежать было поздно: снаружи доносился визг султанских кисуров.

Первым пришел в себя Рокко. Он в ярости кинулся на «полковника»:

– Получай, каналья!

Сардинец выстрелил. Обе пули попали в грудь противника, и тот упал. Рокко подтолкнул маркиза и Бена к маленькой дверке, обнаружившейся в углу:

– Туда!

Тут в комнату повалили улюлюкающие кисуры с ружьями и ятаганами. Беглецы поскорее захлопнули за собой дверь. Перед ними была лестница. Они бросились вверх, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Узкий винтовой подъем привел на вершину правого минарета, который они видели, рассматривая здание с площади.

Минареты магометанских мечетей представляют собой высокие башни. В этой было около тридцати метров. Венчал ее круглый купол, под которым султанский муэдзин молился по утрам и вечерам.

Беглецам повезло. Будь лесенка внешней, а не внутренней, их бы застрелила стража, уже толпившаяся на площади. Добравшись до вершины, они обнаружили, что марабут до сих пор не спустился. Святой человек, увидев перед собой троих вооруженных револьверами и кинжалами мужчин, пал на колени и возопил:

– Смилуйтесь! Я всего лишь скромный слуга Аллаха! Не убивайте меня!

– Тысяча чертей! – воскликнул маркиз. – Только тебя нам не хватало.

– Вот именно, – сказал Бен. – Возьмем его в заложники.

– Что надо делать? – спросил Рокко.

– Свяжи его и положи в сторонке.

Сардинец сорвал с себя красный шерстяной кушак и крепко связал им несчастного марабута. Полумертвый от страха, он даже не пытался сопротивляться.

Маркиз с Беном осторожно приблизились к парапету. Внизу собралось не меньше пятидесяти кисуров с кремневыми ружьями, копьями, кинжалами и саблями. Стражники что-то угрожающе кричали. Под окном лежал человек с пробитой головой: тот самый араб, что привел их сюда, пообещав встречу с полковником Флаттерсом.

– Думаю, его убил Эль-Хагар, – предположил Бен.

– Не знаю. Впрочем, пока это не важно, – отозвался маркиз. – Подумаем лучше, как спасти собственные головы.

– Хозяин, – позвал Рокко, – они идут.

– Кисуры?

– Они самые, хозяин. Выломали дверь.

– А те, что на площади, взяли ружья на изготовку, – отметил Бен. – Нас увидели.

– Рокко, бери марабута в охапку и кричи, что сбросишь его вниз.

– Уже беру, хозяин!

Геркулес схватил святого, хнычущего так, что разжалобился бы и дикий зверь, и поднял его над парапетом на вытянутых руках.

– Один выстрел, и мы сбросим марабута! – крикнул маркиз.

– Поберегите головы! – добавил Рокко. – Если святоша шмякнется о землю, уверяю, сам Магомет его не спасет.

Глава XXVII

Гнусное предательство

Когда маркиз и его товарищи пошли вслед за арабом, Эль-Мелах, воспользовавшись суматохой, вызванной прибытием султанского кортежа, ловко затерялся в толпе.

Подлец был уверен, что никогда больше не встретит ни маркиза, ни страшного Рокко. Он поспешил напрямик на невольничий рынок, где его должны были ждать четверо туарегов, отряженных Амром ему в помощь. Прекрасно зная все улицы и переулки Тимбукту, Эль-Мелах в два счета добрался до места и шмыгнул под навесы, прикрывавшие площадь.

Амр-эль-Бекр все еще сидел за колонной. Щелястый навес плохо защищал от палящего солнца, однако главарь шайки, несмотря на жару, был в войлочном бурнусе. В нескольких шагах от него на земле растянулись четверо туарегов с длинными зазубренными копьями и тоже закутанные в плащи.

– Ну как? Отделался от кафиров? – спросил Амр.

– Да.

– И они не заметили?

– Нет. Во все глаза таращились на процессию.

– Во дворце их уже ждут.

– Можно ли доверять твоему посланцу? Маркиз, похоже, богат что твой султан. Вдруг он подкупит араба?

– Мюли-эль-Хасан – правоверный магометанин, кафиру его не подкупить. Не бойся, Эль-Мелах.

– Они будут защищаться как львы. Один этот их Рокко стоит двадцати.

– Султанские кисуры – отважны и многочисленны, справятся. Хватит болтать, забирай людей и действуй. Я же потопаю во дворец за положенной наградой. – Амр поднялся и кивнул четверым туарегам на Эль-Мелаха. – Защищайте его и помогайте ему во всем. Он мой друг.

Спрятав в складках бурнуса кисет с кифом, он гордо удалился.

Эль-Мелах несколько секунд простоял в задумчивости, потом пожал плечами и пробормотал, словно уговаривая себя:

– Как ни крути, они – кафиры, а я – правоверный мусульманин.

Махнул туарегам, чтобы следовали за ним, и покинул рыночную площадь, направившись к южным кварталам города.

Он шагал торопливо, понунив голову и нахмутив брови. Время от времени останавливался и оглядывался, словно опасался увидеть маркиза, затем шел дальше, еще ускоряя шаг. Полчаса спустя показался дом старого еврея.

Калитка в сад была приоткрыта. У колодца сидели бедуины с Тасили и завтракали. Эль-Мелах сделал туарегам знак задержаться:

– Спрячьтесь за стеной и ждите моего сигнала. Войдете, только если я свистну. Знаете, как свистят погонщики верблюдов? Оружие держите наготове.

Разбойники притаились за грудой камней, положив рядом с собой копья и ятаганы. Эль-Мелах, помедлив немного, вбежал во двор с криком:

– Тасили! Тасили!

Старик, услышав его вопли, вскочил на ноги, перевернув один из котелков:

– Что-то с моим господином?

– С ним все в порядке. Все живы-здоровы и спасли полковника.

– Где же они?

– Прячутся в доме моего друга.

– Слава Аллаху! Побегу расскажу госпоже Эстер.

– Не торопись, – удержал его Эль-Мелах. – Твой хозяин прислал меня за тобой и бедуинами. Хозяйка должна остаться в доме, чтобы не подвергаться опасности.

– Бедуины пусть идут. Молодую хозяйку я не оставляю, – решительно заявил Тасили. – Я должен охранять госпожу Эстер.

– Но тебя требует к себе Бен.

– А ты чем займешься?

– Останусь здесь и присмотрю за твоей госпожой.

– Нет-нет, никуда я не пойду! Хозяин взял с меня клятву, что я ни под каким видом не оставлю его сестру.

В глазах Эль-Мелаха сверкнула ярость. Поняв, что упрямого старика не переубедить, он притворился, будто сдаётся:

– Будь по-твоему. Останемся на страже вдвоем. Пусть бедуины идут одни.

– И куда же?

– На невольничий рынок. Там их встретит Рокко и проводит в дом моего друга.

– Хозяину грозит опасность?

– Пока нет, но они с маркизом хотят собрать всех своих людей, чтобы в случае чего противостоять кисурам.

Тасили вроде бы внял доводам предателя и обратился к бедуинам:

– Вы знаете город?

– Знаем, – хором ответили те.

– Вы всё слышали? На рыночной площади вас ждет Рокко. Берите оружие и идите.

Сыны пустыни сунули за пояса ятаганы и инкрустированные серебром пистолеты, схватили мушкеты и бегом покинули двор.

– Где госпожа Эстер? – спросил Эль-Мелах.

– В своей комнате.

– Проводи меня к ней. Я должен передать ей послание маркиза.

– Иди за мной.

Старый мавр, ни о чем не подозревая, пересек сад, вошел во внутренний дворик и направился к колоннаде. Эль-Мелах следовал за ним по пятам, мрачно глядя ему в спину. Внезапно одним плавным движением он сбросил плащ, тигром прыгнул на Тасили и сдавил ему горло, чтобы тот не закричал. Нападение было столь яростным, что оба покатались по мозаичному полу.

Несмотря на то что негодяй застал мавра врасплох, тот сумел вывернуться и попытался в свою очередь схватить противника за шею. Мавр был еще силен и крепок, однако враг его оказался сильнее и, как обезьяна, ловок. Тасили сумел было встать на колени, но Эль-Мелах вновь повалил его на каменный пол. Из рассеченного лба мавра потекла кровь, заливая глаза.

– Сдавайся, – прошипел Эль-Мелах, приставив к груди Тасили кинжал. – Только пикнешь – и я тебя прирежу.

– Убей меня, но пощади мою госпожу...

– Убивать такую красотку? Еще чего! – Эль-Мелах глумливо ухмыльнулся. – Султан заплатит мне за нее золотом.

– Подлец! – крикнул старик и попробовал выбить кинжал из руки предателя.

Эль-Мелах взмахнул клинком и вонзил его в грудь Тасили. Верный мавр осел на землю. Бросив последний мутный взгляд на свою жертву, убийца вбежал в дом, сжимая в руке окровавленный кинжал.

В этот миг дверь одной из комнат открылась и в коридоре показалась Эстер. Волосы у нее были распущены, словно шум застал ее за утренним туалетом. Увидев встрепанного Эль-Мелаха с кинжалом в руке, девушка сразу поняла, что ей грозит опасность.

– Что с тобой? – спросила она, пятясь обратно в комнату. – Почему у тебя такое лицо и зачем тебе кинжал? Где мой брат? Где маркиз?

Эль-Мелах молчал, пожирая девушку горящим взглядом. Сообразив, что продолжает сжимать в руке кинжал, он с ужасом его отшвырнул.

– Чего тебе, Эль-Мелах? – властным голосом повторила Эстер.

– Ваш брат попросил меня проводить вас к нему, – пробормотал тот наконец.

– Где он?

– Прячется в надежном месте.

– Лжешь!

– Вовсе нет.

– Ты убил кого-то. Где Тасили? Где бедуины?

– Они уже ушли. Мы с вами одни. Понимаете меня? – Эль-Мелах шагнул вперед.

– Я осталась одна? – воскликнула девушка. – Эль-Мелах, ради бога, скажи, что происходит? Они спасли полковника?

– Кого? Флаттерса? – захохотал негодяй. – И вы поверили? Знаете, где сейчас высушенная голова этого француза? Украшает шатер вождя туарегов Амр-эль-Бекра. Того самого, которого мы повстречали у оазиса марабутов.

– Ты меня обманываешь...

– Нет, госпожа. А хотите знать, кто убил полковника Флаттерса и капитана Массона? Кто их предал? Один проводник по имени Аль-Абьяд. Потом его звали Шебби, а теперь – Эль-Мелахом. Это я отравил своего подельника Башира в тюрьме Бискры, чтобы он ничего не разболтал. Однако мы с Амр-эль-Бекром все еще живы.

Услышав это неожиданное признание, Эстер не сдержала крик ужаса.

Эль-Мелах, караванщик, спасенный маркизом, оказался Шебби, которого де Сартен надеялся разыскать. Тем самым Аль-Абьядом, что вместе с Баширом послужил причиной гибели экспедиции Флаттерса!

– А теперь ты предал моего брата и маркиза! – Эстер разрыдалась.

– Не столько я, сколько храбрый Амр-эль-Бекр.

– Убирайся прочь! Тасили, на помощь!

– Тасили тебе не поможет, красавица, – усмехнулся Эль-Мелах.

– Ты убил его! – ахнула девушка, пятясь к стене.

– Надеюсь. Хотя не поручусь наверняка.

Эстер огляделась, ища оружие. Заметив отброшенный предателем кинжал, она дико закричала и кинулась к нему. Аль-Абьяд молниеносно метнулся к ней, ухватил поперек талии и потащил к выходу.

– Спасите! На помощь! – кричала девушка, яростно сопротивляясь.

– Никто вас не услышит! – прорычал Аль-Абьяд, сжимая ее все крепче, чтобы не вырвалась. – Лучше смиритесь, ведь вы предназначены самому султану... Он дорого за вас заплатит... Да, очень дорого!

– Это тебе плата за предательство! – произнес вошедший.

– Помогите! – вновь крикнула Эстер и вдруг впилась зубами в шею негодяя.

– Ради всех гурий рая! – завопил Аль-Абьяд, чувствуя, как по груди течет кровь. – Вот ведь гадюка! Ко мне, туареги!

В комнату вбежал какой-то человек и бросился на Аль-Абьяда. Что-то сверкнуло и вонзилось между лопатками подлеца.

– Это тебе плата за предательство! – произнес вошедший.

Руки Аль-Абьяда разжались, выпуская девушку. Он сделал несколько неуверенных шагов к двери, покачнулся, его глаза закатились, изо рта хлынула кровь. Аль-Абьяд с глухим стоном рухнул на пол.

Глава XXVIII

Клинок Эль-Хагара

Эль-Хагар чудом спасся от султанской стражи. Когда маркиз, Бен и Рокко, которым не терпелось увидеть полковника, забрались в окно, мавра словно что-то кольнуло. Он задержался и сказал арабу:

– Лезь. Я – за тобой.

– Нет, – отказался тот. – Я останусь на страже.

Ответ этот весьма не понравился мавру. Его недоверие возросло.

– Лезь, тебе говорят. Я пойду последним.

Вместо того чтобы подчиниться, араб поднес к губам пальцы, как будто собирался свистнуть. Вдруг из домов, выходящих на площадь, показались стражники. Именно в этот миг Эль-Хагар закричал: «Предательство!..»

Араб потянулся было за ятаганом, но мавр выстрелил в него из револьвера, убив наповал. Как ветер бросился он через площадь и скрылся в хитросплетении улочек Тимбукту.

Зная, что за ним пошлют погоню, Эль-Хагар, вместо того чтобы бежать сломя голову, перемахнул через стену какого-то сада и нырнул в кусты. Вовремя! Не успел он спрятаться, как по проулку затопали сапоги кисуров.

Наконец шум утих. Эль-Хагар выбрался из своего убежища, перелез через забор на другую улочку и задами добрался до южных кварталов города. Помня об обещании, данном маркизу, рассказать Эстер о результатах вылазки, мавр сразу побежал к девушке.

– Какой ужасный удар для молодой госпожи, – бормотал он, чувствуя, как сжимается от жалости сердце. – Теперь разве что чудо может спасти маркиза, Бена и Рокко. Кто же нас предал? Кто?..

И тут мавр все понял:

– Эль-Мелах! Кроме него, некому. Это он привел нас к тому арабу, это его дьявольский план. А подозрительное исчезновение? Клянусь Аллахом, он дорого мне заплатит. Погоди-ка, Эль-Хагар, что, если госпожа Эстер тоже в опасности?

Он ускорил бег. В голове роились тысячи страшных мыслей. Мавр боялся, что опоздал.

Приблизившись к дому старого еврея, он обошел его кругом, но не увидел ничего подозрительного. Входная дверь была заперта, в точности как утром, когда они уходили. Вздыхнув с облегчением, Эль-Хагар свернул за угол к калитке, но тут заметил мелькнувшую за кучей камней чалму.

– Кто-то там прячется, – сказал себе мавр. – Кто же? Неужели кисуры?

Немного помедлив, он взял револьвер в левую руку, кинжал – в правую и пинком распахнул калитку. В саду оставалось все по-прежнему, ни малейшего следа драки или боя. Верблюды дремали, на костре рядом с колодцем кипел котелок.

– Никого! – Эль-Хагар побледнел. – Где же Тасили и мои бедуины? Где госпожа Эстер?

И тут из внутреннего двора до него донеслись голоса.

– Они там, – решил мавр.

Стоило ему подбежать к колоннаде, его взору открылась жуткая картина: на полу, скрючившись и прижав руки к груди, лежал в луже крови Тасили.

– Проклятый убийца! – воскликнул мавр, нагибаясь над стариком.

– Тасили, на помощь! – послышался из дома голос Эстер.

Эль-Хагар не был трусом. Не зная, сколько противников может ожидать его внутри, он поспешил на помощь девушке. Миновав две комнаты, в третьей он увидел Эль-Мелаха, тащившего брыкающуюся Эстер. Мавр все понял. Он взялся было за револьвер, но побоялся ранить Эстер. Тогда рубанул ятаганом, вонзив клинок между лопатками предателя.

Удар был так силен, что лезвие перерубило позвоночник Эль-Мелаха. Убийца полковника Флаттерса умер.

Как только он упал, Эстер бросилась на шею Эль-Хагару, еще сжимающему в руке ятаган.

– Благодарите Аллаха, что он прислал меня вовремя, госпожа, – сказал мавр. – Я сумел спасти вас и отомстить за маркиза и вашего брата. Этот шелудивый пес Эль-Мелак всех нас продал султану.

– Где маркиз и Бен? – придушенно всхлипнула Эстер.

– Боюсь, мы больше их не увидим, – с грустью ответил Эль-Хагар.

– О Господь всемогущий! – Девушка закрыла лицо руками.

– Я не знаю, были ли они взяты в плен, поскольку бежал, чтобы предупредить вас, и не видел, как кисуры захватили павильон.

– Расскажи мне, о Эль-Хагар! Я хочу знать все.

Мавр кратко поведал о том, что произошло в городе и у султанского дворца.

– Эль-Хагар, – с неожиданным напором произнесла Эстер, – идем туда. Где бедуины и Тасили?

– Первых, кажется, шайтаны взяли, а вашего слугу убил Эль-Мелак.

– Тасили мертв! – с болью в голосе прошептала Эстер.

– Пойдемте, сами поглядите, если вам достанет смелости.

– Достанет, Эль-Хагар.

Они уже покидали комнату, когда мавр остановился и предложил:

– Возьмите оружие, госпожа. Я видел людей, прячущихся под стеной сада.

– Кисуры?

– Или сообщники Эль-Мелаха.

– У меня есть карабин и револьвер.

Девушка вернулась, быстро заплела косы, надела первую попавшуюся кофту, набросила на плечи хайек с капюшоном и, прихватив оружие, вышла вслед за мавром во двор.

– Мой несчастный Тасили! – простонала девушка, склоняясь над старым слугой своего отца.

– Он мертв, госпожа. Кинжал предателя попал точно в сердце.

– Подлый негодяй!

Она бережно подняла голову старого мавра, несколько секунд смотрела ему в лицо, словно надеясь заметить признаки жизни, потом опустила на пол.

– Прощай, мой верный Тасили. Мы достойно похороним тебя.

– Идемте, госпожа, – Эль-Хагар мягко, но решительно потянул ее за руку.

Они вышли в сад. Мавр оседлал коня и осла, помог Эстер сесть в седло, потом направил ослика к калитке.

– Осторожно, госпожа, – предупредил он, снимая с плеча длинное марокканское ружье и заряжая его. – Люди, о которых я вам говорил, притаились вон за той грудой камней.

– Хочешь на них напасть?

– Они могут проследить за нами или, воспользовавшись нашим отсутствием, обокрасть дом и увести верблюдов. О, вот и бедуины!

Из-за угла вынырнули двое сынов пустыни с мушкетами в руках. Увидев Эль-Хагара, они ускорили шаг.

– Госпожа, мы никого не нашли на площади, – сказал один.

– А зачем вы туда ходили? – удивилась Эстер.

– Эль-Мелак послал. Сказал, что слуга маркиза будет нас там ждать.

– Теперь мне все ясно, – произнес Эль-Хагар. – Подлец услали их, чтобы напасть на Тасили и похитить вас, госпожа. Слушайте меня. За той кучей камней прячутся люди.

– Что мы должны делать? – спросил первый бедуин.

– Мы никого не боимся, – добавил второй.

– Следуйте за нами, – приказала Эстер, сжимая американский карабин.

Пришпорив лошадь, она решительно двинулась к каменной груде. Бедуины начали обходить ее справа и слева.

Туареги были спокойны, поскольку так и не дождались от Эль-Мелаха условленного сигнала. Увидев четверых человек с огнестрельным оружием, они вскочили и выставили вперед свои копья.

– Что вы здесь делаете? – грозно спросил Эль-Хагар.

– Ждем своего знакомого, живущего в этом доме, – ответил один.

– Не Эль-Мелаха, часом?

– Аль-Абьяда. Ну или Эль-Мелаха, если вам так больше нравится.

– Вы ему больше не нужны, – сказала Эстер.

Туареги в нерешительности переглянулись.

– Уходите, – потребовал Эль-Хагар.

– Куда? – спросил все тот же туарег.

– Эль-Мелах поехал в Кабару.

Туареги зашептались. Потом, сообразив, что сила не на их стороне, подняли свои копья и удрали. Разбойники, похоже, обрадовались, что легко отделались.

– Вы, – приказал Эль-Хагар бедуинам, – останетесь сторожить верблюдов и вещи. Ждите нашего возвращения.

Бедуины вошли в сад и заперли за собой калитку.

– А теперь, госпожа, – продолжил мавр, – опустите пониже капюшон, чтобы никто не догадался, что вы – женщина, завернитесь поплотнее в плащ и следуйте за мной.

– Поедем к Касбе? – дрожащим голосом спросила Эстер.

– Да. Четверть часа – и мы там.

Понукая лошадь и осла, они поскакали к центру города, выбирая безлюдные улицы. В Тимбукту пришел праздник жертвоприношения, народ сидел по домам, и навстречу попадались разве что жалкие негры, которые ничем не могли им помешать. Тем не менее Эль-Хагар тоже надвинул капюшон, пряча лицо, хотя и был уверен, что кисуры толком его не разглядели.

До дворца оставалось каких-нибудь пять сотен шагов, когда с той стороны грянул пушечный выстрел.

– Артиллерия! – воскликнул Эль-Хагар. – Беда, госпожа, беда!

– Почему? – Эстер побледнела и прижала руку к сердцу.

– Видимо, маркиз с товарищами укрылся в минарете.

– Ты думаешь, что... – Девушка не нашла сил закончить фразу.

– Что кисуры обстреливают минарет из пушек, чтобы вынудить их сдаться.

– Господи, что же делать?

– Смелее, госпожа. Вперед!

И он ударил осла пятками, заставляя перейти в галоп. Через несколько минут они с Эстер выехали на дворцовую площадь. Бой был уже окончен. Десяток зевак торчали под окнами павильона, разглядывая лужу крови. Кисуров нигде видно не было.

Эль-Хагар посмотрел на минарет и заметил, что один из углов разрушен. Скорее всего, туда угодил внушительный снаряд.

– Госпожа, их взяли, – дрогнувшим голосом произнес он.

Эстер пошатнулась и упала бы с лошади, если бы мавр ее не поддержал.

– Осторожнее, госпожа. Если мы навлечем подозрения, нас тоже схватят.

– Ты прав, Эль-Хагар, – ответила девушка, борясь с подступившей дурнотой. – Мне следует быть сильной. Попробуй выяснить, что именно здесь произошло. Ах, мой бедный Бен! Несчастный маркиз!

Мавр, заметив седобородого старца, бредущего по площади, подъехал к нему:

– Что тут случилось, добрый человек? Никак, мятеж? Я слышал пушечную пальбу.

Старик подозрительно взглянул на мавра и остановился. С виду ему было под семьдесят. Высохшее лицо избороздили морщины, нос напоминал клюв коршуна, но глаза оставались черными и очень подвижными. Судя по слишком светлой коже, он не был ни арабом, ни фульбе, ни мавром.

– А вы разве не знаете? – наконец произнес незнакомец. – Схватили двух белых и одного еврея.

Последнее слово он произнес с такой грустью, что у Эль-Хагара сжалось сердце.

– И еврея?

– Да, – вздохнул старик.

– И что же натворили эти люди?

– Не знаю. Говорят, они засели на минарете и отчаянно сражались. Угрожали даже сбросить оттуда марабута, который случайно там оказался.

– И они исполнили свою угрозу?

– Нет. Кисуры разбомбили минарет, заставив их сдаться. Башня могла в любую минуту обрушиться.

– Значит, их взяли...

– Да, и в том числе еврея.

– Вы опечалены судьбой этого юноши? – спросил Эль-Хагар.

Вместо ответа старик вновь мрачно взглянул на мавра и развернулся, чтобы уйти.

– Э-э-э, нет, не спешите. – Эль-Хагар крепко схватил его за плечо. – Мне все с вами ясно.

– В чем дело, господин? – Старик вздрогнул.

– Вы скорбите о своем единоверце.

– Я вовсе не иудей!

– Тише! Погубите и себя, и девушку, что сидит на коне. Она – родная сестра арестованного юноши.

– Это какая-то ловушка!

– Нет, я не султанский шпион, – серьезно сказал мавр. – Девушка – дочь Нартико, еврея, сумевшего нажить в Тимбукту немалое состояние.

– Нартико? – пробормотал старик. – Я не ослышался? Но кто вы?

– Верный слуга людей, арестованных стражей.

– И говорите, эта девушка – дочь Нартико? Моего старого друга?

– Клянусь Кораном.

Еврей задрожал. Какое-то время он не мог вымолвить ни слова, лишившись дара речи, потом взял себя в руки и сказал:

– Тогда немедленно идем ко мне. Немедленно! Господь всемогущий! Дочь Нартико! В Тимбукту! Его сын схвачен... Надо спасти юношу. Идемте же, идемте.

– Идите вперед, мы последуем за вами, – обрадовался мавр.

Он вернулся к Эстер, терпеливо ждавшей окончания беседы, и рассказал о неслыханной удаче.

– Сам Господь послал нам его, – рассудила девушка. – Вполне возможно, друг моего отца вызовет Бена и маркиза.

– Я тоже на это надеюсь, госпожа, – кивнул Эль-Хагар.

Они поехали за стариком, держась от него на некотором расстоянии, чтобы не вызвать подозрений. Тот свернул в узкую улочку, петлявшую меж садов и саманных лачуг, в которых ютились бедняки-негры.

В еврея, казалось, вселились свежие силы. Он шагал размашисто, даже не опираясь на палку. Время от времени приостанавливался, украдкой косился на Эстер, затем быстро шел

вперед. Миновав четыре-пять перекрестков, старик остановился у одноэтажного домика с террасой, затененной высокими пальмами. Отперев дверь, он обернулся к Эстер и произнес:

– Добро пожаловать в дом Самуэля Хали, старинного друга вашего батюшки. Все, что здесь, – ваше, чувствуйте себя хозяйкой.

Глава XXIX

Старый Самуэль

Внутри дом старого еврея оказался далеко не таким убогим, как выглядел снаружи. Во внутреннем двореке имелись изящные навесы с мраморными колоннами в мавританском стиле, посредине журчал высокий фонтан. Портик был выложен мозаикой, широкие листья пальм отбрасывали приятную тень, особенно благословенную в этом жарком климате. Под навесами виднелись двери, ведущие внутрь дома.

Повсюду стояли диваны и разложены были марокканские ковры – неслыханная роскошь для дикого, затерявшегося в песках города.

Старик, казалось, помолодел сразу лет на двадцать. Он помог девушке спешиться. Двое слуг-негров подали блюда с фруктами, сладостями и апельсинами, привезенными с далекого варварского севера.

– Неужели я действительно имею честь принимать дочь моего дорогого друга? – спросил Самуэль, усадив Эстер на мягкий диван.

– Да. Я – Эстер Нартико, дочь купца из Тимбукту, почившего восемь месяцев назад на руках своего верного слуги Тасили.

– И на моих, – тихонько прибавил старый еврей.

– Вы присутствовали при кончине моего отца? – взволнованно воскликнула девушка.

– Я своей рукой закрыл ему глаза. Но что вы делаете в Тимбукту? Мне известно, что Тасили отправился в Марокко, чтобы принести детям Нартико скорбную весть.

Эстер коротко рассказала старику об их путешествии по пустыне, о маркизе де Сартене, опасных приключениях, выпавших на долю маленького отряда, и о предательстве Эль-Мелаха, приведшем к аресту Бена и его друзей.

Выслушав девушку не перебивая, Самуэль произнес:

– Иначе говоря, вы не знали, что полковник Флаттерс был убит в пустыне. Туареги нарочно распустили слухи, что его продали в рабство. Хотели, чтобы Франция снарядила вторую экспедицию.

– Многие, в том числе де Сартен, им поверили.

– И этот Эль-Мелак не вызвал у вас никаких подозрений?

– Нет. Я лишь сегодня узнала, что он и был тем самым проводником, а его настоящее имя – Аль-Абьяд.

– Негодай, как никто другой, заслуживал смерти.

– Есть ли хоть малейшая надежда вырвать маркиза де Сартена и его товарищей из лап султана? – спросил Эль-Хагар. – Вы прекрасно знаете, что неверных в Тимбукту ждет смерть.

– И жуткая смерть! – подтвердил Самуэль. – Не прошло и двух месяцев с тех пор, как на площади заживо сожгли еврея, прибывшего с триполитанским караваном.

– Моего брата сожгут?! – Эстер задрожала и прикрыла глаза. – Спасите его, господин Самуэль, спасите его ради той дружбы, что связывала вас с моим отцом. Я богата, у меня есть сундук с золотом, я отдам его вам, только спасите Бена.

– С помощью золота в Тимбукту можно добиться многого. Например, подкупить кисуров и тюремщиков, – ответил еврей. – Я тоже скопил приличное состояние и не пожалел денег, только бы спасти сына моего друга и его товарищей.

– О, благодарю вас, господин Самуэль! – воскликнула Эстер, порывисто обнимая старика. – Сам Господь направил нас к вам.

– Оставайтесь здесь, – решил старик. – Мой дом и мои верные слуги в вашем распоряжении. Я вернусь через час, и, даст Бог, с хорошими новостями.

– Куда вы идете?

– К одному арабу, моему доброму другу и очень влиятельному человеку.

– А он нас не выдаст?

– Нет-нет, он очень привязан ко мне. Однажды на Нигере я спас ему жизнь, да и потом оказал немало ценных услуг. Этот человек передо мной в долгу.

Позвав рабов, он отдал им несколько распоряжений и, опираясь на клюку, покинул дом.

– Госпожа, – сказал мавр, когда они остались одни, – нам несказанно повезло, что мы встретили этого господина. Не знаю, что бы мы без него делали.

– Ты прав, Эль-Хагар. Но удастся ли ему их спасти?

– Я верю в его удачу.

– Если Бен и маркиз умрут, я этого не переживу.

Пока они делились своими страхами и надеждами, двое негров принесли кофе, сладости и сушеные фрукты. Однако Эстер и мавр были так взбудоражены, что лишь пригубили из своих чашечек. Они буквально не находили себе места от волнения. Прошел час. Самуэль не возвращался. Каким же долгим показался этот час Эстер!

В полдень дверь наконец открылась, и на пороге появился еврей с невысоким, худым и очень смуглым арабом. Незнакомец был во всем белом, только на высокой чалме зеленела ленточка – символ того, что ее обладатель совершил хадж в Мекку, на могилу пророка. Судя по глубоким морщинам на лбу, араб был старше Самуэля. Впрочем, он не утратил ни живости, ни природной гибкости. Держался очень прямо, двигался легко, но в то же время – величественно.

– Вот мой друг, о котором я вам рассказывал, – произнес Самуэль. – Ему уже все известно, и он готов действовать.

Араб вежливо поздоровался и, любясь юной еврейкой, сказал:

– Не скрою от вас, госпожа, задача предстоит нелегкая. Ваши друзья, прежде чем их скрутили, застрелили трех или четырех стражников. Казнь, увы, дело решенное: иудея сожгут, христианам отрубят головы.

– О милостивый господин! – разрыдалась Эстер. – Спасите их, умоляю!

– Я – староста местных арабов, и у меня немало верных друзей. Они повинуются любому моему приказу, даже если я прикажу им взбунтоваться против султана. Однако нас здесь слишком мало. Между тем кисуры – опытные воины и беззаветно преданы своему хозяину. Но в Тимбукту найдутся отчаянные головы, способные без зазрения совести восстать против султана, если им за это заплатят золотом.

– Что вы задумали? – спросил Эль-Хагар.

– Силой вырвать пленников из рук стражи.

– Напав на Касбу?

– Нет-нет, нападать на дворец бесполезно. Дворец отлично укреплен и хорошо охраняется. Воспользовавшись сумятицей, которую поднимут мои люди, мы отобьем ваших друзей до того, как они поднимутся на эшафот.

– Полагаете, получится?

– Чтобы сломить сопротивление кисуров, потребуется три-четыре сотни людей. Двести могу дать я.

– А остальных? – спросила Эстер.

– Найдем туарегов. Эти разбойники готовы на все, только плати.

– У меня есть двадцать тысяч золотых монет.

– Ну, ради такой суммы туареги нападут даже на султанский дворец.

– Кто пойдет с ними договариваться? – спросил Самуэль.

– Позволь это сделать мне, друг, – ответил араб. – Я знаком с некоторыми их вождями и, не пройдет и полсуток, соберу хоть тысячу воинов. Госпожа, вы прибыли сюда с большим караваном?

– Нет, у нас всего десяток верблюдов и двое проводников.

– А мехари у вас имеются? Нужны три быстроногих верблюда для пленников. Когда мы их освободим, они должны будут немедленно покинуть Тимбукту и бежать к Нигеру. Я пошлю своего человека в Кабару с приказом купить хорошую лодку.

– Мехари займусь я, – предложил Самуэль.

– А я пока отправлю в Кабару бедуинов с нашими верблюдами и вещами, – сказал Эль-Хагар.

– Тогда до вечера. – Араб поднялся. – Ждите от меня вестей.

– На какое время назначена казнь? – Голос Эстер дрогнул.

– На завтрашнее утро. К тому времени все уже будет готово, и уверяю вас, кисуры потерпят поражение.

Подождав, когда араб с мавром уйдут, Эстер рассказала Самуэлю о колодце и сокровище, которое необходимо было достать, прежде чем бежать из Тимбукту.

– Заберем наследство вашего батюшки нынче же вечером, – решил старик. – Переложим в сундучки поменьше и навьючим их на верблюдов. Вы доверяете мавру?

– Всецело.

– Значит, сопровождать караван к Нигеру будет он. Не бойтесь, Эстер, все окончится хорошо, и уже завтра вы обнимете своего брата.

Глава XXX

Пленники

После краткого и напрасного сопротивления маркиз и его товарищи вынуждены были сдаться. Силы оказались слишком неравными. С террасы Касбы по ним палили из пушки, с площади стреляли из мушкетов, с лестницы летели револьверные пули. Пришлось выкинуть белый флаг.

Их крепко связали и препроводили во дворец, где уже ожидал визирь, чтобы допросить пленников и вынести им приговор. Все трое, прекрасно зная, какая судьба их ждет, предстали перед первым министром с гордо поднятыми головами.

Визирь, дряхлый смуглый фульбе с длиннющей седой бородой, встретил их довольно любезно, хотя любезность эта плохо сочеталась с жесткими чертами лица и суровым взглядом. Ни де Сартен, ни его друзья не питали иллюзий насчет будущего, ожидающего «неверных».

– Откуда вы? – спросил визирь, пристально их оглядев. – Из каких стран прибыли?

– Я – сын славной нации, чья власть простирается до самой великой пустыни. Ваш Тимбукту нам на один зубок, – ответил маркиз. – Ты знаешь Францию?

– Ну а ты откуда? – спросил визирь у Рокко.

– Моя родина за морем, однако мой остров находится не так уж далеко от Африки. Именно наша артиллерия много лет назад усмирила гордость триполитанского бея. Ты знаешь Италию?

– Я слышал о таких государствах.

– Вот и хорошо. Тогда тебе известно: если с моей головы упадет хоть волосок, корабли наших стран поднимутся по Нигеру – и от Тимбукту не останется камня на камне.

– Пустыня широка, Нигер длинен, а Франция с Италией далеки. – Губы визиря тронула сардоническая усмешка. – А откуда ты, юноша? У тебя есть родина?

– Я из Марокко, – ответил Бен. – Марокко близко.

– Да, но тамошние власти не озаботит судьба еврея. – Визирь издевательски хихикнул. – Зачем вы явились сюда, неверные? Тимбукту – город мусульман. Разве вы не знали, что кафиров здесь ждет лютая смерть?

– Не знали, – ответил маркиз. – В христианских странах и магометане, и иудеи могут спокойно посещать любые города.

– Что ж, тем хуже для тебя. Надо было узнать о наших обычаях. Так зачем ты сюда пришел? На купцов вы не похожи.

– Я искал французского полковника.

– А-а-а, Флаттерса. Мне об этом докладывали. Однако я тебе не верю. По-моему, ты шпион, желающий выведать секреты наших укреплений, а потом донести о них французам. Мы знаем, что Франция спит и видит, как бы захватить Тимбукту.

– Кто тебе это сказал?

– А зачем три месяца назад приплывала канонерка с французскими солдатами и целые сутки торчала чуть ли не в виду города?

– Я не знаю, о каких французах ты толкуешь, – ответил де Сартен. – Я прибыл с севера, а не с Нигера.

– А я утверждаю, что ты в сговоре с теми французами. История же с полковником Флаттерсом – просто предлог.

– Вот же упрямый осел! – воскликнул Рокко.

– Повторяю, у меня не было никаких иных намерений! – взорвался маркиз.

Визирь три раза хлопнул в ладоши. Вошел полуголый атлетического сложения негр с длинной кривой саблей в руке и поклонился до земли.

– Уведи этих людей, – приказал визирь. – Отвечаешь за них головой.

– Слушаюсь и повинуюсь, хозяин, – ответил негр, подошел к Рокко и с такой силой толкнул его вперед, что сардинец едва не упал.

– Громы и молнии! – вскричал разъяренный Рокко. – Убери руки, раб!

– Иди-иди, кафир. – Негр во второй раз толкнул сардинца.

Островитянин не стерпел. Неимоверным усилием он разорвал веревки, которыми были стянуты его запястья, поднял кулак размером с кузнечный молот и опустил на голову несчастного раба.

Визирь заверещал, вскочил и попятился к стене, испуганно озираясь.

Схватив саблю, Рокко метнулся к маркизу и Бену, намереваясь перерезать их путы, но тут в зал вбежали четверо кисуров.

– Схватить этого человека! – сдавленно заорал визирь.

– Берегись, Рокко! – крикнул маркиз, безуспешно пытаясь разорвать веревки, чтобы прийти на помощь верному слуге.

Кисуры двинулись на Рокко, выставив вперед копыя:

– Бросай саблю! Сдавайся!

– Вот вам мой ответ! – взревел сардинец.

Он бросился на стражников, вращая тяжелым клинком, словно соломинкой. После молниеносной «мельницы» несколькими быстрыми ударами перерубил древки копий. Наконечники со звоном покатились по полу, в руках у кисуров теперь остались бесполезные палки.

– Что, съели? – захохотал Рокко. – Хотите, чтобы я и вас порубил на кусочки? Сабля режет, как бритва.

– Браво, Рокко! – воскликнул де Сартен.

Ошеломленные таким натиском кисуры отпрянули, сгрудившись вокруг визиря, который был ни жив ни мертв.

– Уходим! – бросил Рокко. – Захватим-ка этот паршивый дворец.

К сожалению, шум привлек других кисуров, находившихся неподалеку. Поняв, что в зале у визиря происходит что-то не то, они всей толпой бросились туда, причем многие захватили мушкеты и пистолеты.

Рокко едва успел освободить своих товарищей, когда два десятка стражников ввалились в зал, визжа, будто дикие звери. Маркиз и Бен подхватили обрубки копий, намереваясь действовать ими как кинжалами, и встали рядом с Рокко. Тот же с такой яростью размахивал саблём, точно намеревался прикончить всех, в том числе визиря.

Увидев перед собой этого бешено рычащего геркулеса, играючи перерубившего нацеленные на него копыя, кисуры остановились. Лишь один, самый храбрый, несмотря на потерю оружия, прыгнул на Рокко, рассчитывая повалить и обездвигить гиганта. Сардинец схватил его одной рукой, поднял за шкуру и швырнул прямо в толпу нападающих. Смелчак кубарем покатился по мозаичному полу, лишь чудом не разбив себе череп.

Потрясенные кисуры в ужасе уставились на силача, однако их замешательство длилось недолго. Подгоняемые криками визиря, они наконец вспомнили об огнестрельном оружии и прицелились в трех непокорных пленников, принуждая сдаться.

– Баста, Рокко, – сказал маркиз, отбрасывая обломок копыя. – Перевес на стороне этих каналов.

– Но нас так и так убьют, – возразил Рокко.

– Дружище, никогда не знаешь заранее, где найдешь, где потеряешь. Бросай саблю, иначе нас пристрелят.

Сардинец запустил саблей в стену с такой злостью, что лезвие разлетелось на мелкие осколки.

Кисуры окружили троицу, не решаясь все же приблизиться к Рокко, чтобы вплотную не познакомиться с его могучими кулаками.

– Уведите их с глаз долой, – приказал еще не пришедший в себя визирь. – Это какие-то шайтаны, исторгнутые преисподней.

– Да-да, и другие шайтаны свернут тебе шею, если с наших голов упадет хоть волосок, – пригрозил маркиз.

– Прочь! Прочь отсюда! – взвизгнул дрожащий визирь.

– Мы уйдем, – прогудел Рокко. – Но клянусь, тому, кто попытается меня связать, не поздоровится.

Всю троицу под дулами револьверов и мушкетов вывели из зала.

Они прошли длинной галереей с мавританскими колоннами и широкими окнами, выходящими в сад. Кисуры отперли массивную дверь, обитую железом, и втокнули друзей внутрь.

За дверью оказалась комната с куполообразным потолком и облицованными камнем стенами. Свет проникал в окошко настолько узкое, что в него не протиснулся бы и кот. Мало того, его перегородили двумя толстыми железными прутами. Обстановка была спартанской: три ветхих ангареба да два огромных кувшина с водой.

– Вот это тюрьма так тюрьма! – воскликнул де Сартен. – Ни взорвать, ни решетку перепилить. Визирь постарался, чтобы мы не сбежали.

– Не скажите, маркиз, – покачал головой Рокко. – Решетку можно согнуть и вырвать.

– Ну а потом? – скептически спросил Бен.

– Расширить отверстие.

Сардинец схватил его одной рукой, поднял за шкурку и швырнул прямо в толпу нападающих.

- У нас нет ни долота, ни молотка, мой бравый Рокко, – вздохнул маркиз.
- О, если бы мы только смогли отодрать эту каменную облицовку!
- Увы, дружище, нам остается ждать чуда.
- На что вы надеетесь? – спросил Бен.

– На вашу сестрицу и Эль-Хагара. Уверен, они не бросят нас в беде.

– Что они смогут противопоставить султанской страже? – грустно сказал Бен. – Да, Эстер попытается нас вызволить. Попробует подкупить придворных, тюремщиков, может, даже самого визиря, денег ей хватит. Но я сомневаюсь в успехе. Как и мы, она для них – «неверная» и, если ее разоблачат, погибнет.

– Тем не менее я не отчаиваюсь. Мое сердце говорит мне, что они о нас помнят.

– Прежде чем дать себя прикончить, я задам кисурам перцу, – пробасил сардинец.

– Они все равно тебя обезглавят, – заметил Бен.

– Дьявол! Так не годится.

– Тогда действуй, Рокко, – предложил де Сартен.

– Слушаюсь, хозяин.

– Давай-давай.

– Для начала я вырву железные пруты. Они тяжелые, длинные, ими мы сможем проломить башки кисурам.

– Но железяки, похоже, сидят крепко.

– Мои руки тоже крепки.

Сардинец подошел к окну, схватился за прутья и попытался их вырвать.

– Не поддаются, – нимало не смутившись, пробормотал он. – Ничего, сейчас я их...

Он напряг мощные руки, стиснув пальцами прутья, уперся коленями в стену. Мускулы вспучились, до предела натянув кожу, вены на шее и висках вздулись. Железо сопротивлялось, но геркулес не сдавался, утроив усилия. Внезапно, к несказанному удивлению маркиза и Бена, прут согнулся и вылетел из стены.

– Вот так-то! – с триумфом воскликнул Рокко.

– Разрази меня гром! – выкрикнул де Сартен. – Ну и силища!

– Слоновья! – поддержал его Бен.

– Теперь примусь за второй, – объявил Рокко, утирая лоб.

Камни бойницы расшатались, и следующий прут поддался куда легче. Рокко выдрал его прямо с куском облицовки, несколько расширив отверстие. Сардинец выглянул было наружу, но тут же отшатнулся.

– Стражник? – догадался маркиз.

– Он самый. Торчит прямо вниз.

– Далеко ли до земли?

– Метра три, не больше.

– Куда выходит окно?

– В сад.

– Бен, может, попробуем сбежать? – спросил маркиз.

– А кисур?

– Кисура я беру на себя, – сказал сардинец.

– Надо расширить бойницу, – решил маркиз. – Как думаешь, Рокко, получится сделать это с помощью прутов?

– Получится, хозяин, – кивнул тот, уже совершенно уверенный в благополучном исходе дела.

– А как мы покинем сад? – задумался Бен. – Он ведь наверняка огорожен высокой стеной.

– Перелезем, – отмахнулся Рокко.

– Дьявол, а не человек, – пробормотал юноша. – За что ни возьмется, все ему по плечу.

Они уже собирались приступить к работе, когда маркиз вдруг спросил:

– А если сюда кто-нибудь войдет? Бен, встаньте у двери и слушайте. В случае чего дайте нам знать. С окном мы сами справимся.

Железные пруты были слегка заострены. Ими оказалось удобно поддевать облицовку, похожую на красноватую непрочную известку. Сначала принялись за правый угол. Четыре-пять ударов – и плита упала в руки сардинца. Под облицовкой был все тот же непрочный саман.

– Что скажете, хозяин? – весело поинтересовался Рокко.

– Что еще час-другой, и мы будем на свободе. Кирпич-то дрянной.

– Да, паршиво здесь строят, господин маркиз.

– В Тимбукту по-другому не умеют. Все их дома сделаны из высушенного на солнце кирпича-сырца и глины.

– Ломаем дальше, хозяин?

– Не спеши, Рокко. Стражник может заметить.

– Постараемся не шуметь.

И они продолжили разбирать стену, отбивая облицовку и вынимая кирпичи. Отверстие постепенно расширялось. Тем не менее потребовалось четыре часа, чтобы в дыру можно было протиснуться, так что закончили уже в темноте.

– Самое время сматываться, – заключил Рокко.

– Пролезешь? – спросил маркиз. – Из нас троих ты самый крупный.

– Пролезу, хозяин.

– Посмотри-ка, стражник там?

Привстав на цыпочки, Рокко выглянул в окно:

– Стоит, но не шевелится. По-моему, дрыхнет, лентяй.

– Вооружен?

– Копьем и пистолетами. О, придумал!

– Что именно?

– Вместо того чтобы бить его по башке железякой, придушу маленько, и пусть посидит здесь вместо нас.

– А сумеешь?

– Смотрите!

Сардинец подтянулся, высунулся из отверстия, крепко схватил стражника за шею, чтобы тот не вскрикнул, поднял его, словно марионетку, втащил внутрь и бросил под ноги маркизу и Бену.

– Три тысячи чертей! – воскликнул де Сартен. – Ну ты даешь, Рокко!

Кисур, застигнутый врасплох, даже не сопротивлялся. Впрочем, Рокко его не отпускал.

– Кляп, – сказал сардинец. – Быстро, а то я его задушу.

Маркиз оторвал полоску от своего плаща, и они вместе с Беном заткнули незадачливому стражнику рот.

– Теперь вяжите ему руки и ноги, – добавил Рокко.

Маркиз снял свой длинный шерстяной кушак и связал кисура:

– Готово!

Полузадушенный кисур повалился на пол, выпучив глаза на пленников.

– Смотри у меня, – грозно сказал ему маркиз, – попытаешься освободиться, вернемся и прирежем тебя, как куренка. Понял?

Де Сартен забрал у него длинные кремневые пистолеты, отделанные серебром, и подал один Бену:

– Теперь ходу, друзья!

Рокко, прихватив с собой железный прут, в его руках куда более опасный, нежели копье, пролез через дыру и прыгнул на землю.

– Никого не видеть? – спросил де Сартен.

– Пусто, – ответил сардинец.

Через минуту все трое уже находились снаружи.

Глава XXXI

Дворцовая галерея

Сад, разбитый в одном из внутренних дворики, оказался куда скромнее, чем предполагали маркиз и его товарищи. На этой сухой песчаной почве не росло ни цветов, ни густых кустов. Одни только финики и дум-пальмы, посаженные как бог на душу положит, бросали на землю свои тени. Сад с трех сторон был огорожен какими-то строениями с галереями и террасами. С четвертой высилась гладкая десятиметровая стена.

Осмотревшись и убедившись, что стражи поблизости нет, трое беглецов спрятались среди пальм и стали держать совет.

– Сдается мне, немногого мы добились, покинув нашу камеру, – сделал вывод маркиз. – За стеной, несомненно, улица или площадь, но как нам перелезть?

– Хозяин, – сказал Рокко, – видите низенькую галерею? Не знаю, куда она ведет, однако, по моему разумению, там у нас больше шансов найти выход, не то что в этом саду.

Они крадучись направились туда. Это был красивый павильон около ста метров длиной, вдоль которого на высоте всего девять футов шла изящная галерея. На нее вполне можно было забраться по колонне, что и проделали беглецы. Они перелезли через балюстраду, раздвинули опущенные жалюзи и оказались на лоджии.

– Темнота – хоть глаз выколи, – пробурчал Рокко.

– Тем лучше, – ответил маркиз. – Значит, нас никто не увидит.

– Так и я не вижу, куда ногу ставлю.

– Надо найти дверь.

– Лучше держаться поближе к балюстраде, – сказал Бен.

Они прошли на ощупь метров пять. Вдруг Рокко, шедший впереди, остановился и прошептал:

– Стойте!

Где-то едва слышно открылась и вновь закрылась дверь. Беглецы присели за парапетом, сжимая в руках оружие. По галерее кто-то шел. Шаги приближались, но в непроглядной тьме было не различить даже силуэта.

– Кисур? – шепотом предположил маркиз.

– Кто бы он ни был, не надо его трогать, – посоветовал Бен.

В нескольких шагах от них прошелестела белесая тень и исчезла в дальнем конце, оставив после себя резкий аромат духов.

– Женщина, – сказал маркиз. – Что, если эта лоджия ведет в султанский гарем?

– Тогда спустимся и поищем другую, – ответил Бен.

– Пожалуй, так будет лучше, – сказал маркиз после некоторого размышления. – Только вломиться в гарем нам доставало.

Рокко приподнял жалюзи и выглянул наружу, проверяя, нет ли стражи. В этот миг из-за крыши соседнего здания выглянула луна, ярко осветив всю троичу.

– На помощь! – завизжал женский голос. – Воры!

– Гром и молния! – выругался Рокко. – Черт бы побрал эту султанскую красотку!

– Вниз! Скорее! – скомандовал маркиз.

В конце галереи распахнулась дверь, и в освещенном проеме показались вопящие тени. Медлить было нельзя. Рокко, маркиз и Бен перемахнули через балюстраду и кинулись к стене сада. Поздно. Из всех дверей на террасы и лоджии высыпали кричащие мужчины и женщины.

– Вон они! Убегают!

– Они в саду! Хватайте их!

– Стреляйте!

Загремели выстрелы, эхом разносясь по саду: кисуры, охранявшие террасы, открыли огонь из мушкетов. Грохот наверняка должен был поднять на ноги всех обитателей дворца, а то и самого султана. Отовсюду уже спешили люди с факелами и мушкетами, саблями и копьями. Маркиз с товарищами пересекли сад и побежали вдоль стены, надеясь отыскать проход или лестницу.

– Там! – внезапно закричал Рокко. – Дверь, хозяин!

– Выбиваем! – решил маркиз.

– И поскорее, – прибавил Бен.

Между пальмами мелькали огни факелов, со всех сторон неслись крики. С террас палили из мушкетов – похоже, просто так, наудачу.

Дверь, замеченная сардинцем, была окована полосами железа, однако металл настолько проржавел, что рассыпался от малейшего прикосновения. Маркиз выстрелил в замок. Задвижка отвалилась, но дверь и не думала открываться.

– Проклятье! – воскликнул де Сартен.

– Хозяин, – сказал Рокко, – я пока придержу кисуров, но вы поторопитесь.

Несколько стражников уже были рядом. Сардинец, поудобнее перехватив прут, принялся размахивать им как бешеный, не давая врагам приблизиться. Тем временем маркиз и Бен выбили дверь.

– Рокко! – крикнул де Сартен. – Давай за нами!

И, в полной уверенности, что верный слуга следует за ним, маркиз ринулся наружу, таща за собой юношу.

Они оказались на площади за Касбой. Под пальмами было пусто, так что побег представлялся пустячным делом.

– Рокко! – опять позвал маркиз, срываясь на бег.

В ответ слышались яростные вопли. Сардинец не выходил.

– Бен! Рокко схватили! Возвращаемся!

– Слишком поздно, маркиз! Кисуры гонятся за нами, я их вижу!

– Возвращаемся, говорю!

– Нет, маркиз! – Бен крепко взял де Сартена за плечо. – Если останемся на свободе, сможем ему помочь. Дадим себя арестовать – умрем все.

– Ах, дьявол! Бедный Рокко! Он пожертвовал собой ради нас.

– Бежим! Они близко!

На площади действительно показались стражники. Увидев беглецов, они принялись палить по ним из огромных пистолетов. К счастью, оружие было весьма древним и опасность представляло лишь на близком расстоянии.

Маркиз, покорившись судьбе, бросился догонять Бена, несущегося сломя голову. Минував площадь, они углубились в переулки, ведущие к южным кварталам. Погоня приотсталала. Видимо, стражники опасались, что у беглецов есть сообщники.

– Кажется, оторвались, – прохрипел запыхавшийся маркиз, когда за спиной осталось несколько улиц. – Я их больше не слышу. Куда теперь?

– В дом моего отца.

– Вы найдете дорогу? Я – нет.

– Ничего, как-нибудь сориентируемся.

Отдышавшись немного, они вновь, чуть ли не наперегонки, пустились бежать. Со стороны площади еще доносились крики стражников, но уже едва слышные. Похоже, кисуры или потеряли след, или поленились гнаться в темноте за шустрыми беглецами. Через полчаса стихли и эти последние отголоски. Маркиз и Бен, вконец выдохшиеся, остановились.

– Бояться больше нечего, – сказал юноша. – Мы спаслись.

– Мы-то да, а Рокко? – с болью в голосе спросил де Сартен. – Что, если его убили?

- Не такой он человек, чтобы дать себя убить.
- Они могут отыгаться на нем за наш побег.
- Пойдемте к моей сестре, маркиз. Вместе мы что-нибудь придумаем и вызволим вашего слугу из султанских застенков. Деньги у нас есть, я не пожалею золота, чтобы спасти Рокко. Идемте же, по-моему, наш дом где-то близко.
- Спасибо за щедрое предложение, – вздохнул маркиз, – но, боюсь, золото не поможет. Негодяи! Какое гнусное и подлое предательство!
- Эль-Хагар убил предателя.
- Одного. Второго еще жив.
- Подозреваете Эль-Мелаха?
- Да, Бен. Ведь это он привел нас к тому арабу, и он наврал о полковнике.
- Мы до сих пор не знаем, убит ли Флаттерс или стал рабом султана.
- Увы, я утратил надежду. Напротив, окончательно уверился, что отважный полковник погиб вместе со своими людьми в Сахаре.
- Маркиз, мы пришли.
- Куда?
- К дому моего отца, разумеется. Смотрите, в саду горит огонь!
- Думаете, ваша сестра выкапывает сокровища?
- Скорее всего.
- А что, если это воры? Тот же Эль-Мелах? О, хоть бы так и было! Я бы убил его как бешеного пса.
- И, выхватив пистолет, он бросился к садовой калитке.
- В саду несколько человек при свете факела вытаскивали из колодца тяжелый сундук.
- Эль-Хагар! – воскликнул маркиз.
- Сестра! – одновременно с ним выкрикнул Бен.
- Они распахнули калитку и вбежали в сад, крича:
- Эстер!.. Сестра!..
- Девушка обернулась, сделала несколько несмелых шагов. Она побелела как полотно, потом залилась румянцем и обняла сначала брата, затем де Сартена, восклицая:
- Спасены! Спасены! Господь всемогущий, благодарю Тебя!

Глава XXXII

Жестокое сражение

Несколько минут спустя Бен, Эстер и маркиз сидели за столом в доме и рассказывали друг другу об опасных и удивительных приключениях, выпавших на их долю. С душевной болью друзья узнали о смерти Тасили, зарезанного безжалостным Эль-Мелахом.

– Выходит, Тасили и полковник Флаттерс уже отомщены, – заключил маркиз. – Предателю очень повезло, что его убил Эль-Хагар. Попадись он в мои руки, умер бы куда более страшной смертью.

– Забудьте о нем, маркиз, – сказала Эстер. – Давайте лучше подумаем, как спасти Рокко. Мы на все готовы. Правда, Бен?

– Мы сами встанем во главе арабов и туарегов. Клянусь, ни один кисур не уйдет от меня живым. Сколько людей ты наняла, сестра?

– Около трех сотен.

– Говоришь, старейшина арабской диаспоры ручается за них?

– Да, брат.

– Все ли готово для побега?

– В Кабаре нас ждет лодка, за городской стеной – четыре быстроногих мехари. Самуэль, старинный друг нашего отца, побеспокоился обо всем.

– Тогда нам надо позаботиться о вашем наследстве, – сказал маркиз.

– Оба бедуина и Эль-Хагар совсем скоро отправятся в Кабару. Я приготовила шесть шкапулов, чтобы погрузить сокровища на верблюдов.

– Сколько вы пообещали арабам и туарегам?

– Двадцать тысяч золотом. Если побег удастся, деньги будут выплачены завтра вечером в доме Самуэля.

– Эти расходы я беру на себя, – отрезал де Сартен.

Бен и Эстер с улыбкой переглянулись.

– Маркиз, – сказал юноша, – мы поговорим об этом позже. Не забывайте, мы с сестрой прибыли в Тимбукту живыми и здоровыми лишь благодаря вам с Рокко.

– Но...

– Не надо слов, маркиз. – Эстер дотронулась до его губ своим пальчиком. – Я запрещаю вам даже упоминать об этом.

– Поглядим-ка лучше на сокровища, – предложил Бен. – Если сундук действительно слишком тяжел, чтобы погрузить его на верблюда, придется разложить золото по шкапулкам.

Двое рабов Самуэля с помощью Эль-Хагара перенесли сундук в дом. Он оказался крепким, обитым медью, со стальными петлями и железными гвоздями.

– Замок придется сломать, – заключил Бен. – Только Тасили знал, где ключ.

Он приказал принести кирку, поддел ею крышку и нажал. Ему потребовалось повторить это несколько раз, прежде чем замок сломался.

Крышку откинули, и в тусклом свете факела заблестело золото, засверкали бриллианты и изумруды. Были тут драгоценные ожерелья, браслеты и перстни, вроде тех, которыми любят себя украшать женщины Тимбукту.

– Настоящий клад! – восхищенно произнес маркиз.

Крышку откинули, и в тусклом свете факела заблестело золото, засверкали бриллианты и изумруды.

Они принялись пересыпать содержимое в шкатулки, предоставленные Самуэлем. Они были поменьше сундука, но также из крепкого дерева, обитого железом. Закончив, плотно обвязали их старой рогожей, чтобы никто не заподозрил, что в шкатулках сокровища.

– Со стороны выглядит так, будто это ящики с финиками, – сказал Бен. – В этих местах осторожность никогда не помешает.

Караван уже был готов. Шесть шкатулок навьючили на трех самых сильных верблюдов. Пора было отправляться.

– Ты все понял, Эль-Хагар? – спросила Эстер, прежде чем караван покинул сад.

– Да, госпожа, – кивнул мавр. – Буду ждать вас в Кабаре.

– Перенеси багаж в лодку, которую для нас купили. Лодочников найдешь на причале.

Опознаешь их по алжирским фескам и красным уазроцам.

– Еврей мне уже объяснил.

– Будь нам верен, Эль-Хагар, и не пожалеешь об этом.

– Рассчитывайте на меня, госпожа.

– Ну а сейчас, – сказала Эстер Бену и маркизу, – нам бы надо немного отдохнуть перед боем.

– Когда ждать друга вашего отца? – поинтересовался де Сартен.

– На рассвете. Он придет вместе с арабом. Казнь назначили на полдень.

– Бедный Рокко, – проговорил маркиз.

– Мы его спасем, – решительно сказала Эстер. – Араб мне в этом поклялся. Самуэль утверждает, что этот человек способен поднять против султана пол-Тимбукту.

– Такой влиятельный господин?

– Да, маркиз. Он именно тот, кто нам нужен.

Пять часов спустя, еще до первых лучей солнца, араб и Самуэль постучали в дверь дома Нартико. Их сопровождали четверо туарегов в бурых шерстяных плащах. За поясами у них торчали ятаганы и огромные кремневые пистолеты, не внушавшие доверия.

Маркиз, Бен и Эстер, всю ночь так и не сомкнувшие глаз, приняли гостей в комнате, выходящей в сад.

– Госпожа, – сказал араб, поприветствовав француза и Бена, – я привел туарегских вождей, чтобы они в вашем присутствии поклялись на Коране. Книга пророка у меня с собой.

– Прекрасно, – холодно ответила Эстер. – Пророк да покарает клятвопреступников! Пусть ваши люди произнесут священные слова, и тогда сам Бог накажет предателей.

– Госпожа, – начал первый туарег, склонившись перед девушкой, – ты отдашь нам то, что положено по уговору, и мы будем тебе верны. Клянусь Кораном! Пусть львы и гиены пожрут мое тело, пусть враги бросят его непогребенным в жарких песках Сахары, пусть жажда иссушит мои внутренности, пусть стервятники выклюют мне глаза, если я нарушу эту священную клятву. Да, мы – разбойники пустыни, но знаем, что такое верность тому, кто щедро платит. Пророк слышит меня и сурово накажет, если я отрекусь от своих слов.

Остальные туареги повторили клятву, по очереди положив руку на священную книгу, которую перед ними держал араб.

Когда с этим было покончено, старейшина пристально взглянул на маркиза и Бена, до сих пор не проронивших ни слова.

– Кто эти люди? – спросил он у Эстер. – В доме Самуэля я их не видел.

– И не могли видеть, господин. Они были в руках султанских кисуров.

– Вчера вечером прошел слух, будто бежали двое пленников, француз и еврей. Так это они?!

– Они самые.

– Аллах всемогущий! Значит, они действительно сбежали?

– Как видите. Это мой брат, а это – французский маркиз.

Араб изумленно переводил взгляд с одного на другого.

– Выходит, нам осталось спасти только третьего? – воскликнул он.

– Да.

- Это облегчает дело.
- Или, наоборот, усложняет? Кисуры наверняка удвоят бдительность.
- У нас триста отважных воинов, госпожа.
- Когда пленника поведут на казнь?
- В десять.
- Куда?
- На рыночную площадь.
- А где сейчас твои люди?
- Уже окружили эшафот. Их прикроют три-четыре сотни негров, которым я пообещал тысячу монет, если те не дадут толпе вмешаться.
- Вся сумма будет выплачена через Самуэля, – сказала Эстер. – Двадцать тысяч – туарегам, тысяча – неграм, десять тысяч – вам. Вы довольны, господин?
- Вы щедры, как царица Савская, – улыбнулся араб. – Что ж, приговоренный может уже считать себя спасенным.
- Тогда пошли, – сказала Эстер.
- Для бегства все готово, госпожа?
- Мехари ждут у южных ворот, – ответил за девушку Самуэль. – Я отправил туда рабов с верблюдами еще два часа назад.
- Послушайте, – обратился к арабу маркиз, – а нас с Беном не опознают? Мне кажется, среди туарегов и негров мы с ним будем бросаться в глаза.
- И как я сам об этом не подумал? – хлопнул себя по лбу араб.
- Идемте ко мне, – предложил Самуэль. – Я дам вам подобающую одежду, а ваши лица и руки мы выкрасим хной.
- Поторопимся, друзья, – сказал старейшина. – Мы должны прибыть на площадь до того, как там соберется народ.
- Они покинули сад и, пройдя задами, через четверть часа уже входили в дом Самуэля. Преображение Бена с маркизом в местных заняло еще полчаса. В одежде у Самуэля недостатка не было, и он быстро подобрал для них подходящие наряды, а хна скрыла их слишком светлую кожу.
- Из вас получился замечательный бамбара, – сказала Эстер, глядя на маркиза. – А из тебя, братец, – прекрасный туарег.
- Бен как раз прицеплял к поясу обоюдоострый ятаган.
- Теперь вас ни один кисур не узнает, – заключил араб, – можете даже не сомневаться.
- Оба друга закинули за спины винтовки, добавив к ним револьверы и ятаганы, любезно предоставленные Самуэлем. Эстер покрыла голову внушительной чалмой и завернулась в широкий уазроц, уверенная, что теперь никто не заподозрит в ней женщину.
- На улицах уже начал появляться народ. Новость о казни кафира стремительно распространилась по городу, и люди, охочие до кровавых зрелищ, валом валили к рыночной площади. Когда друзья добрались до нее, там уже собралось около тысячи человек. Толпа гудела, как встревоженный пчелиный рой.
- Посредине виднелся помост высотой в несколько метров. Его охраняли десятка два кисуров с копьями и ятаганами. Кроме того, эшафот окружали туареги и арабы, с ног до головы увешанные оружием. Они грубо отталкивали горожан, стремившихся пробиться к помосту и занять местечко получше.
- Наши люди, – сказал старейшина маркизу. – Их даже больше, чем я рассчитывал.
- Они отлично вооружены, – кивнул маркиз. – Это не вызовет подозрений?
- Нет, господин. Фанатизм туарегов и их ненависть к кафирам известны всем.
- Фанатизм, который можно умерить деньгами, – хмыкнул де Сартен.

– Для этих разбойников золото важнее Аллаха, – засмеялся араб. – Кстати, послушайте, что они вопят.

Туареги, потрясая оружием, кричали:

– Смерть кафиру! Казнить неверного! Казнить! Бог велик!

– Вот ведь лицемеры! – воскликнул маркиз.

– Идемте, господин, надо встать в первом ряду.

Увидев старейшину, арабы и туареги расступились, пропуская его вперед. Маленький отряд оказался перед самым эшафотом. Вожди разбойников, отличавшиеся седыми косматыми бородами, подошли к арабу и поприветствовали его.

– Все готово? – спросил тот.

– Нашим людям не терпится пустить в ход ятаганы, – ответил один. – Мы распустили слух, что казнить собираются не кафира, а турецкого посланника. Те двое, что бежали, здесь?

– Да.

– Они знают, что визирь рвет на себе волосы от ярости?

– Могу себе представить.

– Но как же им удалось удрать?

– Это не ваша забота.

– Однако нам все равно заплатят наши двадцать тысяч? Ведь теперь осталось спасти только одного кафира.

– Деньги будут ждать вас в доме старого Самуэля. Нынче вечером вы сможете их забрать.

– А иудей не обманет?

– Я за него ручаюсь.

– Значит, стражникам сегодня не поздоровится, – зло ухмыльнулся туарег.

– Сумеете убраться из Тимбукту?

– Наши мехари оседланы и ждут. Быстро нанесем удар и скроемся в пустыне. У кисуров кишка тонка погнаться за нами.

В этот момент где-то на дворцовой площади выстрелила пушка.

– Пленника вывели из Касбы, – пояснил араб.

Толпа, ставшая к этому времени огромной, заволновалась. Люди, прятавшиеся от солнца под навесами, рванули к помосту, однако туареги лишь плотнее сомкнули ряды, а за их спинами уже выстроились две сотни негров.

– По-моему, перевес на нашей стороне, – заключил маркиз при виде последних. – Араб все сделал как надо.

Вдали загремели барабаны. Процессия приближалась, вытесняя толпу на площадь. Отовсюду слышались крики: «Смерть кафиру! Отрубить ему голову! Сжечь его! Смерть подлому убийце!»

И вот на рыночной площади показались кисуры, расталкивающие негров, фульбе и приехавших караванщиков ударами древков. Стражников было около шестидесяти: двадцать конных с пиками и ятаганами и сорок пеших с мушкетами. Впереди вышагивали четверо негров и четверо фульбе. Первые оглушительно дудели в длинные трубы, вторые яростно стучали в деревянные барабаны, обтянутые верблюжьей кожей.

В центре шел Рокко со связанными руками. Сардинец выглядел невозмутимым, однако он исподтишка шарил глазами по толпе в надежде увидеть своих друзей. Наверняка рассчитывал, что маркиз с товарищами не бросят его в беде.

– Готовы? – спросил араб у туарегских вождей.

– Готовы, – ответили разбойники.

– Тогда слушайте. Как только я выстрелю из пистолета, бросайтесь на кисуров.

Маркиз взял в правую руку ятаган, в левую – револьвер. То же самое проделал и Бен. Туареги, усыпляя бдительность стражи, принялись вопить еще громче:

– Смерть кафиру! Отрубить ему голову!

Процессии оставалось пройти до помоста каких-нибудь тридцать шагов. Стража принялась расталкивать туарегов, однако те не спешили освободить путь.

Вдруг над площадью, перекрывая гомон толпы, разнесся крик:

– Рокко!

Кричал, разумеется, маркиз. Услыхав голос хозяина, сардинец вздрогнул и, будучи выше своих охранников, быстро оглядел толпу поверх голов.

Грянул пистолетный выстрел. Араб подал сигнал к атаке. Вопли туарегов тут же изменились:

– Бей кисуров! Свободу турку!

Разбойники пустыни, словно самум, налетели на стражников. Их ятаганы вспарывали животы верблюдам, животные падали, жалобно ревели и били ногами, усиливая хаос. Верхние очутились на земле, путаясь в стремях. Придавленные своими мехари, они не могли оказать должного сопротивления.

Их пешие товарищи, хоть и были застигнуты врасплох туарегами, за секунду до нападения требовавшими голову кафира, успели сомкнуть ряды и дать залп из мушкетов. Над площадью словно гром грянул. Кое-кто из нападавших упал с пробитой грудью.

Получив отпор, туареги заколебались, однако тут со всех сторон на кисуров кинулись арабы, паля из пистолетов. Негры тем временем толкали и пихали горожан, сея панику.

Мавры, фульбе, нигерийцы и караванщики с севера, перепуганные выстрелами и свистом пуль, бросились кто куда с площади, вопя, наталкиваясь друг на друга и падая. Зевак охватил страх.

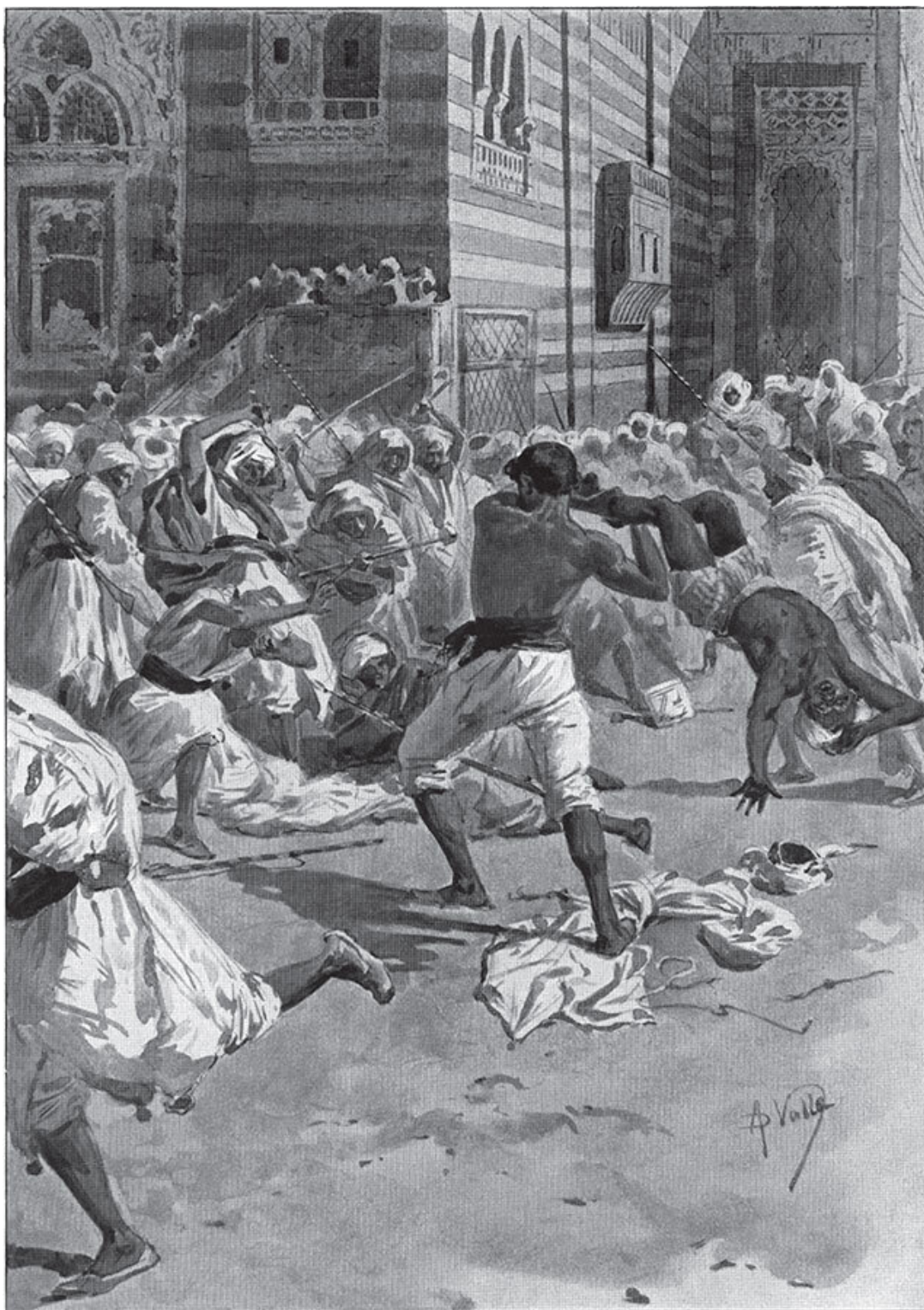
Меж тем арабы и туареги наседали на стражников. Маркиз и Бен дрались в первом ряду. Опустошив револьверы, они взялись за ятаганы. Эстер метко била из карабина, староста размахивал саблей как одержимый.

Рокко, сообразив, что его пытаются освободить, тоже не терял времени даром. Поднатужившись, разорвал путы, схватил за ноги ближайшего кисура и, орудуя им, будто дубиной, принялся сшибать с ног охранников. Сила островитянина вселила ужас в султанских кисуров. На них нападали и с фронта, и с тыла. Кто на их месте не дрогнул бы?

– Вперед! – кричал де Сартен. – Рокко рядом!

Он одним ударом зарубил командира кисуров. Расталкивая стражников, маркиз рвался к пленнику:

– Ко мне, Рокко!

...Рокко схватил за ноги ближайшего кисура и, орудуя им, будто дубиной, принялся шишать с ног охранников.

Великан отшвырнул кисура, подобрал с земли мушкет и, круша им противников, быстро пробился к хозяину.

– Расступись! – громогласно скомандовал старейшина.

Туареги и арабы исполнили приказ. Маркиз, Бен, Рокко и Эстер вслед за старейшиной пересекли площадь, покинув место сражения. Продолжавшийся бой, судя по всему, складывался не в пользу султанских кисуров.

Улицы были забиты народом, и на пятерых прохожих никто не обратил внимания. На всякий случай маркиз отдал Рокко свой уазроц, а Бен – чалму. Вот и городские стены. Сзади еще слышались выстрелы и вопли. Со стороны дворца заухала пушка.

– Вон ваши мехари, – показал араб. – Быстро в седла и скачите что есть мочи.

– А вы? – поинтересовался де Сартен.

– Пойду отзову своих людей.

– Спасибо, друг.

– Да пребудет с вами милость Аллаха. Я сдержал слово.

Пожав всем руки, он поспешил обратно на площадь.

– В седла! – скомандовал маркиз. – Нас ждет Нигер.

Негры-рабы Самуэля подвели четырех великолепных мехари, быстрых, точно ветер.

– Не пройдет и часа, как мы будем в Кабаре, – сказал Бен, одаривая рабов пригоршней золотых. – Готовы?

– Готовы, – ответил маркиз.

– Поторопитесь, господин, – крикнул один из рабов. – Я вижу облако пыли у восточных ворот. Приближаются всадники.

И четыре верблюда понеслись к Нигеру, чьи воды сверкали на солнце, точно расплавленное золото.

Глава XXXIII

Кабара

Нигер – одна из самых длинных и полноводных рек Африки. Впрочем, еще каких-то полтора века назад европейцы сомневались в его существовании, а родники, питающие эту реку, были открыты всего сто лет тому. Нигеру далеко до Нила, однако он вполне может потягаться длиной с Замбези и Конго.

Этот западноафриканский гигант зарождается на северных склонах отрогов Конго, а точнее – в горах Ломе, возвышающихся к востоку от Сьерра-Леоне. Описав длинную дугу, Нигер разворачивается на запад и впадает в Гвинейский залив, разделившись на три рукава: Старый Калабар, Новый Калабар и Нун. Ширина его истока всего два фута – слабенький ручеек, да и только. Но чем дальше, тем полноводнее он становится, вбирая в себя многочисленные притоки, омывающие царства Бамасин, Янина, Сегу и Дженне, пока наконец его ширина не достигает четырех–шести километров, а глубина – двенадцати метров.

В своем верхнем течении Нигер носит имя Темби, затем – Баба́ и Джолиба. За Тимбукту он зовется Бара-Исса, а еще дальше – Куарра.

Как сказано выше, эта водная артерия, пронизывающая богатейшие земли Западной Африки и доходящая почти до самой Сахары, еще в восемнадцатом веке была неведома европейцам. Они знали, что в этой части Черного континента существует какая-то таинственная река. Но какая именно? Геродот слышал о ней от греков, живших в Кирене, однако счел Нигер притоком Нила. В более поздние времена географы решили, что Нигер впадает в озеро Чад.

Доказательства его существования были получены лишь в 1795 году. Доставил их смелый шотландец по имени Мунго Парк. Его небольшая экспедиция с невероятными усилиями прибыла в царство Бамбара. Мунго Парк первым из европейцев воочию увидел величественную реку.

Второй раз он вернулся туда в 1797 году вместе со своим шурином Александром Скоттом, но на сей раз ему не повезло. Сначала ряды экспедиции прореживает лихорадка, затем их лодку атакуют негры, она тонет, а несчастного первооткрывателя и его спутников убивают.

В 1822 году англичанин, майор Ленг, предпринимает новую попытку и добирается до гор Конго, где находятся истоки реки. Пять лет спустя он повторил свое путешествие, но угодил к туарегским фанатикам. Те предложили ему перейти в магометанство, а когда майор гордо отказался, задушили его.

Французу Рене Кайе повезло больше. Он в одиночку, без чьей-либо помощи, проявив чудеса героизма, пересек Сахару и, притворившись арабом, первым посетил Тимбукту. С 1827 по 1828 год исследовал Нигер, вновь преодолел пустыню и вернулся на родину, заработав десять тысяч франков от Парижского географического общества.

В 1829 году капитан Клаппертон, воодушевленный успехами Кайе, перебирается через Нигер в Бенин, где попадает в плен к туземцам царства Сокото и умирает от дизентерии на руках верного друга Ричарда Лендера.

Лендер вместе с младшим братом Джоном решает продолжить дело погибшего товарища. В 1831 году он спускается по течению Нигера, однако погибает, застреленный в стычке с дикарями у самого устья великой реки.

Нигер, как прежде Нил, Конго и Замбези, собрал кровавую жатву.

Четверо мехари, непрерывно понукаемые, скакали все быстрее и быстрее, вытягивая, точно страусы, шеи и раздувая ноздри. Животные как будто понимали, что от них зависит жизнь седоков, и вихрем неслись вперед, поднимая тучи пыли.

Маркиз, ехавший последним, при каждой возможности оборачивался, проверяя, далеко ли всадники, выехавшие вслед за ними из Тимбукту. Он был уверен, что это погоня, ведь те

тоже направлялись в сторону Кабары. Их было человек двадцать. Маркиз видел, как блеснит на солнце оружие. Хотя верблюды выбивались из сил, оторваться беглецам пока не удавалось.

– Это за нами, – крикнул де Сартен.

– Дело плохо, маркиз, – сказал Бен. – Против двадцати кисурам мы не выстоим.

– Переплывем Нигер, доберемся до Коромеха и будем спасены.

– Кисурам ничто не мешает купить лодку и последовать за нами. Маркиз, надо уходить дальше, хотя бы в Герго. В этом отдаленном поселении чихать хотели на султана. Бедуинов берем с собой?

– Нет, Бен. За их верность подарим им наших верблюдов. А с собой лучше взять Эль-Хагара. По-моему, он к нам привязался.

– Это верно. Когда доберемся до Марокко, наградим его как следует. Если бы не он, моя сестра уже стала бы наложницей султана.

– Я бы скорбел об этом до конца моих дней, – произнес маркиз, глядя на Эстер, ехавшую рядом с Рокко. – Что это? Пушечный выстрел? Вы тоже слышали?

– Наверное, какой-то сигнал, – с тревогой сказал Бен. – Еще один!

– Посмотрим-ка...

Маркиз обернулся к северу, туда, где остался Тимбукту. Кисуры продолжали погоню, хотя и приотстали: лошадям трудно было состязаться в скорости с мехари.

– Боюсь, пушечными выстрелами дают знать о нашем побеге властям Кабары. – Де Сартен нахмурился.

– Думаете, нам помешают отплыть? – забеспокоился Бен. – Маркиз, у меня душа не на месте.

– У меня тоже. Впрочем, до реки осталось минут десять. Если нас попробуют задержать – не жалейте патронов, друзья. Бен, ваша винтовка заряжена?

– Заряжена, маркиз.

– Тогда, вперед.

Кабара, служащая портом Тимбукту, была уже в двух-трех километрах.

В этом крохотном городке обитают всего несколько тысяч жителей. Канал, на котором он построен, судоходен лишь в сезоны дождей, однако значение его трудно переоценить. Сюда прибывают множество судов из Нопти, Дженне, Сана, Герго и Бамбы.

В Кабару свозят товары, столь необходимые Тимбукту. Особенно продовольствие, ведь сам Тимбукту не производит ничего, кроме табака. С юга приходят лодки с рисом, просом, баранами, чаем, сахаром. Из французской колонии Сенегал везут ткани, пряжу, кремневые ружья и прочее в таком же роде.

Если Кабара в одночасье исчезнет, Тимбукту не только столкнется с нехваткой еды, но и обнаружит, что караваны обходят его стороной. Именно так и случилось в 1885 году, когда Царицу Песков едва не покорило царство Масина, причем без единого выстрела, просто чуть не уморив голодом.

Прибытие отряда де Сартена вызвало оживление на кабарской набережной. Откуда-то выскакивали и вновь исчезали негры с копьями, а навстречу султанским кисурам спешно выехали всадники. Видимо, пушечные выстрелы встревожили власти Кабары, и те поторопились отправить гонцов в Тимбукту.

– Друзья, – сказал маркиз, – ни в коем случае не останавливайтесь. Если негры попытаются нас задержать, скачите прямо на них. Рокко, держись рядом со мной. Бен, вы поезжайте в арьергарде. Эстер – спрячьтесь за нашими с Рокко спинами. Повторяю, патронов не жалеть, но стрелять по моей команде.

Мехари в несколько минут преодолели последний отрезок равнины, сбив с ног негров, засевших с копьями и какими-то допотопными кремневыми ружьями у двух полуосыпавшихся земляных валов.

Тогда на дорогу вышел их командир, мускулистый негр в красном уазроце. В руке он держал длинный посох с серебряным набалдашником.

- Стойте! Здесь нет прохода!
- С дороги! – Маркиз поднял винтовку.
- Без разрешения от султана вы не пройдете.
- Друзья, цельтесь!

Четыре мехари неслись на стражников. Те быстро раздались в стороны и попрятались за земляными валами. Командира, который то ли не успел укрыться, то ли был слишком уверен, что чужаки ему повинуются, верблюды опрокинули в пыль, где несчастный и остался лежать с переломанными конечностями и в разорванном плаще.

- Скорее! Скорее! – подгонял маркиз, демонстративно угрожая неграм винтовкой.

Верблюды пронеслись между валами и поскакали по улицам городка. Река была уже совсем рядом. Однако крики и выстрелы привлекли всеобщее внимание. Отовсюду сбегались все новые и новые толпы, стремящиеся преградить путь пришельцам. На рыночной площади маркиза попытались остановить во второй раз: тридцать оборванцев с бесполезными древними ружьями и неподъемными саблями.

- Расступись! – взревел маркиз, прицеливаясь из винтовки.

Чернокожие что-то заорали в ответ. Трое или четверо в свою очередь взяли оружие на изготовку. Рокко направил своего мехари прямо в толпу и принялся колотить прикладом по головам тех, кто осмеливался поднять аркебузу или саблю. Геркулес, похоже, вознамерился перебить всех скопом, чем вселил такой ужас в сердца туземцев, что те бросились врассыпную.

- Я вижу реку! – крикнул Бен.
- А я – Эль-Хагара, – добавила Эстер. – Вон он, бежит нам навстречу.

Действительно, из переулка вывернул мавр. За ним с воплями гнались негры жуткого вида. Они напоминали стаю бродячих шавок, не решающихся напасть и только гавкающих.

- Господин! – заорал Эль-Хагар, увидев де Сартена. – Сюда! Вашу лодку хотят ограбить!
- Но ведь там наши сундуки!
- Друзья, отстоим сокровища! – вскричал маркиз, открывая огонь по преследователям мавра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.